

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

УДК 811.161.1'371

На правах рукописи

КОТЛЯРОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА

**Парадигматическое моделирование развития эмоциональных концептов
«тоска», «грусть», «печаль», «горе»**

6D021300 – Лингвистика

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:
д.ф.н., профессор Жаналина Л.К.
д.ф.н., профессор Голев Н.Д.

Республика Казахстан
Алматы, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	6
1 ПОЛИАСПЕКТУАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ	14
1.1 Конкуренция старой и новой научной онтологии в науке	14
1.2 Когнитивно-дискурсивное, когнитивно-номинативное направления: магистральный путь развития современной русистики	24
Выводы по 1 разделу	33
2 МЕХАНИЗМЫ КОГНИТИВНО-НОМИНАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА	34
2.1 Когнитивное конструирование семантического пространства языка	34
2.2 Языковые факторы систематизации когнитивного пространства	42
2.3 Когнитивно-номинативная парадигматизация результатов номинативной деятельности	49
2.3.1 Развитие концепта «тоска» в номинативной парадигме	49
2.3.2 Развитие концепта «грусть» в номинативной парадигме	65
2.3.3 Развитие концепта «печаль» в номинативной парадигме	73
2.3.4 Развитие концепта «горе» в номинативной парадигме	84
Выводы по 2 разделу	100
3 СИНОНИМИЯ КАК АСПЕКТ СТРУКТУРИРОВАНИЯ КОГНИТИВНО-НОМИНАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ	104
3.1 Ключевые концепты в структуре языкового сознания	104
3.2 Развитие эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в русском художественном сознании	112
3.2.1 Концептуальные метафоры живой природы: вегетативный код	112
3.2.2 Концептуальные метафоры живой природы: орнитологический код	122
3.2.3 Концептуальные метафоры неживой природы: стихия воды	132
3.2.4 Концептуальные метафоры неживой природы: стихия воздуха	138
3.2.5 Концептуальные метафоры неживой природы: стихия земли	149
Выводы по 3 разделу	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	171
ПРИЛОЖЕНИЕ Список использованных словарей	194

ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

В диссертации использованы следующие термины и терминологические сочетания:

Интегративная лингвистика – лингвистика, которая охватывает все уровни языка в их системной организации и в функционировании, т.е. в речевой деятельности [1, с. 11].

Интегративный подход – объединение семасиологического и ономазиологического, синхронного и диахронического, системно-семантического, функционального и когнитивного подходов [1, с. 111].

Интегративный принцип – научный принцип, который диктует изучение языка в единстве его статики и динамики, языковой формы и заключенного в ней когнитивного содержания, исследование языковой системы и языковой деятельности, рассмотрение языка в синхронии и диахронии, выявление действия психологических и социальных факторов в формировании системы языка и в его функционировании [1, с. 110].

Категоризация – когнитивное расчленение реальности, сущность которой заключается в делении всего онтологического пространства на различные категориальные области, акт отнесения слова или объекта к той или иной группе, способ установления иерархических отношений типа «класс – член класса» [2, с. 31-32].

Когнитивно-номинативная парадигма – объединение номинативных парадигм с категориально сгруппированными опорными словами [1, с. 452].

Концепт – оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [3, с. 90].

Концептуализация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающейся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в человеческой психике [4, с. 319].

Концептуальная метафора – одна из основных ментальных операций, способ познания, структурирования и объяснения окружающего нас мира; осмысление и переживание явлений одного рода в терминах явлений другого рода [5, с. 389].

Номинативная деятельность – самостоятельная форма речевой деятельности, отличающаяся от второй ее формы – коммуникативной деятельности по цели-функции (номинативная функция – коммуникативная функция), внутренней стороной которой является познавательная деятельность, а ее результаты – номинативные единицы, производимые способами номинации [1, с. 128].

Номинативная единица – минимальная единица номинативной системы, которая выполняет номинативную функцию, сохраняется в памяти и воспроизводится в коммуникативной деятельности [1, с. 392].

Номинативная парадигма – системная единица, которая объединяет номинативные единицы, реализующие номинативный потенциал опорного слова [1, с. 455].

Номинация – процесс создания новообразований, новых имен [1, с. 338].

Ономасиологический подход – рассмотрение языковых единиц в направлении от значения к форме [1, с. 330].

Отношения изоморфизма – отношения семантического тождества единиц различных уровней, которые являются результатом действия закона аналогии и охватывают только содержательный план языка, т.е. являются односторонними [6, с. 61].

Парадигматическое моделирование – это представление когнитивно-номинативных парадигм исходных слов и выражаемых ими концептов, где на первой ступени выделяются зоны парадигмы, которым соответствует определенный способ номинации, а на второй ступени области, в которых объединяются номинативные единицы, созданные для расширения исходного концепта общими признаками, и новые интегрированные концепты [1, с. 133].

Парадигматические отношения – отношения, которые формируют парадигмы фонетических, лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических единиц, выступающих не изолированно, а в совокупности [6, с. 45].

Периферия концепта – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексем, коннотации, ассоциации [7, с. 45].

Принцип антропоцентризма – научный принцип, который определяет изучение языка с учетом его носителя – человека, представителя определенного этноса, социума (социальной группы), индивидуума [6, с. 74].

Принцип когнитивизма – научный принцип, который диктует изучение тех мыслительных структур, которые несут языковые единицы, и того ментального пространства, которое стоит за языком, отражается и формируется в речевой деятельности [6, с. 90].

Принцип функционализма – научный принцип, который диктует рассмотрение языка по выполняемым им функциям, исследование его как функционирующего механизма, т.е. как речевой деятельности и как текста-дискурса [6, с. 78].

Принцип экспансионизма – научный принцип, который проявляется в виде синтеза различных наук, активного диалога лингвистики с другими науками – с философией, логикой, семиотикой, психологией, историей, этнологией, культурологией, нейрофизиологией и другими науками [6, с. 72].

Принцип экспланаторности – принцип объяснительности, который реализуется благодаря действию принципов экспансионизма и антропоцентризма [6, с. 75].

Речевая деятельность – деятельность, которая охватывает построение высказываний, выполняющих коммуникативную функцию, и конструирование номинативных единиц, выполняющих номинативную функцию [1, с. 107].

Родо-видовые отношения – отношения, которые связывают слово, передающее родовое понятие, со словами, называющими видовые понятия;

отношения входят в логические отношения различия и представляют разновидность отношений включения, когда часть квалифицируется как вид, а целое как род [6, с. 33].

Семасиологический подход – рассмотрение языковых единиц в направлении от формы к значению [1, с. 330].

Способы номинации – механизмы номинативной деятельности, которые моделируют языковые процессы продуцирования номинативных единиц [8, с. 88-90].

Теория номинации – изучает речевую деятельность, производящую номинативные единицы для вербализации новой информации, полученной в познании, и сохраняющуюся в виде отпечатков в их структуре и значениях после образования [1, с. 78].

Ядро концепта – словарные значения той или иной лексемы, материалы толковых словарей, которые дают большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения [7, с. 45].

Языковая картина мира – совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире [9, с. 54].

Языковое сознание – совокупность образов сознания, формируемых и внешнеяемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [10, с. 26].

В диссертации употребляются следующие сокращения:

АВС – ассоциативно-вербальная сеть

ГЗ – грамматическое значение

КД – коммуникативная деятельность

КЕ – коммуникативная единица

ЛЗ – лексическое значение

НД – номинативная деятельность

НЕ – номинативная единица

НП – номинативная парадигма

НС – номинативное словосочетание

РД – речевая деятельность

СЗ – словообразовательное значение

ФЕ – фразеологическая единица

ЯКМ – языковая картина мира

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению развития эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в когнитивно-номинативной парадигматизации результатов НД, семантических особенностей вербализации метафорических образов-репрезентантов концептов на материале стихотворных и прозаических произведений авторов XVIII – XX веков.

Актуальность исследования обусловлена обращением к интегративной парадигме современного языкознания, которая разрабатывается с учетом комплекса научных принципов: экспансионизма, антропоцентризма, экспланаторности, функционализма, когнитивизма, интегративности и отражает тенденцию развития лингвистики в сторону полного охвата ее объекта.

Интегративный подход к языку стимулируется ведущим положением когнитивной лингвистики, которая открывает новые аспекты когнитивной деятельности и ее вербализации. Важнейшими из них являются вопросы о лингвистическом преломлении и закреплении когнитивных процессов и единиц. Они решаются когнитивно-номинативным направлением, представляющим новый этап развития номинативных теорий. Сложность и бесконечное разнообразие когниций, познания при конечности языковых ресурсов приковывает неослабевающий интерес лингвистов-когнитологов, обнаруживая наличие неизученных пространств. Обращение к одному из них с использованием метода когнитивно-номинативной парадигматизации, разработанной проф. Л.К. Жаналиной, определяет актуальность диссертации [1, с. 430-462]. На основе использованного метода построены и описаны 4 когнитивно-номинативные парадигмы эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», демонстрирующие синхронный срез их филогенетического номинативного и когнитивного развития. Последнее представляет собой развертывание производящего слова и его когнитивного аналога – категории-концепта. Выявляется когнитивный изоморфизм разных концептуальных признаков, закрепленных за областями, которые участвуют в развитии концептов. По причине неполной фиксации того многообразия концептуальных признаков, которое наблюдается в языке, обращено внимание к художественному сознанию носителей языка, чтобы учесть все способы объективации концептов в ЯКМ. Только в данном случае возможно выявить и описать наиболее полно развитие концептов, определив и систематизировав ассоциативные признаки метафорических образов-репрезентантов.

Актуальными на данный момент являются работы по исследованию ключевых концептов культуры, когнитивных аспектов языка, в частности, когнитивная интерпретация носителей разных языков фрагментов своего внутреннего мира – эмоциональные концепты в когнитивно-семантическом аспекте изучают В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян [11], Е.Н. Белая [12], [13], Н.А. Красавский [14], А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз [15], М.В. Пименова [16], Е.Е. Стефанский [17], В.И. Шаховский [18]; в сопоставительном аспекте представлены концепты «красота» Ю.В. Мещеряковой [19], «любовь» /

«ненависть» Е.Ю. Балашовой [20], «радость» Е.Н. Белой [21], О.И. Кирьяковой [22], Д.В. Сергеевой [23], «радость», «горе», «страх» Р.М. Валиевой [24], «страх» О.О. Будянской, Е.Ю. Мягковой [25], С.В. Зайкиной [26], «тоска» Е.В. Димитровой [27], «удивление» Н.В. Дорофеевой [28]; на материале художественной литературы рассматривают концепты «душа» / «сердце» О.Н. Кондратьева [29], «любовь» Т.Н. Данькова [30], «радость» / «печаль» Л.В. Шубина [31], «ревность» Н.А. Юшкова [32], «скука» Г.Е. Маханова [33], Е.Н. Сороченко [34], «тоска» С.А. Старостина [35], «тоска» / «радость» К.В. Шмугурова [36]; в лингвокультурологическом аспекте описаны концепты «горе» В.Н. Базылевым [37], «радость» О.В. Витенковой [38], «страх», «печаль» И.А. Волостных [39], «счастье» С.Г. Воркачевым [40], «тоска» А.Ш. Василовой [41]. Выбор в качестве объекта исследования концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» обусловлен их культурологической значимостью в русской картине мира. Национальную уникальность концепта «тоска» отмечали лингвисты В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева [42, с. 1165-1170], А. Вежбицкая [43, с. 33-37], Н.А. Красавский [44, с. 113-118], Ю.С. Степанов [45, с. 673-693], Е.Е. Стефанский [46, с. 155-160], А.Л. Топорков [47, с. 114-120], А.Д. Шмелев [48, с. 293-462], [49, с. 25-36].

Так, в качестве исходной градации концепта «тоска» за основу принимается классификация А. Вежбицкой, которая выделяет в концепте следующие смыслы: томление, грусть, печаль, скуку, уныние, хандру, тревогу, а также трехчленная классификация мегаклассов концептов М.В. Пименовой, в которой концепты эмоций («веселье», «радость», «счастье», «злость», «грусть», «кликание», «страдание», «ревность», «тоска», «тревога») относятся к базовым (ключевым) концептам, составляющим фундамент языка и всей картины мира. Этим объясняется, почему именно концепты «тоска», «грусть», «печаль», «горе» выбраны объектом нашего исследования. Концептуальный и семантический анализ данных концептов показал, что они играют важную роль в языке и литературе, так как имеют широкий набор концептуальных и ассоциативных признаков, позволяющих выразить все многообразие эмоций человека.

Теоретико-методологической основой исследования служит интегративная лингвистика, разработанная Л.К. Жаналиной, а также концепции и идеи отечественных и зарубежных ученых в области полипарадигмального и интегративного моделирования языка (М.К. Абаева, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Н.Д. Голев, Т. ван Дейк, Ф. Джонсон-Лэйрд, Л.В. Екшембеева, А.К. Жолковский, Е.А. Земская, Г.С. Зенков, Г.А. Золотова, Г.К. Ихсангалиева, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, И.А. Мельчук, Л.Н. Мурзин, М.Ш. Мусатаева, Ж.С. Нуржанова, Ж.А. Нуршаихова, Л.В. Сахарный, Е.А. Селиванова, В.Н. Телия, Ч. Филлмор, Л.В. Фот, Р. Шенк, Л.В. Щерба); теории номинации (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Л.К. Жаналина, Г.А. Золотова, Е.С. Кубрякова, В.М. Никитевич, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева и др.); когнитивной лингвистики (Н.Ф. Алефиренко, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.); когнитивной семантики (Ю.Д. Апресян, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев,

Г.В. Быкова, Е.С. Кубрякова, Е.В. Лукашевич, З.Д. Попова, Е.В. Рахилина, И.А. Стернин и др.); когнитивной метафоры (В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, М. Джонсон, Ю.Н. Караулов, Дж. Лакофф, В.Н. Телия и др.); лингвокультурологии (А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.Г. Костомаров, Н.А. Красавский, В.В. Красных, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, Е.Е. Стефанский, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, А.Л. Топорков, В.М. Шаклеин, А.Д. Шмелев и др.).

Цель исследования – разработать и описать когнитивно-номинативную парадигматизацию развития эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», представив синхронный срез филогенетического номинативного и когнитивного развертывания производящего слова и его когнитивного аналога – категории-концепта; реконструировать художественное сознание путем выявления метафорических образов-репрезентантов концептов и систематизировать их в свете кодов культуры, определив ассоциативные признаки как живой, так и неживой природы.

Задачи исследования:

1. Систематизировать концепции и идеи отечественных и зарубежных ученых, в которых развивается интегративное и полипарадигмальное представление языка, основанное на достижениях теории номинации, когнитивной лингвистики, когнитивной семантики, лингвокультурологии.

2. Построить когнитивно-номинативные парадигмы концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» посредством использования методов интегративного моделирования и семантической реконструкции, которые имеют два плана – когнитивный и номинативный и представляют развитие когнитивных единиц, отмеченное НЕ, образованными разными способами номинации.

3. Выявить эксплицитную репрезентацию эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» на основе анализа употребления НЕ, синонимических рядов, эмотивной лексики в толковых, фразеологических, семантических, словообразовательных, энциклопедических словарях, а также стихотворных и прозаических произведений авторов XVIII – XX веков.

4. Развить модель когнитивно-номинативной парадигмы как результата познавательной и одновременно НД, дополнив ее областями пересечения с результатами когнитивно-коммуникативной деятельности, в которой происходит количественное дополнение информации с воспроизводством несущего его знака.

5. Определить участие синонимии как отражения системы культурных кодов, оформленных в метафорах живой и неживой природы на основе принципа аналогии в структурировании когнитивно-номинативной парадигмы.

6. Установить и описать основной источник структурирования парадигм концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», заложенный в эмпирическом материале и проявляющийся в действии интеграции НД и КД, дополняющей когнитивно-номинативную парадигму как результат закрепления в языке познавательной деятельности «докоммуникативными» единицами, участвующими в воспроизводстве известных знаний.

7. На основе сравнительно-сопоставительного анализа определить общие и отличительные концептуальные признаки в структуре когнитивно-номинативных парадигм, а также ассоциативные признаки в образной репрезентации эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе».

Объектом исследования является состав основных номинативных средств, которые русский язык предлагает для репрезентации развития эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе».

Предмет исследования – парадигматическое структурирование номинативных средств, производство которых зафиксировано в лексикографических и текстовых источниках и мотивировано эволюцией эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», проявляющейся в составе их концептуальных и ассоциативных признаков.

В работе анализируются:

– ключевые лексемы (тоска, грусть, печаль, горе), их синонимические ряды (скука, скорбь, уныние, горесть), разноуровневые языковые средства, представляющие концепты «тоска», «грусть», «печаль», «горе»;

– структура (лексическая, фразеологическая, словообразовательная, синтаксическая зоны когнитивно-номинативных парадигм, а также образно-метафорические слои концептов) и содержание концептов (концептуальные и ассоциативные признаки);

– концептуальные признаки фразеологической зоны: «сила (+эмоция)» – «источник (+эмоция)» – «объект (+эмоция)» – «субъект (+эмоция)» – «олицетворяющий субъект (+эмоция)» – «побудитель (+эмоция)» – «среда (+эмоция)» – «способ (+эмоция)» – «состояние (+эмоция)» – «место (+эмоция)» – «длительность (+эмоция)» – «мена обладателя: первый обладатель + лишение/передача + (эмоция) + второй обладатель»;

– концептуальные признаки словообразовательной зоны: эмоция + *выше /ниже нормы* – эмоция-признак / отвлеченный + эмоция – субъект + эмоция-признак / предметный + эмоция – субъект + эмоция-признак / свойственный + эмоция – субъект + эмоция-признак / склонный + эмоция – субъект + эмоция-признак / отрицательный + эмоция – субъект + эмоция-признак / отсутствие + эмоция – субъект + *состояние* + эмоция-содержание – эмоция + *половина*;

– концептуальные признаки первой части синтаксической зоны: «сила + степень (+эмоция)» – «неуправляемость (+эмоция)» – «длительность (+эмоция)» – «характер (+эмоция)» – «неидентифицируемость (+эмоция)» – «оценка (+эмоция)» – «источник / каузатор (+эмоция)» – «проявление (+эмоция)» – «влияние (+эмоция-субъект)» – «распространение (+эмоция)»;

– концептуальные признаки второй части синтаксической зоны: «сила (источник)» – «(эмоция +) следствие-результат (+ условие / причина)» – «длительность (+эмоция)» – «инструмент (+эмоция)» – «место (+эмоция)» – «источник (+эмоция)» – «разрушение (+ объект: положительные эмоции/способности)» – «способ (+эмоция)» – «влияние (+эмоция-субъект)» – категоризация – отождествление-концептуализация;

– ассоциативные признаки живой природы – вегетативный код: ‘береза’ – ‘верба’ – ‘дуб’ – ‘ель’ – ‘ива’ – ‘кипарис’ – ‘липа’ – ‘осина’ – ‘сосна’ – ‘тополь’ – ‘яблоня’;

– ассоциативные признаки живой природы – орнитологический код: ‘ворона’ – ‘голубь’ – ‘журавль’ – ‘иволга’ – ‘коршун’ – ‘кукушка’ – ‘лебедь’ – ‘орел’ – ‘скворец’ – ‘сова’ – ‘соловей’ – ‘чайка’ – ‘чибис’;

– ассоциативные признаки неживой природы – стихия воды: ‘болото’ – ‘море’ – ‘озеро’ – ‘океан’ – ‘пруд’ – ‘река’;

– ассоциативные признаки неживой природы – стихия воздуха: ‘буря’ – ‘ветер’ – ‘вьюга’ – ‘метель’ – ‘порыв’;

– ассоциативные признаки неживой природы – стихия земли: ‘бор’ – ‘гора’ – ‘лес’ – ‘луг’ – ‘поле’ – ‘пустыня’ – ‘равнина’ – ‘роща’ – ‘сад’ – ‘степь’ – ‘холм’.

Материал исследования. Когнитивная сторона НП эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» составлена с использованием толковых, фразеологических, семантических, словообразовательных, энциклопедических словарей, а реконструкция художественного сознания осуществлялась методом сплошной выборки на основе стихотворных и прозаических произведений авторов XVIII – XX веков из Национального корпуса русского языка. Всего просмотрено более 10 000 языковых единиц, из них отобрано и проанализировано – 910.

Методы исследования. В диссертационном исследовании применялась комплексная методика, которая основана на общенаучном описательном методе, включающем более частные методы и приемы, как наблюдение, обобщение, сопоставление, интерпретация, классификация, типология, моделирование, системный и реконструкционный подходы, количественная характеристика данных. Использовалась методика парадигмизации Л.К. Жанапиной [1], которая позволила представить синхронный срез филогенетического номинативного и когнитивного развертывания производящего слова и его когнитивного аналога – категории-концепта; метод семантической реконструкции Е.С. Кубряковой [50], метод компонентного анализа, методика Кемеровской школы концептуальных исследований М.В. Пименовой [51], с помощью которой удалось показать развитие концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», описать метафорические образы-репрезентанты концептов и систематизировать их в свете кодов культуры путем выявления ассоциативных признаков как живой, так и неживой природы. В соответствии с целью и задачами работы использовались концептуальный и семантический методы анализа.

Научная новизна исследования. Впервые осуществлено комплексное интегративное исследование номинативного потенциала языка на примере разработки и построения 4 когнитивно-номинативных парадигм эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в рамках существующих в лингвистике когнитивно-номинативных и интегративных подходов к языку. В результате сравнительного анализа выявлены высокая продуктивность фразообразования, создающего НЕ-словосочетания и НЕ-

предложения; когнитивный неполный изоморфизм разных зон и НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*, а также разные концептуальные признаки, закрепленные за областями в зонах НП, которые участвуют в развитии концептов. В ходе концептуального и семантического анализа реконструировано художественное сознание: выявлены метафорические образы-репрезентанты концептов, определены их ассоциативные признаки как живой, так и неживой природы, которые систематизированы в свете кодов культуры. В научный оборот вводится новый фактический материал.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Исследование представляет ранее не изученный с позиций интегративной лингвистики фрагмент русского языка, являющийся результатом когнитивно-номинативной деятельности, фиксирующей познание и вербализацию эмоций «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в виде 4 когнитивно-номинативных парадигм.

2. Когнитивно-номинативные парадигмы исходных слов и выражаемых ими концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» отражают особенности их номинативного потенциала, вклад в развитие языка, разворачивающегося в диахронии и снятого в виде статического снимка в синхронии. С внешней языковой стороны НП имеют структуры, на которые влияют: 1) способность исходных слов участвовать в разных способах номинации; 2) валентность и сочетаемость исходных слов, проявляющиеся в номинативных актах. С внутренней когнитивной стороны устройство НП определяют когнитивные признаки. Структура НП слова-концепта «тоска»: 1) *лексическая зона* (семантическая деривация): 2 значения; 2) *фразеологическая зона* (фразеобразование): 6 когнитивных признаков; 3) *словообразовательная зона* (словопроизводство): 3 словообразовательных значения; 4) *синтаксическая зона* (фразеобразование): в первой части 10 признаков, во второй части 8 признаков. Данная структура демонстрирует характерную для всех разработанных НП с исходными синонимами общность, а именно активность фразеобразования и фразеобразования.

3. Когнитивное развитие исследованных в синхронном срезе эмоциональных концептов представлено в виде новых интегрированных концептов: 1) концептов-расширителей «эмоция + признак»; 2) концептов-«мишеней», выражаемых ФЕ; 3) концептов-синкретов; 4) метафорических образов-репрезентантов концептов; 5) случаев концептуальной интеграции внеязыковых концептов на основе оппозиции-энантиосемии; 6) языковых концептов, маркируемых метаязыком.

4. В диссертации получила дальнейшее развитие одна из идей интегративной лингвистики об интеграции отдельных форм РД – НД и КД. Синтаксические зоны построенных когнитивно-номинативных парадигм демонстрируют наличие областей «межкатегориального» (А.В. Бондарко) взаимодействия, сближения продуктов НД и КД, сосуществование синтаксических конструкций, несущих признаки НЕ и КЕ.

5. Выявлена национальная уникальность и культурологическая значимость концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» посредством

реконструкции художественного сознания, обнаружившей метафорические образы-репрезентанты концептов на материале стихотворных и прозаических произведений авторов XVIII – XX веков, а также ассоциативно-смысловые блоки признаков, которые систематизированы в свете кодов культуры. Определено участие синонимии как отражения системы культурных кодов, оформленных в метафорах живой и неживой природы на основе принципа аналогии в структурировании когнитивно-номинативной парадигмы. Установлены пять метафорических детерминант – образы-репрезентанты концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», их ассоциативно-смысловые блоки признаков живой и неживой природы, систематизированные по кодам: вегетативному, орнитологическому и стихийному. Выделено 90 синонимических рядов отраженной метафорической синонимии.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования вносят определенный вклад, во-первых, в дальнейшее развитие интегративной лингвистики, теории номинации как особой формы РД, грамматики номинации, моделирования языка в системе номинативных и когнитивно-номинативных парадигм; во-вторых, в изучение развития структуры эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» национальной концептосферы; в-третьих, в когнитивную лингвистику, когнитивную семантику, лингвистическую семантику, лингвоконцептологию и лингвокультурологию.

Практическая значимость исследования. Материал и результаты исследования могут использоваться в вузовской практике, в частности, при разработке курсов и спецкурсов по интегративной лингвистике, теории номинации как РД, грамматике номинации, когнитивной лингвистике, когнитивной семантике, лингвоконцептологии, лингвокультурологии, лингвистической семантике, а также при написании курсовых и дипломных работ студентами-филологами по соответствующей тематике.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования излагались в докладах на научно-методических семинарах докторантов PhD, заседаниях кафедры русского языка и литературы КазНПУ имени Абая (2010 – 2018 гг.), а также на международных и зарубежных научных конференциях, опубликованы в журналах, рекомендованных КОКСОН МНВО РК, зарубежных научных изданиях. Результаты исследования представлены в 18 научных публикациях, из которых 8 – в изданиях, рекомендованных КОКСОН МНВО РК: «Вестник КазНУ им. аль-Фараби», Серия филологическая (Алматы, 2012, №4; 2013, №3, №4, №5-6; 2014, №3, №4-5; 2015, №2; 2017, №1); 1 – в международном научном издании, входящем в базу данных Scopus: «Вестник Томского государственного университета. Филология» (Томск, 2022, №75); 2 – в зарубежных научных изданиях: «Педагогические измерения» (РИНЦ, Москва, 2015, №2, №4); 7 – в материалах международных конференций, в том числе 3 в материалах зарубежных конференций: МНК «XXVI Пушкинские чтения. К 200-летию открытия Царскосельского лицея и 45-летию Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина» (Москва, Россия, 19 октября 2011 г.); МНПК «Современные технологии обучения в системе высшего образования

РК» (Алматы, 3 декабря 2011 г.); VI МНТК «Проблемы поэтики и стиховедения», посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося казахского писателя, драматурга, ученого З. Шашкина (Алматы, 24-25 мая 2012 г.); II МНТК «Язык и межкультурная коммуникация» (Алматы, 26-27 апреля 2013 г.); XI МНК по проблемам когнитивной лингвистики «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (Серия «Филологический сборник», вып. 12, Алматы – Кемерово – Витебск – Донецк, 6 июня 2013 г.); МНК «XXVII Пушкинские чтения» (Москва, Россия, 21 октября 2013 г.); 4-й МНК по когнитивной фразеологии «Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры» (Белгород, Россия, 26-27 марта 2019 г.).

Цель и задачи исследования определили **структуру и содержание работы**. Диссертация, общим объемом 195 страниц, состоит из введения, 3 разделов, 17 таблиц, заключения, списка использованных источников, содержащего 373 наименования, и приложения.

Во введении обоснована актуальность темы исследования; сформулированы цель и задачи; определены объект и предмет изучения, методология и основные методы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации.

В первом разделе рассмотрены основные достижения отечественных и зарубежных ученых в исследовании когнитивно-дискурсивного, когнитивно-номинативного направлений развития современной русистики, проанализированы основные теории, которые послужили основой для возникновения интегративной парадигмы в языкознании.

Второй раздел посвящен когнитивно-номинативной парадигматизации развития эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», представляет синхронный срез филогенетического номинативного и когнитивного развертывания производящего слова и его когнитивного аналога – категории-концепта, содержит обобщенные результаты сравнительно-сопоставительного анализа концептуальных признаков в структурах когнитивно-номинативных парадигм изучаемых концептов.

Третий раздел отражает реконструкцию художественного сознания, раскрывает метафорические образы-репрезентанты концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», их ассоциативно-смысловые блоки признаков живой и неживой природы, которые выделены в результате концептуального и семантического анализа и систематизированы в свете кодов культуры.

В заключении сформулированы основные результаты проведенного комплексного интегративного исследования и обозначены перспективы дальнейшей разработки изучаемой проблематики.

В приложении представлен список словарей, использованный в диссертации.

1 ПОЛИАСПЕКТУАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1.1 Конкуренция старой и новой научной онтологии в науке

На рубеже веков и тысячелетий, в условиях развития новых информационных технологий мир становится свидетелем пересмотра устоев организации одного из древнейших социальных институтов – языка и, как следствие, науки о языке. Наблюдается динамика научного знания в лингвистике и смежных с ней дисциплинах, а также чуткость анализа языка и речевой коммуникации к этим переменам.

Смена парадигм основывается на принятии новой онтологии социально-психологического, человеческого гуманитарного мира, противопоставляемой традиционной онтологии материального физического мира [52, с. 13]. «Старую» механистическую онтологию Р. Харрэ и Г. Жиллет условно называют «онтологией Ньютона», а новую дискурсивную – «онтологией Выготского» [53, р. 29-30].

Таблица 1 – Две онтологии

Онтология	Локализация	Сущности	Отношения
1	2	3	4
Механистическая (Ньютона)	Пространство и время	Предметы и события	Каузативный детерминизм
Дискурсивная (Выготского)	Сообщества людей, социальные миры	Речевые акты, дискурс	Вероятностные зависимости, правила и нормы диалога

В старой онтологии локализация имеет пространственно-временные рамки: сущность идентифицируется и описывается по своему месту в пространстве и времени [52, с. 14]. Для новой онтологии важно знать, *кто* сказал, *кому*, *как*, *с какой целью*. Слово «определяется как тем, *чье* оно, так и тем, для *кого* оно» [54, с. 102]. Дискурсивные явления имеют *место* и *время* в иной среде: социально-психологическом «человеческом пространстве» [*people-space* – 53, р. 31], которое конституируется общающимися индивидами, играющими коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические, психологические роли.

С теоретической и практической точек зрения выделим сущности, которые составляют объект анализа. Так, в механистической онтологии Ньютона это *предметы*, вещи, «материя», с одной стороны, и *события*, явления, «силы», с другой. Соответствующими единицами в новой онтологии являются *дискурс* и *речевой акт*. Выделение в сложной структуре высказывания совокупности действий заставило многих лингвистов пересмотреть свое отношение к анализу языка и особенно – его коммуникативной функции. В прагматике произошел теоретический прорыв: анализ дискурса как последовательности или комплекса актов отличен от грамматического анализа языковых форм, «овеществляющих» эти акты, и от

семантического анализа актуализованных в них пропозиций по признаку истинности – ложности [52, с. 14].

Такой поворот во взглядах на язык новым можно назвать условно, так как деятельностное представление языка «язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*)», восходящее к идеям В. фон Гумбольдта [55, с. 67], было неотъемлемой частью теоретических рассуждений многих отечественных лингвистов. Например, Л.В. Щерба доказывал тезис о том, что «язык есть деятельность человека, направленная всякий раз к определенной цели, к наилучшему и наименее удобному выражению своих мыслей и чувств...» [56, с. 102]. Л.П. Якубинский также был уверен, что «язык есть разновидность человеческого поведения, есть факт психологический (биологический), как проявление человеческого организма, и факт социологический, как такое проявление, которое зависит от совместной жизни этого организма с другими организмами в условиях взаимодействия» [57, с. 17]. Из этого неизбежно следовал вывод об онтологии языка: «Язык живет... в конкретном речевом общении, а не в абстрактной лингвистической системе форм языка...» [54, с. 114]. В традициях социально-психологического, деятельностного подхода к языку категории *речевой акт* и *дискурс* взяли на себя роль сущностей в новой онтологии [58, с. 137-145].

Характеристика сущностей и их локализация дополняется рассмотрением природы отношений, которые их связывают. Так, в традиционной мировоззренческой системе Ньютона в качестве доминирующего типа отношений выделяется каузативный детерминизм. Классические законы механики иллюстрируют это отношение, например, если тело находится в свободном падении, его скорость меняется в строгой зависимости [52, с. 15].

В старой онтологии язык в узком смысле (сосюрковский *langue* или щербовская *языковая система*) может быть описан в терминах причин и следствий, но это каузативность иного качества по сравнению с физикой, химией или биологией: функционирование языка помимо естественной, материальной или «объективной» причинности предполагает обязательное включение «субъективных», присущих только человеку факторов [59, р. 8-9]. Научный анализ языковой коммуникации не должен осуществляться по образцу и подобию естествознания (если только не иметь в виду «физику» и «физиологию» речи): всему «тому, что существует вне мозга, психики человека (и животного), свойственна своя закономерность – закономерность естественных наук в широком значении этого слова. То, что существует и движется в мозгу, а собственно говоря – в психике, обладает другой закономерностью – закономерностью психических наук» [60, с. 65].

По сравнению с механическим миром вещей, пространства, времени и каузативности *дискурс* представляет собой совершенно иную социальную «материю», где один речевой акт не может однозначно определять тип и свойства последующего акта: он задает условия, в которых появление того или иного продолжающего диалог акта будет более или менее ожидаемым, уместным, соответствующим нормам и правилам общения. Тип отношений в новой онтологии не допускает однозначного детерминизма, он в большей

степени характеризуется *размытыми* вероятностными зависимостями, обусловленными стратегиями, правилами и нормами «речи-во-взаимодействия» [61, р. 207-234].

Так, можно сказать, что человек представляет собой чрезвычайно сложное явление, предполагающее учет большого количества переменных, внешних и внутренних факторов, порой очень динамичных, вследствие чего анализ его поведения и деятельности, в том числе коммуникативной, неизбежно требует особого подхода, особого стиля и способа интерпретации, чего «не замечали» в рамках старой онтологии [52, с. 21].

Старая онтология в качестве основных выделяет пространство, время и каузативные отношения как методологические акценты в описании языка. Данные установки отразились в сравнительно-историческом и системно-структурном языкознании. Действие сравнительно-исторического языкознания по естественнонаучному принципу не только проявилось в генеалогической классификации языков, но и породило «биологическую» метафору представителя натуралистической школы А. Шлейхера о языке как природном организме [59, р. 235-236]. Таким образом, сравнительно-историческое языкознание и натуралистическая школа выделяют в качестве аспектов самого языка естественный аспект языка, который вновь стал интересовать ученых в конце XX и в начале XXI в., например, нейролингвистика.

Наряду с естественным аспектом языка выделяется системный аспект языка, на который первым обратил внимание В. фон Гумбольдт, при этом сохраняя метафору А. Шлейхера о языке как организме. По его мнению, язык – это внутренне взаимосвязанный организм. В. фон Гумбольдт, в противоположность метафизическим воззрениям на язык как на неизменный механизм, подчеркивал, что язык – это целесообразная система, находящаяся в постоянном движении. «Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*)» [62, с. 50]. Каждое поколение получает от предыдущего язык в готовом виде, но в этих готовых формах содержится все для обновления языка и вечного движения его в результате человеческого творчества. Понятие «языковой деятельности» свелось к рассмотрению языка как одной из функций человеческого организма, что вело к отождествлению сущности языка с понятием психофизиологических процессов, осуществляемых в индивидуальном процессе речи. Так наука о языке оказалась на перепутье. Ее ожидало акцентирование внимания на физиологический или психологический аспект языка, что отразилось в возникновении психологических школ в языкознании (Г. Штейнталь, А.А. Потебня).

Языкознание второй половины XIX в. выбрало путь *психологической трактовки сущности и процессов развития языка*. По мнению Г. Штейнталя, «предметом языкознания является язык или язык вообще, т.е. выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков». Совокупное содержание внутреннего мира, которое мыслится предшествующим языку и должно быть выражено посредством языка, – второй тезис Г. Штейнталя [62, с. 63]. Таким образом, психологический подход выявил еще один аспект языка – это речь,

рассматриваемая как индивидуальное поведение, связанное с индивидуальным мышлением.

Психологический аспект языка связывается с логическим при разработке проблемы соотношения языка и мышления у последователя теоретических идей В. фон Гумбольдта и основоположника психологического направления Г. Штейнталя – А.А. Потебни. Он интересовался психологическими основами языкового творчества и изучал *язык в связи с общей эволюцией человеческого мышления*. «Язык есть средство не выразить уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [63, с. 141]. Так в положениях ученых XIX века закладывались истоки новой онтологии: идеи психолингвистики и языкового сознания.

Весомый вклад в аспектуальное рассмотрение языка внес швейцарский ученый Ф. де Соссюр, который обозначил комплекс аспектов языка: системный, структурный, разграничил статику и динамику, синхронию и диахронию, выделил язык, речь и речевую деятельность. Выявление данных аспектов определило разработку основных положений системно-структурного языкознания, объектом которых был провозглашен «язык в себе и для себя», т.е. отвлеченный от своего носителя и творца языка, и от его взаимодействия с другими в составе социальных групп, в которых функционирует язык, что в итоге привело к овеществлению абстрактной сущности – *языковой системы* – формально-структурного аспекта речевой действительности (в ущерб другим ее аспектам), поскольку в природе, в своем естественном состоянии язык не существует в виде словаря и грамматики: «...язык как физическое явление вообще не существует» [60, с. 7].

Данный подход к языку согласуется с механистической онтологией Ньютона, отвечает потребностям, целям и задачам системно-структурной и эволюционной лингвистики: язык и его элементы уподобляются «вещам», физическим *телам* в пространственно-временном мире, к которым можно применить системный анализ [52, с. 23]. В связи с этим утверждается взгляд на язык как строго структурированное и имманентное образование, язык «очищается» от смежных явлений. Основой языкового структурирования служат оппозиции «язык – речь», «парадигматика – синтагматика», «синхрония – диахрония» [64, с. 19]. Таким образом, старая онтология отдаляет язык от его носителя, от своей динамики, который прошел путь от универсального пользователя логическим языком до полного элиминирования в «чистом языке».

В недрах концепции Ф. де Соссюра, особенно в его идее разграничения языка и речи («лингвистики языка» и «лингвистики речи») [65, с. 46-49] зарождается новая онтология языковедческой науки, так как она несет перспективу для расширенного понимания объекта и формирования двух парадигм – системно-структурной и функциональной. Они определили интерес к изучению языка как системы и как процесса, т.е. как речи, или речевой деятельности. В соответствии с логикой познания наука сделала следующий шаг. Она синтезировала системно-структурное и функциональное направления, для того чтобы приблизиться к целостному описанию языка в его единстве с

речью. Объединение разных сторон языка, восстановление его целостности придает ему статус новой онтологии, который нуждается в новом подходе. Формирующиеся интегративные подходы к языку в рамках коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной парадигм определяют облик современной лингвистики [6, с. 11].

Новый «онтологический поворот» отмечается в философских работах С. Кьеркегора, Э. Гуссерля, М. Шелера, Н. Гартмана, М. Мерло-Понти, М. Хайдеггера, М. Фуко, Х.-Г. Гадамера, отечественных мыслителей Вл. Соловьева, Н. Лосского, А. Лосева, М. Мамардашвили. Новая онтология – это не онтология человеческой субъективности, а онтология, которая рассматривает человека во взаимодействии с бытием, трансцендентным, оформляющим его собственную жизнь, исследует формы проявления бытия в человеческом существовании [66, с. 382-393]. Так, «критическая онтология» Н. Гартмана представляет систему полиаспектности бытия, в структуру которой входят четыре различных по своей природе слоя – материя, жизнь, психика и дух. Предложенный ученым модальный анализ разных отношений сфер реальности мира – ключ к системному и целостному видению реальности, что является свидетельством начала становления интегративной парадигмы в философии [67, с. 320-324].

Коммуникативно-прагматическая парадигма в языкознании в рамках новой онтологии интегрирует три лингвистические теории: теорию номинации, теорию референции и теорию речевых актов [64, с. 19]. Коммуникативно-прагматические теории описывают «язык в действии», реализуя процессуально-деятельностный аспект языка: изучение механизма речевого воздействия и анализ отношений между говорящими и употребляемыми ими языковыми знаками [68, с. 3-15]. Модель коммуникативно-прагматической ситуации представляет структуру, в центре которой располагаются коммуниканты: 1) субъект речи, 2) адресат, 3) элементы ситуации: денотат, ассоциативно-образное представление о нем, знак в сочетании с другими речевыми знаками высказывания и система элементов языкового сознания [64, с. 221]. Для того чтобы осмыслить глубинные взаимосвязи коннотации и прагматики, используется когнитивный аспект. Данную интеграцию предполагает сама логика речевого общения: «коммуникативная интенция – смысл – высказывание – понимание – интерпретация», взаимосвязь коммуникативных и когнитивных компонентов речевой деятельности [64, с. 218]. Такая связь определила возникновение когнитивно-дискурсивной парадигмы в языкознании.

Основы методологии когнитивно-дискурсивной парадигмы сформулировала Е.С. Кубрякова: «согласно теоретическим представлениям в этой новой парадигме, по сути своей парадигме функциональной, при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно, каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке

когниции и коммуникации» [69, с. 3-12]. Следует отметить, что коммуникативная составляющая данной парадигмы связана с исследованием дискурса в рамках процессуально-деятельностного аспекта языка, в области которого находится субъект общения и связанные с ним коммуникативно-прагматические, когнитивные, семантические параметры, актуализируемые в процессе его речевой деятельности. В рамках когнитивного аспекта исследования дискурса выделяется несколько направлений: 1) моделирование когнитивных процессов порождения и восприятия дискурса, направленное на создание интегральной когнитивной модели дискурсивного процесса; 2) изучение структуры репрезентации знания говорящего, а также способов хранения, обработки и извлечения знаний в процессе дискурсивной деятельности; 3) изучение и описание различных видов представленной в структурах знания информации, необходимой для осуществления дискурсивного взаимодействия людей [70, с. 183-209]. Интегративность и полиаспектность дискурсивной деятельности подтверждает Е.С. Кубрякова: «Когнитивно-дискурсивная парадигма выступает в этом смысле как такая научная парадигма знания, которая представляет собой попытку синтезировать разные точки зрения на один и тот же объект или же каким-либо образом их совместить. В таком стремлении видна также попытка дать объекту максимально полное описание, описание интегральное, в котором можно было бы учесть как когнитивные, так и коммуникативные особенности его бытия в системе языка» [4, с. 520].

В казахстанской лингвистике интегративный подход к дискурсу разрабатывают М.Ш. Мусатаева, Л.В. Екшембеева, Ж.А. Нуршаихова, Г.К. Ихсангалиева, Ж.С. Нуржанова, которые предлагают различные определения дискурса. Дискурс рассматривается через дискурсивный анализ, который понимается как динамическая интегративная модель, описание-реконструкция принципов и целей дискурсивных практик: тексты научных отчетов, описывающие результаты исследований, коммерциализация которых является одной из актуальных проблем сферы научной деятельности (Л.В. Екшембеева); как сайты казахстанских компаний, позиционирующие себя посредством интернет-пространства в социуме (Ж.А. Нуршаихова); имиджевый дискурс, формируемый с помощью компьютерных технологий СМИ (Г.К. Ихсангалиева, Ж.С. Нуржанова) [71, с. 8].

М.Ш. Мусатаева рассматривает институциональный дискурс в психолингвистическом и когнитивном аспектах, т.е. описание его от конкретно-эмпирического в виде речевых проявлений (текстов) до изначально-глубинных, когнитивных, определяя таким образом перспективу интегрированных исследований в данном направлении [71, с. 21-68].

Л.В. Екшембеева поднимает проблему условий экстраполяции описания результатов научных исследований в сферу маркетинговой коммуникации. Для представления интегративной теории дискурса как инструмента коммерциализации научного продукта и технологий ее использования ученый рассматривает природу дискурса в научных отчетах результатов исследования, изучает свойства маркетингового текста и особенности его функционирования

как средства воздействия, разрабатывает стратегии и инструменты преобразования научного дискурса в дискурс интегративного типа с активным маркетинговым воздействием. В рамках интегративной теории дискурса-анализа закладываются в дискурс научного отчета две формы стратегий: с одной стороны, описание научного результата как продукта концептуализации научного опыта, а с другой – выстраивание маркетинговых стратегий как инструмента их коммерциализации [71, с. 79-132].

Ж.А. Нуршаихова выявляет специфику идеологического дискурса сайта как средства социальной идентификации компании и как средства воздействия на посетителей сайта. Ученый проводит анализ языковых средств реализации дискурсных стратегий общего лексического фона, что позволяет осуществить ментальное моделирование содержания идеологического дискурса сайта в системе моделирующих утверждений и дает оценку эффективности инструментов социальной идентификации компании. Контенты сайтов рассматриваются с разных сторон с целью идентификации компании на рынке и в социуме: с внешней стороны – пиар компаний, создание внешне привлекательных контентов сайтов компаний, рейтинговая корпоративная позиция компаний и с внутренней стороны – создание когнитивной модели содержания идеологического дискурса сайта компании в системе моделирующих утверждений: стратегии номинации, целеполагания, позиционирования и языковая стратегия [71, с. 133-209].

Г.К. Ихсангалиева, Ж.С. Нуржанова рассматривают имиджевый дискурс как один из видов идеологических дискурсивных практик. Учеными установлено, что в медиатекстах интерпретация имиджа страны реализуется эксплицитно и имплицитно. Эксплицитная информация о стране в медиатексте представляется через аргументативную и информационно-интерпретационную стратегии. Имплицитная информация передается посредством стратегии дискредитации и манипулятивной стратегии. Аргументативная и информационно-интерпретационная стратегии реализуются с помощью таких языковых приемов, как контекст, цитирование и квазичитирование. Стратегия дискредитации и манипулятивная стратегия используют такие приемы передачи имплицитной информации, как пресуппозиция, исходное предположение вопроса, языковая игра. Авторами определено соотношение медийных приемов (деструкция имиджа, внедрение правдивой или ложной информации, использование контраста) и языковых средств (негативно окрашенные лексемы, неопределенные выражения и намеки, эпитеты), которые обладают способностью придавать высказываниям различные прагматические оттенки, начиная с мягкой иронии и заканчивая насмешкой, жестким сарказмом. Данные языковые средства и приемы позволяют адресанту варьировать оттенки, обнаруживая свое мнение.

Г.К. Ихсангалиева, Ж.С. Нуржанова описывают дискредитационный дискурс как разновидность идеологического дискурса, который оказывает влияние на общественное мнение. Учеными выявлено, что инструментальная функция дискредитационного дискурса в современном казахстанском социуме проявляется в процессах политической, социальной или профессиональной

идентификации отдельной личности. Дискурс становится средством материализации идеи относительно данной личности через систему смыслов, важнейшими из которых являются прагматический фокус дискурса и качественные характеристики героя в их проекции на ценностные стереотипы общества в рамках той или иной идеологии, что позволяет дискурсу выполнять роль инструмента воздействия на реципиента. Система прагматических фокусов вскрывает логику дискредитации, дискурсная стратегия которой реализуется субстратегиями сомнения, фальсификации, разрушения авторитета и др. [71, с. 221-308].

Таким образом, интегративная теория дискурса в казахстанской лингвистике представляет собой объяснительную теорию воздействия дискурса, которая осуществляется дискурсными стратегиями научной рефлексии концептуализации научного опыта и маркетинговых стратегий, позиционирования компании в интернет-пространстве, формирования позитивного имиджа, дискредитации.

Современное состояние лингвистики характеризуется взаимодействием парадигм – полипарадигмальностью, интеграцией аспектов самого объекта в связи с признанием полиаспектности языка, что послужило основой для возникновения интегративной парадигмы в языкознании. Интегративность и полиаспектность отмечается в теории языковых преобразований В.Г. Гака: транспозиция рассматривается в рамках структурного, содержательного и функционального аспектов [72, с. 512-513]; функциональной грамматике А.В. Бондарко [73], когнитивно-коммуникативном синтаксисе Г.А. Золотовой [74] исследования проводятся в структурном, функциональном и когнитивном аспектах; когнитивно-дискурсивной классификации частей речи Е.С. Кубряковой реализуется когнитивный и функциональный аспекты [75]; когнитивной ономазиологии Е.А. Селивановой наблюдается взаимосвязь семиотического и психолингвистического аспектов [76]; интегральной теории семантики Ю.Д. Апресяна: когнитивный, прагматический аспекты семантики и лексикографический аспект [77]; модели «Смысл – Текст» А.К. Жолковского – И.А. Мельчука: лексико-семантический, функциональный и прикладной аспекты [78]; словообразовании как деятельности Е.А. Земской: рассмотрение функционально-коммуникативных аспектов словообразования [79]; теории универбации Л.В. Сахарного наблюдаются динамический, содержательный и психолингвистический аспекты [80]; деривационной теории Л.Н. Мурзина реализуется синхронно-динамический аспект [81]; теории непрерывного деривационно-мотивационного процесса Н.Д. Голева рассматривается динамический аспект лексической мотивации [82]; теории дериватологии Г.С. Зенкова, включающей структурологический (аналитический) и генератологический (динамический) аспекты на основе совмещения синхронического и диахронического подходов [83].

Таким образом, для коммуникативно-прагматической, когнитивно-дискурсивной, интегративной парадигм как реализации новой онтологии в языкознании характерен полиаспектный подход к языку в отличие от аспектного подхода в старой онтологии. Полиаспектность проявляется в

расширении объекта языкознания за счет охвата разных его сторон. Достижения языкознания к концу XX в. создали условия для полиаспектного рассмотрения языка, модели его описания приблизили целостное видение языка. Подобная направленность лингвистических исследований, поддержанная действием основных научных принципов современного языкознания: экспансионизма, антропоцентризма, экспланаторности, функционализма, когнитивизма, определила формирование интегративной парадигмы, которую составляют теории, характеризующие язык с разных сторон. К числу таких теорий относится интегративная лингвистика, разработанная Л.К. Жаналиной [1].

Интегративное моделирование диктует рассмотрение языка и речевой деятельности (речи) как единство. Признание целостности языка как объекта, сочетающееся с его методологически расчлененным представлением, укладывается в разные формулы. Интегративная лингвистика подтверждает репрезентативность трихотомической модели Л.В. Щербы, в которой представлена троичность существования языка в «языковой системе», «языковой деятельности», «языковом материале» [84, с. 361-373]. Единство языка обеспечивает его носитель, присутствующий во всех проявлениях языка: 1) как виртуального образования – языковой системы, хранимой в памяти носителя языка (грамматика номинации); 2) как языковой способности, реализуемой в речевой деятельности с использованием языковой системы (теория номинации как речевой деятельности); 3) как продукта речевой деятельности, на основе которого человек систематизирует знания о языке и знания о мире (модель системы когнитивно-номинативных парадигм) [1, с. 113].

Таким образом, новая онтология возвратила человека в описание языка в виде двух направлений «человек в языке» и «язык в человеке», что является следствием действия принципа антропоцентризма в филологии и в русском языкознании. Первое направление связано с нахождением человека в языке. Он присутствует в нем как «образ автора» В.В. Виноградова, в диалогичности текста по Бахтину, в виде художественного концепта С.А. Аскольдова, концептосферы Д.С. Лихачева, в концептах когнитивной лингвистики, в грамматических категориях и языковых единицах функциональной и коммуникативной грамматик А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой, в классах функционально заряженных языковых единиц теории референции. Второе направление – нахождение языка в человеке. Это языковая картина мира, константы культуры (ключевые концепты), прототипическая категоризация, семантические и ассоциативные поля, когнитивно-дискурсивное пространство, теории языковой личности, вычлняющие полиаспекты – лингвистический, когнитивный, прагматический, социальный, психологический. В первом случае человек моделирует и организует язык, он – ведущее начало, поэтому научное описание формируется антропоцентрированностью. Во втором случае язык отражает содержательную наполненность человека, определяет специфику его уникального по емкости и сложности внутреннего мира. Здесь язык – ведущее начало, и наука приобретает лингвоцентрированность и

семантикоцентричность – нацеленность на изучение содержательной стороны языка, что является свидетельством действия принципа когнитивизма и экспланаторности [85, с. 7].

Корреляция языка и ментальных структур, описываемая с различной аспектуализацией, порождает полифункционально-когнитивные модели языка (В.Г. Гак [72], Л.К. Жаналина [8], Г.А. Золотова [74], Ю.Н. Караулов [86], И.А. Мельчук [78], В.Н. Телия [87]), в которых язык выступает или как динамическая система, например, функционально-семантических полей А.В. Бондарко [88], классов номинативных единиц В.М. Никитевича [89], или как речепроизводство В.Г. Гака [72], Л.К. Жаналиной [8], И.А. Мельчука [78]. В. Матезиус отмечает две науки, изучающие функциональное языкознание: функциональную ономотологию (теорию номинации) и функциональный синтаксис (функциональную, коммуникативную грамматику). К функциональной ономотологии (теории номинации) относятся теории номинативной деривации В.М. Никитевича [89], номинативного компонента речевой деятельности, когнитивно-дискурсивной классификации частей речи Е.С. Кубряковой [75], словообразовательного синтеза И.Г. Милославского [90], словообразования как деятельности Е.А. Земской [79], словопроизводственной модели И.С. Торопцева [91], языковых преобразований В.Г. Гака [72] и др. К функциональному синтаксису (функциональной, коммуникативной грамматике) относятся теории функциональной грамматики А.В. Бондарко [73], функционально-коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой [74], теория универбации Л.В. Сахарного [80], модель «Смысл – Текст» А.К. Жолковского – И.А. Мельчука [78], интегральная теория семантики Ю.Д. Апресяна [77], деривационная теория Л.Н. Мурзина [81] и др. Данные направления объединяет антропоцентрическая и семантикоцентрическая ориентированность, а отличает обращенность к разным формам речевой деятельности – к номинативной и коммуникативной деятельности. Таким образом, принцип функционализма определяет полипарадигмальность лингвистического знания благодаря множественности трактовок понятия функции, различию сред ее проявления (язык-система и речевая деятельность), разнообразию языковых единиц-носителей функций, а также полиаспектности функциональных подходов и теорий.

Принцип интегративности повлиял на разработку различных интердисциплин в рамках языкознания, что вызвало появление психолингвистики, социолингвистики, гносеолингвистики, математической лингвистики, нейролингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, лингвострановедения, когнитивной лингвистики с выделением ее разделов – когнитивной грамматики, когнитивной семантики и когнитивного дискурса, так и полиаспектуализации теорий в рамках самой лингвистики, которые дают расширенные знания о языке и отражают присутствие носителя во всех его ипостасях – его истории, культуры, психологии, идеологии, условий его физического существования, особенностей социального развития, общественной организации и т.п. [6, с. 203].

В методологическом плане старую и новую онтологию представляют следующие лингвистические парадигмы: *лингвистический компаративизм* и *классическая системно-структурная парадигма* – старая научная онтология; *коммуникативно-прагматическая*, *когнитивно-дискурсивная*, *интегративная парадигмы* – новая научная онтология [64, с. 19]. В результате лингвистическое знание характеризуется антропоцентричностью, интегративностью, синтетичностью, полипарадигмальностью, когнитивной ориентированностью, семантикоцентричностью, синтаксикоцентричностью и множественностью взаимно обогащающих друг друга теорий, что является свидетельством *полиаспектуализации объекта современного языкознания* [6, с. 10]. Происходящая в лингвистике интегративность, полиаспектуализация и полипарадигмальность является следствием действия научных принципов экспансионизма, антропоцентризма, экспланаторности, функционализма, когнитивизма [92, с. 144-238]. Научные принципы, множественность теорий и полиаспектуализация объекта лингвистики подготавливают интегративный подход к языку с отражением его участия во всех видах взаимодействия человека с миром и с самим собой, в том числе с отражением развития человека в разных видах его активности как члена социума, представителя культуры и участника межкультурной коммуникации.

1.2 Когнитивно-дискурсивное, когнитивно-номинативное направления: магистральный путь развития современной русистики

Методологию когнитивно-дискурсивной парадигмы сформулировала Е.С. Кубрякова: «согласно теоретическим представлениям в этой новой парадигме, по сути своей парадигме функциональной, при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно, каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [69, с. 3-12]. Признание полифункциональной знаковой системы, которая выполняет две основные функции – когнитивную (гносеологическую) и коммуникативную (дискурсивную), определяет два главных подхода к феномену «язык». В коммуникативной парадигме знания язык исследуется в связи с его ролью в реальной речевой деятельности, где на первое место выдвигается языковая личность и ее социо- и психодискурсивная деятельность. В когнитивной парадигме изучается человеческий интеллект, а язык признается главной ментальной составляющей всей инфраструктуры мозга, инструментом речемыслительных процессов, средством передачи человеческого опыта. Вместе с тем, одним из ведущих принципов в каждом из данных направлений является антропоцентризм, так как проблемы категоризации, фиксации, хранения, передачи знаний осуществляются человеком. Основой такой ориентации становятся фундаментальные представления о неразрывной связи когнитивного и социального, когнитивного и прагматического (коммуникативного), коммуникативного и

индивидуального. Синтез этих двух базовых функций языка с позиций лингвофилософских взглядов на его роль и место в социуме как раз и определяет в основных чертах интегральную парадигму современного языкознания. Интегральная когнитивно-коммуникативная модель изучения языка подводит нас к осознанию того, что человек выступает как существо, которое систематизирует и структурирует свой жизненный мир тем или другим способом, фиксирует полученные результаты в виде разнообразных знаний (понятий, концептов, картин мира, фреймов, информации) и репрезентирует их с помощью семиотического вербального кода – номинативных и предикативных единиц.

Особую сферу исследования составляет когнитивный анализ дискурса, в рамках которого изучаются типы, виды и способы организации в сознании человека языковых и неязыковых знаний. На этом уровне анализа коммуникативно релевантные знания понимаются как особого рода ментальные репрезентации, концептуализирующие индивидуальный и социальный опыт человека и организующие этот опыт в особого рода структуры. Эти знания по-разному отражаются на этапах речевой деятельности, по-разному используются и вербализуются в языковых формах. Когнитивный подход к дискурсу связан с исследованиями в области психолингвистики, когнитивной лингвистики, а также с работами по созданию искусственного интеллекта. Созданные в этих научных дисциплинах модели речевых процессов и механизмов их реализации ставят перед собой задачу выявить и описать различные аспекты речевой деятельности в соответствии с исходными целями и установками, актуальными для каждой из этих областей знания [70, с. 183-209].

Анализ пропозициональной структуры дискурса первоначально был связан с изучением механизмов восприятия текста и лишь позднее распространен на изучение процессов их порождения. Данный анализ показал, что когерентные связи между пропозициями, лежащие в основе семантической структуры дискурса, обнаруживаются как на микро-, так и на макроуровне, где «глобальная когерентность» оказалась более трудной для выявления и изучения, чем «локальная», поэтому в настоящее время семантическая характеристика макроструктур дискурса в терминах тем составляет одну из важных задач когнитивного анализа.

Ранние когнитивные исследования дискурса, сосредоточив внимание на «конечном продукте» дискурсивной деятельности – текстах, исключали из рассмотрения социально-прагматические факторы коммуникации и их влияние на когнитивные стратегии порождения и восприятия этих текстов. В то же время когнитологи сознавали, что в процессе восприятия речи природа вербального взаимодействия требует от реципиента понимания значения не только того, что сказано, но и того, что сделано в дискурсе, т.е. понимания прагматического значения актуализируемых высказываний, требующего адекватного анализа релевантного прагматического контекста, проверки репрезентаций предыдущих пропозиций дискурса, активизируемых социальных скриптов и «жанровых схем» [93, р. 1-17].

В когнитивно-дискурсивной лингвистике выделяется несколько направлений. Одно из направлений объединяет исследования, связанные с моделированием когнитивных процессов порождения и восприятия дискурса и направленные на создание интегральной когнитивной модели дискурсивного процесса. В поле зрения других исследователей находится изучение самих структур репрезентации знания, а также способов хранения, обработки и извлечения знаний в процессе дискурсивной деятельности. Отдельную область анализа составляет изучение и описание различных видов представленной в структурах знания информации, необходимой для осуществления дискурсивного взаимодействия людей.

Основу современной когнитивной теории дискурса составляют исследования в области лингвистики текста, лингвистической прагматики и искусственного интеллекта, в качестве первичной единицы анализа (в задачу которого входит изучение процесса построения репрезентации дискурса в сознании человека как при его порождении, так и при интерпретации) выступает пропозиция, рассматриваемая как базовая репрезентация единицы дискурсивного значения. Первое представление описания структуры дискурса ориентировано на процессуально-динамический аспект языка в терминах когнитивных процессов порождения и восприятия дискурса. Второе – в статике в терминах системных когнитивных единиц – крупных смысловых сегментов дискурса – скриптов / сценариев и глобальных «жанровых схем». Третье – описание языковых функциональных связей (темпоральных, каузальных) и отношений (сравнения, контраста, обобщения, объяснения) между пропозициями [70, с. 183-209].

В настоящее время когнитивная теория дискурса стремится включить в описание прагматическую составляющую как последовательность речевых актов. С одной стороны, это означает, что конкретный речевой акт может быть уместен только относительно предшествующих или последующих речевых актов, являясь при этом их условием или следствием. С другой стороны, последовательности речевых актов могут быть глобально когерентны, составляя «макроречевой акт» (например, письмо-прошение, жалоба, сообщение новости на газетной полосе или в эфире) [93, р. 1-17]. Ментальная репрезентация каждого речевого акта отражает специфические характеристики участников коммуникации, включая коммуникативно-ролевые отношения между ними, контекстные параметры ситуации общения (место, время, тема), актуализируемый интерактивный скрипт (фрейм) и тип дискурсивного события, а также интенциональное значение реализуемого речевого акта. Совокупность всех этих различных по своей природе факторов оказывает решающее влияние на формирование коммуникативного значения как отдельных единиц дискурса, так и всего дискурса в целом. При этом его реальное коммуникативное значение и на микро- и на макроуровне может не совпадать со значением отдельных пропозиций и общим пропозициональным содержанием дискурса, что еще больше усложняет стоящую перед исследователями задачу, оставляя неразрешенным вопрос о том, какое место в сознании коммуникантов занимает обработка пропозиционального значения

единиц дискурса при идентификации их реального коммуникативного значения [70, с. 183-209].

Описание структуры дискурса в терминах онтологически ориентированных системных когнитивных единиц представлено в работе Т. ван Дейка [94, с. 88], который описывает эмпирические явления, послужившие основой *эпизодических, ситуационных моделей* при порождении и восприятии текста в коммуникативной ситуации [95, с. 240]. Когнитивная теория дискурса рассматривает создание ментального прообраза всего информационного пространства коммуникативной ситуации, текста как ее семиотического посредника. Ч. Филлмор вводит понятие *фрейма интерпретации*, активируемого в сознании адресата в процессе восприятия текста. При этом воспринимаемый фрагмент текста сличается с заложенным в памяти интерпретационным фреймом [96, с. 65-90]. «В исследованиях последних лет получает развитие новый тип структур знания, выступающий одновременно схемами понимания и речевых действий, – *фреймы взаимодействия*», опирающиеся на прошлый коммуникативный опыт участников речи [97, с. 178].

Фреймы являются структурами опыта и знаний о действительности в упрощенном и упорядоченном путем коннекционного моделирования виде. Л. Барсалу выделяет *событийные фреймы* – «хранящиеся в долговременной памяти структуры знания, конкретизирующие условия, в которых разворачивается коммуникативная ситуация, и те действия, которые необходимо предпринять для достижения поставленной цели при данных условиях», являющиеся развитием эпизодических, ситуационных моделей [97, с. 177]. Р. Шенк вводит понятие *сценариев* как когнитивных пакетов информации в личностном сознании, фиксирующих неавтоматическую эпизодическую жизненную ситуацию [98]. Сценарии Р. Шенка сходны с *эпизодическими моделями* Т. ван Дейка, но Т. ван Дейк рассматривает более крупную когнитивную модель – *контекстуальную модель*, которая осуществляет глобальное управление дискурсом, «отвечает за стратегическое комбинирование нескольких ситуационных моделей: она использует информацию микроуровня из кратковременной памяти или базы текста, находящейся в эпизодической памяти, и согласовывает ее с общим контекстом и целевой информацией, а также с общими сценариями, а затем выдвигает эффективную гипотезу относительно того, какого рода фрагменты моделей следует извлечь из памяти или активизировать и как их следует сочетать» [94, с. 94]. При характеристике структуры дискурса учитываются психологические механизмы в виде памяти: долговременной и кратковременной. Структуру *эпизодических моделей* представляют в виде своих оппозиций, тогда как *контекстуальная модель* имеет структуру пропозиций, соединение всех аргументов.

Представление когнитивного пространства дискурса, ориентированное на текст, отмечается также у Ф. Джонсона-Лэйрда, который использует *модели пропозициональных структур*, репрезентирующие внутритекстовую действительность, так как основным свойством пропозиции считается ее

истинность, объективность, релевантность интериоризованной в сознании действительности [99]. Данные пропозициональные модели рассматриваются шире как ядро **фреймовой коннекционной модели пропозиционально-ассоциативного типа**, коррелирующей с аксиологической сферой модуса; прагматическим компонентом; образами, гештальтами на основе ощущений, а также с различными функциями, человеческого сознания (чувствованиями, интуицией, трансценденцией), коллективным бессознательным. Дж. Лакофф выделяет четыре структуры, опосредующие познание объекта: пропозициональные, схематические (по форме), метафорические и метонимические [96, с. 35]. Модель такой разноплановой корреляции позволяет представить различные способы хранения информации как в виде логических структур памяти, так и в виде структур нетривиального мировосприятия, зрительных образов, гештальтов и т.п. [100, с. 17] на основе языка и невербально, так как в тексте, дискурсе задействованной оказывается имплицитная информация, которая «не зависит от специфики естественного языка и позволяет аналогичным образом представлять и использовать во всех ментальных процессах информацию, полученную как через язык, так и через перцепцию, независимо от первоначального источника информации» [101, с. 156].

Модель когнитивной карты дискурса намечает двувекторность и интерактивность дискурса – наличие говорящего и слушающего, рассмотрение всей системы информации на входе и на выходе из текста. Это информационная модель, обуславливающая осуществление в плане диалогического взаимодействия модулей коммуникативной ситуации. Главный когнитивный компонент карты – **жанровая (текстемная) модель**, которая представляет собой управляющую систему, корректирующую протекание дискурса. В нее включены прагматический и тематический тип, закономерности формирования, стиль, отклонения от типа и стиля, обуславливающие гибридность жанровой модели, ролевые позиции коммуникантов. Для **моделей речевых актов** учитываются эксплицитность – имплицитность, иллокутивная сила, тип иллокутивного акта, перлокутивный эффект [95, с. 244-245].

Жанровая модель коррелирует с **интерактивной моделью** дискурса, включающей замысел, интенции коммуникантов, интерактивные стратегии, связанные с планированием, проведением и окончанием дискурса; а также определяющие эффективность дискурса. Интерактивная модель фиксирует психологические типы коммуникантов, их фоновые и энциклопедические знания, дискурсивную компетенцию, правила речевой тактики. Данная модель использует и культурные знания коммуникантов, организованные в виде «культурных» фреймов или скриптов, существующих, по мнению А. Вежицкой, на уровне этносознания [102].

Когнитивная карта дискурса имеет выход на **когнитивную карту текста**, которая формируется за счет интеграции текста вокруг концепта. К концепту предъявляются критерии регулятора; фильтра концептов, фреймов, моделей; объединения и выхода на текст. Так, концепт-идея представляет собой

совокупность макропропозиций, выражающих основную сущность смыслового массива текста [103, с. 202].

Выделение ценных культурных концептов в дискурсе отражает *концептуальное пространство текста*. Данные концепты реконструируются на основе вербального кода текста и глобальной контекстуализации: знаний о личности адресанта, его творчестве, деятельности, методе, стиле, эпохе, его отношении к описываемым событиям и явлениям. Моделирование концептуального пространства текста основывается на выявлении иерархических связей с концептом-идеей, жанровой и интерактивной моделями дискурса, а также с фреймами текстового содержания [95, с. 247-248]. Эти комплексы текста связаны между собой *макроконнекторами*, которые глобализуют связность тем в когнитивной карте, формируют «смысловые поля» [104, с. 78]. Между комплексами можно устанавливать тема-рематические и логические связи: конъюнкции, дизъюнкции, причины и следствия и др. [105]. У. Манн и С. Томпсон отмечают такие связи как *риторические отношения*, считая, что они могут связывать минимальные и максимальные единицы дискурса. Данные отношения подразделяются на напоминающие синтаксическое противоположение сочинения и подчинения симметричные (ядерно-ядерные) и асимметричные (ядерно-сателлитные), соотносящиеся с обстоятельственными придаточными [106, р. 52]. На основе данных отношений моделируются *графы* риторических структур текста [107, с. 310].

Когнитивная карта дискурса встроена в диалогическую дискурсивную модель, где жанровая модель коррелирует с модулем семиотического универсума, интерактивная – с модулями интериоризованного бытия, адресанта и адресата; когнитивная карта текста является результатом взаимодействия всех модулей дискурса и манифестируется в модуле текста. Важным для описания когнитивной карты дискурса является анализ как вербального кода текста, так и имплицитных факторов ее формирования [95, с. 251-252].

Проблема когнитивного анализа прагматических аспектов дискурса признается учеными актуальной, однако в данной области исследования значительных изменений не произошло. В настоящее время специалисты в области когнитивного анализа дискурса пытаются решить задачу поэтапно, создавая модели различных аспектов дискурсивной деятельности человека и разделяя в целях удобства описания процессы порождения и восприятия.

Когнитивно-номинативное направление в лингвистике представлено работами Е.С. Кубряковой [4], Н.Н. Болдырева [108], В.Н. Телии [87], Л.К. Жаналиной [1]. По свидетельству Е.С. Кубряковой, когнитивная лингвистика является последней версией теории номинации, которая изучает РД, производящую НЕ для вербализации новой информации, полученной в познании, и сохраняющуюся в виде отпечатков в их структуре и значениях после образования. Характерная для номинативной теории когнитивная окрашенность в связи с ее интересом к познавательной деятельности обусловила ее переход в когнитивную парадигму [4, с. 58-75].

Если для когнитивно-дискурсивного направления важен текст как средство выражения когнитивного пространства, выполняющий

коммуникативную функцию, то в когнитивно-номинативном направлении в качестве языковых средств выражения выступают НЕ и их классы, реализующие номинативную функцию.

В концепции Е.С. Кубряковой *части речи* выступают *как классы когнитивно-номинативных единиц*. Каждая часть речи характеризуется, с одной стороны, когнитивной областью, а, с другой, рассматриваются номинативные функции частей речи.

В основу системы частей речи положено представление о трех различающихся между собой когнитивных областях – категориях предметности, признаковости и процессуальности, которые задают распределение однозначных НЕ. Лежащая в их основе онтологическая категория предметности делает существительное универсальной категорией слов, которой противопоставляется все остальное. Формирование категории атрибута объекта (категории признаковости) происходит в процессе осознания того, что у целостного объекта, воспринимаемого как «единство целого и части» существуют свои собственные выделяемые составляющие. Данные части объекта осмысляются как его признаки, или атрибуты. Признаки, независимые от воли человека, признаки постоянные, формируют класс слов – прилагательные, а признаки, зависимые от его воли, – движения, действия – глаголы. Каждая часть речи фиксирует свою собственную область референции. Для существительного и прилагательного такие области детерминированы предметным миром и его членением, для глагола вступает в силу его способность не только отсылать к видам движения или действия в мире, но способность устанавливать типы отношений между объектами и давать этим отношениям аспектуально-временные характеристики. Для глаголов важен его реляционный потенциал – возможность фиксировать положение дел в мире, внутренние и ненаблюдаемые состояния и констатировать происходящее [4, с. 210-251]. Так в синтезе начал (когнитивного и номинативного) отражены факторы, которые действуют в генезисе частей речи.

Когнитивный подход к исследованию языка исходит из того, что значительная роль в формировании языковых значений принадлежит человеку, так как именно человек как познающий и говорящий на языке субъект формирует смыслы, говорящий субъект сознательно осуществляет выбор языковых средств выражения для описания той или иной ситуации. Это означает возможность обращения к любому фрагменту собственного опыта в процессе формирования значения языкового знака, т.е. использование как языковых, так и неязыковых, энциклопедических знаний, что предполагает, по утверждению Н.Н. Болдырева, разработку *многоуровневой теории значения – когнитивной семантики* [108, с. 26].

Ученый выделяет четыре типологии концептов: содержательную, структурную, репрезентативную и функциональную, так как за концептами стоят знания разной степени абстракции, разного содержания.

Содержательная типология подчеркивает когнитивную область, структурирует ее, представляя разные форматы знания, и отражает элементарный уровень, включая «культурно обусловленные, языковые,

диалектные, географические, правовые, экономические, юридические концепты, а также неязыковые (событийные или ситуационные) и языковые (классификационные) концепты (или фреймы)» [108, с. 52].

Структурная типология характерна для когнитивного пространства, представляет системный уровень, так как объединяет различные типы или форматы знания, которые условно подразделены на две группы: «*концептуально-простые* – элементарные по своей структуре концепты: конкретно-чувственный образ, представление, схема, понятие, прототип и *концептуально-сложные*, которые относятся к концептуальным структурам: пропозиция, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт, категория, когнитивная матрица» [108, с. 52-53]. Так фрейм, сценарий, пропозиция являются многокомпонентными, ассоциируются с языковой единицей и отличаются высокой степенью стереотипности, а гештальт, категория передают нестереотипное знание, которое является результатом интеграции концептов или концептуальных областей (многоаспектное знание) в единую концептуальную структуру – когнитивную матрицу.

Репрезентативная типология отражает номинативный уровень, включает средства выражения этих когнитивных единиц, выделенных с помощью содержательной и структурной типологии: «фонологические, лексические, фразеологические, ономаσιологические, словообразовательные, лексико-грамматические, грамматические (морфологические и синтаксические), текстовые, сверхтекстовые концепты» [108, с. 52].

Функциональная типология демонстрирует деление знаний на декларативное и процедурное, которым соответствуют «тематические (классификационные, оценочные) и операционные концепты, первые из которых единицы теоретического знания, мыслительные конструкты, репрезентирующие накопленный человечеством опыт в конкретной области, специально созданные языком в целях интерпретации картины мира и знаний о нем, а вторые – единицы оперативного знания онтологии мира, конкретные смыслы, которые формируются и передаются в процессе РД» [108, с. 70-72]. Представленные типологии отражают использование неязыковых и языковых знаний, соотношение когнитивных и языковых структур, типов и форматов знания, что является свидетельством развития когнитивно-номинативного направления в лингвистике.

Широкий подход к явлениям номинации, согласно которому в анализ НД включается эмоционально-экспрессивный аспект, прагматика и национальные особенности картин мира и их культурологический аспект, использует В.Н. Телия. Ученый описывает **культурно-национальную коннотацию фразеологизмов**, которая основана на мировидении, отраженном в образном их основании, так как «только при соотнесении самого этого образного содержания, явленного в «буквальном» прочтении фразеологизмов, с категориями, концептами, мифологемами, стереотипами и эталонами национальной культуры и его интерпретации в этом пространстве материальной, социальной или духовной культуры открывается культурно значимый смысл самого образа» [87, с. 228-231].

В.Н. Телия отмечает, что при работе с языком как источником, лежащем в основе моделей культуры, необходимо учитывать то, что в его номинативном составе содержится два типа единиц. К первому типу относятся единицы, в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения, – слова, обозначающие реалии материальной культуры или концепты духовной и социальной культуры. Ко второму типу – фразеологические единицы (фразеологизмы-идиомы и фразеологические сочетания), в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения [87, с. 235]. Анализ фразеологических единиц позволяет определить смысл их культурно-национальных коннотаций, благодаря которым фразеологизмы в процессах их употребления воспроизводят характерологические черты народного менталитета. Данная теория положила начало новому когнитивно-номинативному этапу в развитии фразеологии, который следует за классической фразеологией.

Наиболее последовательно когнитивно-номинативный подход разрабатывается в концепции Л.К. Жаналиной – теории номинации как особой формы РД, которая сосуществует вместе с другой формой РД – КД. Данный подход определяет структуру теории, которая состоит из теории НД и двух грамматик номинации: *предречевой*, изучающей языковую систему 1, которая предоставляет материал и модели для НД, и *постречевой*, представляющей языковую систему 2, которая организует результаты НД в **номинативные и когнитивно-номинативные парадигмы**.

Когнитивно-номинативная парадигматизация результатов НД отражает синхронный срез филогенетического номинативного и когнитивного развертывания производящего слова и его когнитивного аналога – категории-концепта. Внутренняя сторона НД протекает как акты познания, включающие категоризацию и концептуализацию, а внешняя сторона как номинативные акты с использованием способов номинации: семантической деривации, фразеобразования, словообразовательной деривации, фразообразования, создающие НЕ: переносные значения, фразеологизмы, производные слова, словосочетания, предложения. На первой ступени НЕ объединяются внутри парадигмы в зоны: лексическую, фразеологическую, словообразовательную, синтаксическую. Вторую ступень образуют области, в которых объединяются НЕ, созданные для расширения исходного концепта общими признаками и новые интегрированные концепты [1, с. 133]. Так когнитивные процессы категоризации и концептуализации получают закрепляемые за ними в НД имена.

Представленные версии интегративного моделирования языка (когнитивно-дискурсивного и когнитивно-номинативного направлений) отражают тенденции развития лингвистики, устремленность науки к более глубокому познанию объекта за счет полиаспектуализации его описания, что подготавливает становление интегративной парадигмы в лингвистике.

Выводы по 1 разделу

Анализ основных достижений отечественных и зарубежных ученых в исследовании языка позволил сделать следующие обобщения:

1. Формирующиеся интегративные подходы к языку в рамках коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной парадигм определяют облик современной лингвистики.

2. Для коммуникативно-прагматической, когнитивно-дискурсивной, интегративной парадигм как реализации новой онтологии в языкознании характерен полиаспектный подход к языку в отличие от аспектного подхода в старой онтологии. Полиаспектность проявляется в расширении объекта языкознания за счет охвата разных его сторон.

3. Современное лингвистическое знание характеризуется антропоцентричностью, интегративностью, синтетичностью, полипарадигмальностью, когнитивной ориентированностью, семантикоцентричностью, синтаксикоцентричностью и множественностью взаимно обогащающих друг друга теорий, что является свидетельством полиаспектуализации объекта современного языкознания. Происходящая в лингвистике интегративность, полиаспектуализация и полипарадигмальность является следствием действия научных принципов экспансионизма, антропоцентризма, экспланаторности, функционализма, когнитивизма.

4. Полипарадигмальность, интеграция аспектов самого объекта в связи с признанием полиаспектности языка – основа возникновения интегративной парадигмы в языкознании.

5. Интегративное моделирование диктует рассмотрение языка и РД как единство, которое обеспечивает его носитель, присутствующий во всех проявлениях языка: 1) как виртуального образования – языковой системы, хранимой в памяти носителя языка (грамматика номинации); 2) как языковой способности, реализуемой в РД с использованием языковой системы (теория номинации как РД); 3) как продукта РД, на основе которого человек систематизирует знания о языке и знания о мире (модель системы когнитивно-номинативных парадигм).

6. Интегративный подход – целостное видение языка, участие языка во всех видах взаимодействия человека с миром и с самим собой, в том числе с отражением развития человека в разных видах его активности как члена социума, представителя культуры и участника межкультурной коммуникации.

7. Когнитивно-дискурсивное и когнитивно-номинативное направления – версии интегративного моделирования языка, отражающие устремленность науки к более глубокому познанию объекта. Если для когнитивно-дискурсивного направления важен текст как средство выражения когнитивного пространства, выполняющий коммуникативную функцию, то в когнитивно-номинативном направлении в качестве языковых средств выражения выступают НЕ и их классы, реализующие номинативную функцию.

2 МЕХАНИЗМЫ КОГНИТИВНО-НОМИНАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА

2.1 Когнитивное конструирование семантического пространства языка

На современном этапе развития лингвистики наблюдается интерес к вопросам глубинных закономерностей языкового механизма, при этом на первый план выступает ряд проблем, связанных с исследованием концептуальных структур и лексического значения слова. Соотношение мира, его образа, существующего в сознании, и образа, закрепленного в языке, способствовало выделению двух моделей пространства – концептуальной и языковой картины мира (ЯКМ). Концептуальная картина мира значительно шире по сравнению с ЯКМ. Подобное решение отражено в работах О.Г. Почепцова [109], Б.А. Серебrenникова [110], В.Н. Телии [111]. По О.Г. Почепцову, языковое представление мира «информационно неполно и / или неточно», причину которого он видит в том, что «отражению подвергается не мир в целом, а лишь его пики, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир» [109, с. 111-112].

Моделирование языка в виде ЯКМ представляет квадротомию «действительность – мышление – человек – язык», в которую человек входит не только как мыслящее, но и как социальное, национальное и индивидуальное существо. ЯКМ определяется как языковое сознание, а менталитет как способ оперирования единицами знания с целью разрешения проблемных ситуаций и реализации намерений субъекта языкового сознания на основе национальной картины мира. Менталитет запускает в действие ЯКМ. ЯКМ статична и относительно стабильна, а менталитет отличается процессуальностью и динамичностью. ЯКМ поставляет материал для функционирования менталитета и является объектом для его осмысления. Менталитет экстраполирует воспроизведенные знания на действия или же интерпретирует их и создает новые знания, способствуя росту ЯКМ. ЯКМ выступает как когнитивный «спутник» языка, а менталитет как компонент речемыслительной деятельности [112, с. 23].

Когнитивно-номинативная организация языка рассматривается лингвистами в 2 направлениях:

1) «сверху вниз» включает *уровневый подход* – от характеристики общей системы ЯКМ к уровневому ее распределению, единицам, отношениям и стереотипам каждого уровня (Ю.Н. Караулов) и *полевой подход* – описание ядра языкового сознания, составляющего основу ЯКМ (Н.В. Уфимцева);

2) «снизу вверх» представляет *системный подход* – классификации типов концептов, структурирующие когнитивную картину мира (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, З.Д. Попова и И.А. Стернин).

Моделирование языка в человеке представляет два фокуса – когнитивное и культурологическое. Этому способствует разработанная Ю.Н. Карауловым трехуровневая модель языковой личности – реализация уровневого подхода:

1) вербально-семантический, или лексикон личности; 2) лингвокогнитивный, представленный тезаурусом личности, в котором отражена система знаний о мире; 3) мотивационный, или прагматикон личности [86, с. 238]. Моделирование ЯКМ – тезауруса достигается посредством пропуска через призму доминант, расставляемых языковой личностью, национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией.

На когнитивном (тезаурусном) уровне выступают: «1) единицы в виде обобщенных (научных и обыденно-жизненных) понятий, концептов, идей; 2) иерархически-координативные отношения между единицами, образующие вместе с ними семантические поля, картину мира; 3) стереотипы – генерализованные высказывания, дефиниции, афоризмы, крылатые выражения, пословицы и поговорки». Единицы, отношения между ними и стереотипные их объединения образуют, свойственные каждому уровню, комплексы – «вербальную сеть», «картину мира»-тезаурус, «коммуникативную сеть». Языковой (вербально-семантический) уровень языковой личности включает: «1) единицы в виде слов; 2) отношения, охватывающие разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических, ассоциативных связей, которые образуют ассоциативно-вербальную сеть (АВС); 3) стереотипы в виде наиболее ходовых стандартных словосочетаний, простых формульных предложений» [86, с. 36-54]. Ю.Н. Караулов выделяет «предсказуемые и свободные ассоциативные связи», первые из которых «структурируют общественное сознание, типизованные, отстоявшиеся в ходе культурно-исторического развития этноса связи, которые многократно зафиксированы в речи, дискурсе»; вторые представляют «индивидуальные связи, отражающие творческое восприятие действительности отдельными представителями этноса, социума». Так ассоциативная грамматика отражает интегративность, которая «достигается реализацией трех фундаментальных принципов: системности, активности и отражения в описании наивно-языковой картины мира» [113, с. 104-105]. Интегративность ассоциативной грамматики обусловлена связью с когнитивной стороной – ментальным лексиконом носителя языка, поиском аналогов психических процессов по схеме: языковая способность и ее языковой вариант – АВС.

В современной лингвистике наиболее полной моделью русского языкового сознания является «Русский ассоциативный словарь» (РАС), построенный по прямому (от стимула к реакции) [114] и обратному (от реакции к стимулу) принципам [115] и имеющий статус тезауруса, охватывающий всю лексику языка и фиксирующий отношения, существующие между его единицами. Авторы словаря Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов предлагают новый способ репрезентации русского языка, расширяющий возможности его представления, модель речевых знаний носителей русского языка в виде АВС. Каждое такое ассоциативное поле – это не только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок носителей русского языка [114, с. 6-8]. С учетом различий в частотности реакций и неоднородности ассоциативных связей исследователи

выделяют ядерную часть лексики, называемую «ядром ментального лексикона» (А.А. Залевская [116], Н.О. Золотова [117]) или «ядром языкового сознания» (Н.В. Уфимцева [118], Ю.Н. Караулов [114], [115], С.Г. Незговорова [119], В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова [120], [121], [122]). По мнению Т.Н. Ушаковой, «ядро языкового сознания осуществляет лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющегося на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу его ЯКМ» [123, с. 16]. К языковым средствам репрезентации языкового сознания относятся: структура ассоциативно-вербального тезауруса, отдельные слова, морфемные элементы слов и образуемые на их основе грамматические и логические категории, грамматические и текстообразующие формы, функционирование интенционально-мотивирующего механизма [124, с. 6-17].

Впервые ядро русского языкового сознания выделено Н.В. Уфимцевой в количестве 75 слов в ходе работы над РАС [118, с. 139-162]. Ученый проследила динамику языкового сознания носителей русского языка, опираясь на данные ассоциативных словарей – «Словаря ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ) [125], «Русского ассоциативного словаря» (РАС) [114], [115], «Славянского ассоциативного словаря» (САС) [126]. В результате исследования определено 10 основных единиц русского языкового сознания: «человек (1355), дом (845), жизнь (694), хорошо (665), деньги (564), друг (548), любовь (418), радость (392), красивый (385), счастье (268)» [118, с. 142]. В центре русского языкового сознания находится сам человек и его жизнь, языковое сознание в целом имеет положительную оценку – *хорошо, счастье*. Важными в жизни человека являются его отношения с другими людьми – *любовь, друг*, а также место, где он живет – *дом*, и материальное обеспечение своей жизни – *деньги*. Значимыми сторонами являются эмоциональная – *радость, любовь, счастье* и эстетическая – *красивый*. Разработанная Н.В. Уфимцевой методика содержательного анализа этнокультурной специфики языкового сознания, его ядра, выявленного с помощью свободного ассоциативного эксперимента, позволила реконструировать русское языковое сознание носителей языка и положила начало сопоставительному исследованию языков, выявлению культурной специфики образов сознания.

З.Д. Попова, И.А. Стернин выделяют основные направления современной когнитивной лингвистики, которые обладают достаточной оформленностью, имеют собственные методические принципы и представляют известные научные школы:

– *культурологическое* – исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук (Ю.С. Степанов);

– *лингвокультурологическое* – исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: направление «от языка к культуре» (С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, Е.М. Верещагин, В.И. Карасик, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, В.М. Шаклеин и др.);

– *логическое* – анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Р.И. Павилёнис, М.Р. Проскуряков, И.Г. Проскурякова, А.Д. Шмелев);

– *семантико-когнитивное* – исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Г.В. Быкова, Е.В. Лукашевич, З.Д. Попова, Е.В. Рахилина, И.А. Стернин);

– *философско-семиотическое* – исследуются когнитивные основы знаковости (А.В. Кравченко) [9, с. 13-17].

Конструирование когнитивного пространства осуществляется как от целого, так и от части – его единиц, в первую очередь, – концептов. Современная когнитивная лингвистика предлагает разные типологии концептов. Основанием для типологии концептов является доминантная форма познания, выбор которой диктуется объектом. Основание дополняется включением критериев разграничения концептов по признакам структуры, системного окружения (категории), по типам знания (декларативное, процедурное). Данные критерии отражены в классификации концептов Н.Н. Болдырева и А.П. Бабушкина.

Н.Н. Болдыревым разработаны четыре типологии концептов, отражающие их основные аспекты:

1) *Содержательная типология* представлена концептами по тематическим областям знания: «культурно обусловленные, языковые, диалектные, географические, правовые, экономические, юридические концепты, а также неязыковые (событийные или ситуационные) и языковые (классификационные) фреймы».

2) *Структурная типология* объединяет различные типы или форматы знания, которые условно подразделены на две группы: «концептуально-простые (конкретно-чувственный образ, представление, схема, понятие, прототип) и концептуально-сложные (пропозиция, фрейм, сценарий, скрипт, гештальт, категория, когнитивная матрица)».

3) *Репрезентативная типология* включает «фонологические, лексические, фразеологические, ономаσιологические, словообразовательные, лексико-грамматические, грамматические (морфологические и синтаксические), текстовые, сверткостовые концепты».

4) *Функциональная типология* содержит «тематические (классификационные, оценочные) и операционные концепты» [108, с. 51-112].

Классификация концептов Н.Н. Болдырева совпадает с классификацией, предложенной А.П. Бабушкиным по типу отражаемого знания, которая включает не только знания, но и восприятия, представления, воображение, результаты всех психических процессов взаимодействия человека с миром: «мыслительная картинка, концепт-схема, концепт-фрейм, концепт-инсайт, концепт-сценарий, калейдоскопический концепт» [127, с. 43-67].

З.Д. Попова, И.А. Стернин предлагают классифицировать концепты по типу знания, отражения действительности, которое они закрепляют, так как от этого зависят методы выделения и описания концептов:

1) *Типология концептов по характеру концептуализируемой информации*: «представление, схема, понятие, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт».

2) *Типология концептов по характеру их «наблюдаемости», объективированности для человека*: «вербализованные и невербализованные».

3) *Типология концептов по их принадлежности определенным группам носителей*: «универсальные и национальные, групповые (возрастные, гендерные, профессиональные и под.) и индивидуальные концепты».

4) *Типология концептов по степени абстрактности содержания*: «абстрактные (ментефакты) и конкретные (натурфакты и артефакты)» [9, с. 117-120].

Устойчивое внимание к когнитивной стороне языка актуализирует проблему значения в его отношении к знанию. По объекту познания Е.С. Кубрякова различает *знания о мире (неязыковые)* и *знания о языке (языковые)*. Языковые знания трактуются неодинаково: лингвистические знания – знания об устройстве языковой системы, о языковых единицах и категориях, о закономерностях развития языка и о его современном состоянии, о его функциях – противопоставлены знаниям внелингвистическим или экстралингвистическим, знаниям об устройстве мира, обо всем в этом мире, кроме языка [4, с. 10], а также «внеязыковые представления носителей той или иной культуры независимо от их социального статуса и образования» [128, с. 184]. Данные точки зрения обнаруживают наличие двух видов языковых знаний. Язык выступает в качестве источника знаний о самом себе, благодаря чему становится базой для обучения языку (знание языка преобразуется в знание о языке), и в качестве источника знаний о мире, том числе знаний о мышлении, благодаря чему он оказывается носителем картины мира (знание языка несет знание о мире). Познание с помощью языка опирается на следующие его свойства: язык отражает языковую и неязыковую действительность, влияет на ее ментальное освоение, является окном в сознание человека [4, с. 12].

В психолингвистике А.А. Залевская разграничивает два вида знаний о действительности: знание о фактах действительности и знания о процедурах взаимодействия этих фактов и человека с действительностью. Ученый квалифицирует их как *декларативные* (знания о чем-либо) и *процедурные* (знания, как сделать что-либо) [129, с. 71]. Таким образом, декларативное знание – это *эксплицитное знание*, о котором мы можем сообщить и которое мы осознаем, а процедурное знание – это *имплицитное знание*, знание о том, как выполнять действия [130, с. 235]. В соответствии с данной классификацией Г.П. Грайс разграничивает конвенциональное *буквальное значение* языкового выражения (*экспликатура*) и выводимого, *подразумеваемого смысла* этого же выражения в дискурсе – того, что говорящий «имеет в виду» (*импликатура*) [131, р. 436-444]. В семантике предложения выраженная и невыраженная часть значения представлена пропозицией. Имплицитные (невыраженные) смыслы

делятся на *пресуппозицию* (презумпцию) – причина и следствие – *импликацию* [52, с. 124-133].

Когнитивные модели, структурирующие знания о мире, актуализируются языком через его номинативные ресурсы. Соответственно выход на когнитивную картину мира осуществляется НД и ее результатами, представляющими язык в его динамике и статике. Номинативное воплощение когний исследуется когнитивно-номинативным направлением языкознания. Фундамент данного направления заложен Е.С. Кубряковой. Ученый разграничивает типы знания – *знание по знакомству* (знание, получаемое в опыте, практически, а также в результате творческой, научной деятельности), и *знание по описанию* (знание, полученное через язык). Знание по описанию, т.е. *ословленное знание*, хранится, обрабатывается, извлекается по мере надобности. Такие процессы квалифицируются как двусторонние – когнитивные, ментальные и одновременно языковые, так как мысли приобретают вербальное выражение. Язык выступает как способ реализации мыслительных операций, которые влияют на его организацию языковых единиц. Формирование нового *неословленного знания* проходит этапы, на которых оно выступает как бессознательное и сознательное. Сознательным оно становится, когда получает языковую форму. И в этом случае языковая система может воздействовать на выбор наименования для закрепления полученной в ходе познания действительности информации и на отнесение ее к подсказанному языком определенному классу знаний [4, с. 10-11]. Так в одном случае исследование указанных феноменов направляется от языковых единиц к когнитивным, во втором – наоборот, от когнитивных к языковым. Но в обоих случаях учитываются и языковое и ментальное содержание. Поэтому за приведенными выше терминами стоят единицы знания, ориентированные на язык.

Рассматривая язык как отражение взаимодействия сознательного и бессознательного, необходимо разграничивать значение и смысл. Согласно триаде языкового знака *действительность – мышление – язык*, триединство отношений изображается в виде семантического треугольника Огдена – Ричардса [64, с. 151], где *предмет* – вещь, денотат; *мысль* – понятие, сигнификат; *имя* – слово. Таким образом, *смысл* – это реализованное в речи языковое значение плюс виды неязыкового содержания: невербальные образы сознания, энциклопедические и ситуативные знания о предметах, речевые коннотации и т.п., а *значение языковой единицы* – это целый комплекс психических явлений: обобщенное отражение элементов действительности, различные типы отношений данного языкового знака к другим элементам знаковой системы, осложненные коннотативными признаками (оценочного, эмоционального, экспрессивного и ассоциативного характера). По утверждению А.П. Журавлева, значения являются важнейшими «образующими» человеческого сознания, они преломляют мир в сознании человека, хотя носителем значений является язык. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка

идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений [64, с. 153-154].

Номинативный с его развитием когнитивно-номинативный подход разрабатывается Н.Д. Арутюновой, которая разграничивает *предметные* и *признаковые* слова, различающиеся значениями: концепты для объектов – предметные имена и концепты для действий, признаков – предикатные имена. В концепции ученого они служат не столько для выражения различных знаний, сколько для выполнения разных функций языка. «Природа языка определяется двумя его основными функциями: коммуникативной и экспрессивной (функцией выражения мысли). Суждение устанавливает связь между миром человека и мышлением о мире. В нем соединены гетерогенные сущности: субъект – представитель мира, предикат – представитель человека, той концептуальной системы, которая присутствует в его сознании. Задача субъекта – идентифицировать предмет речи, задача предиката – указать на те его признаки, которые релевантны для целей коммуникации» [132, с. XI-XII].

Типы значений языковых единиц различаются по наличию или отсутствию денотации (референции) и сигнификации. *Предметное (идентифицирующее) значение* связано с типом референции имени, его отношением к внеязыковой действительности, удовлетворяющим логико-коммуникативному заданию идентификации предмета. *Признаковое (предикатное) значение* – не референтно, связано с функцией логического предиката, т.е. с центральной категорией мыслительной деятельности человека. Предмет и признак, конкретное и абстрактное, пространство и время, синтез и анализ, таксономическая иерархия и иерархия семантических «расстояний», автономность и зависимость, гетерогенность значения и гомогенность «объективных» компонентов, первичность функции субъекта и вторичность функции предиката, внемодалность и способность присоединять модалные значения, неградуированность и градуирование, отсутствие логической антонимии и наличие антонимических связей – таковы параметры двух типов значений, первый из которых определяется отношением к миру, а второй – к человеческому мышлению о мире. Таким образом, идентифицирующие слова отражают и классифицируют то, что «существует в мире», а предикатные выражают то, что мы «думаем о мире». Первые ориентированы на объективный мир, вторые – на познающего субъекта [132, с. 10-39].

Различие между значениями, ориентированными на мир и на отражение мира в сознании человека, сохраняется среди вторичных смыслов, полученных в результате номинализации предложения: полные номинализации указывают на *события* и процессы, локализованные в действительности, неполные – на *факты* и пропозиции [132, с. XIII]. *Событие (событийное значение)* относится к сфере онтологии – действительности, ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени, характеризуется динамичностью, кульминативностью, «сценарностью» (ритуалы), единичностью и счетностью, соответствует дихотомии «язык – действительность». *Факт (фактообразующее значение)* ориентировано на мир знания (мысли), т.е. на логическое пространство, организованное координатой истины и лжи. *Факт* не может быть

уподоблен ни единицам административного деления пространств, ни единицам календарного членения временного потока, ни естественным реалиям природного мира, отличается гипотетичностью, соответствует дихотомии «язык – мышление». *Событийное значение* реализуется в форме как-придаточных, *фактообразующее значение* соответствует *что-придаточным* [132, с. 499-523]. Представление языкового (коммуникативного, функционального) и когнитивного факторов деления слов языка на два основных класса (предметные и предикатные), разграничение вторичных смыслов, полученных в результате номинализации предложения (событие и факт), с одной стороны, и нерасчлененность знания и значения – с другой, демонстрируют характер связи языка и мышления.

Отличие текста и дискурса связано с разграничением семантики предложения (текста) и высказывания (дискурса). Данные различия зависят от того, как называется сама наука: лингвистика текста, грамматика текста, стилистика текста, теория текста или анализ дискурса, дискурс-анализ. Так, *текст* признается в качестве основной единицы языка. Текстом оперируют функциональная, коммуникативная лингвистика (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова и др.), теория номинации, когнитивная ономазиология (Е.С. Кубрякова, Л.К. Жаналина, Е.А. Селиванова), логико-коммуникативный синтаксис (Н.Д. Арутюнова), стилистика, риторика, лингвокультурология, теория языковой личности (Ю.Н. Караулов), концепции ЯКМ и др. Текст соотносится с действительностью, с языком и человеческой деятельностью. Для текста характерна только вербальная информация, а содержание дискурса определяют вербальные и невербальные знаки. *Дискурс* – нечто большее, чем текст. Дискурс – речевое воплощение текста, охватывает не только языковые значения, но и неязыковое содержание. При таком подходе идея о динамичности дискурса оказывается невыраженной – имплицитной [6, с. 219-223]. Дискурс – текст, взятый в событийном аспекте, в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими факторами [64, с. 40]. Так, Н.Д. Арутюнова формулирует: «... мы хотим обозначить общий путь исследования: от текста – к смыслу, от типовых значений – к индивидуальным, от общих свойств языка – к специфическим чертам русского языка, отражающим особенности национального сознания («правде народа»), от логической структуры дискурса – к стилевым особенностям авторского текста» [132, с. XV]. Е.С. Кубрякова отмечает, что если текст находится в режиме «of line», то дискурс в режиме «on line». В режиме «on line», в дискурсе текст взаимодействует с неязыковыми факторами – культурными, социально-историческими, прагматическими, индивидуальными, а извлеченный из него, предстает как языковая реальность [6, с. 223].

На основе данных положений ученых можно представить следующее соотношение о взаимодействии сознательного и бессознательного в языке:

Таблица 2 – Соотношение о взаимодействии сознательного и бессознательного в языке

Язык	
1	2
Бессознательное (смысл, концепт)	Сознательное (языковое значение)
концептуальная картина мира ментальные репрезентации	языковая картина мира языковые репрезентации
лингвокогнитивный уровень языковой личности (тезаурус личности)	вербально-семантический уровень языковой личности (лексикон личности)
неязыковые (событийные или ситуационные) фреймы конкретно-чувственный образ, представление, схема, понятие, прототип, пропозиция, фрейм, сценарий, скрипт, гештальт, категория, когнитивная матрица	языковые (классификационные) фреймы фонологические, лексические, фразеологические, ономаσιологические, словообразовательные, лексико-грамматические, грамматические (морфологические и синтаксические), текстовые, свёрхтекстовые концепты
невербализованные концепты	вербализованные концепты
знание о мире процедурное знание импликатура (пресуппозиция, импликация) знание по знакомству (неословленное знание)	знание о языке декларативное знание экспликатура знание по описанию (ословленное знание)
признаковое (предикатное) значение функция выражения мысли сигнификат фактообразующее значение логическая категория дискурс (высказывание)	предметное (идентифицирующее) значение коммуникативная функция денотат событийное значение онтологическая категория текст (предложение)
Когнитивное сознание	Языковое сознание

Таким образом, невербализованные, имплицитные единицы находятся вне «светлой зоны» сознания и поэтому относятся к той части ментальности, которая именуется как «бессознательное»; в совокупности они представляют *когнитивное сознание*. Имплицитные единицы могут стать эксплицитными, если обретают языковое оформление, образуя *языковое сознание*, формирующее ЯКМ [64, с. 278-279]. Данное разграничение взаимодействия сознательного и бессознательного в языке уточняет и дополняет понимание того, что языковое значение связано с языковым сознанием, а смысл, концепт относится к когнитивному сознанию.

2.2 Языковые факторы систематизации когнитивного пространства

К языковым факторам систематизации когнитивного пространства относится: 1) само языковое значение, через которое можно реконструировать

когнитивное пространство; 2) языковая форма, которую представляют различные номинативные единицы (НЕ); 3) когнитивное содержание.

Совокупность значений языковых единиц образует семантическое пространство языка, которое является зеркалом когнитивного пространства. Значение – единица семантического пространства языка, элемент языкового сознания [9, с. 19]. Оно выступает как главный фактор организации когниций.

В лингвистической семантике классификации языковых значений выделяются на основе: 1) параметров, в соответствии с которыми языковые значения систематизируют когнитивное содержание; 2) типов языковых значений:

А) По уровневой принадлежности означающего: *лексическое значение* (ЛЗ) в составе понятийной части или в составе оценки – эмоциональных значений, выражаемых корнем; *словообразовательное значение* (СЗ), выражаемое словообразовательными формантами, которые выходят на когниции в составе ЛЗ или коннотаций – оценок эмоции; *грамматическое значение* (ГЗ), представляющее релятивные значения в словосочетаниях, диктум и модус в семантике предложений [133, с. 50-53].

Б) По степени обобщенности: *виртуальное (абстрактное) значение*, хранимое в памяти, как единица языка и *актуальное (конкретное) значение*, имеющее языковое выражение, употребленное в РД [133, с. 53-57].

В) По характеру передаваемой информации: *денотативное значение*, представляющее информацию о внеязыковой действительности, обращенное к предметному миру, которому соответствуют *актуальное (конкретное)* и *предметное (идентифицирующее) значение* слова, а также *событийное значение* предложения; *сигнификативное значение*, отражающее действительность в сознании человека, ориентированное на мир мысли, которое соотносится с *виртуальным (абстрактным)* и *признаковым (предикатным) значением* слова, а также с *фактообразующим значением* предложения [132, с. 11-53, 488-519]; *прагматическое значение*, используемое в различных аспектах коммуникативной ситуации; *синтаксическое (синтагматическое) значение*, содержащее информацию об отношениях знака к другим знакам в речи [133, с. 57-63].

Г) По связи с типом знаний: *лингвистическое значение*, фиксирующее знание о языке или знание по описанию (*ословленное знание*) по Е.С. Кубряковой, что соотносится с *декларативным (эксплицитным) знанием* по А.А. Залевской, и *экстралингвистическое значение*, отражающее знание о мире или знание по знакомству (*неословленное знание*) [4, с. 10-11], которое хранится в памяти в виде когнитивных структур: схем, сценариев, фреймов [133, с. 63-68] и соответствует *процедурному (имплицитному) знанию* [129, с. 71].

Представленные в современной лингвистике классификации НЕ демонстрируют когнитивное содержание на основе: 1) критерий участия языковых единиц в систематизации когниций; 2) основных групп языковых единиц:

А) По соотношению НЕ и объекта обозначаемого (действительности) – *первичные* или *прямые* (нейтральные или стилистические) и *вторичные* или *косвенные номинации* [134, с. 37-98], [135, с. 242-248].

По мнению В.Н. Телии, прямая номинация осуществляется на фундаменте трехмерного отношения, обеспечивающего переход от элементов «материального» мира к языковой форме идеального их отображения – к значению, с одной стороны, а с другой – от звучащей материи – к языковой форме – к имени, выступающему в форме слова (морфемы, сочетания слов) [136, с. 114-115]. Косвенная номинация – «особый тип вторичного наименования, который состоит в комбинаторно-лексическом опосредовании отнесенности переосмысляемого смысла имени к действительности», что отражается в лексической метафоре и во фразеологически связанных значениях слов – фразеологических единицах (ФЕ): фразеологических сращениях, фразеологических единствах, фразеологических сочетаниях, а также «осложняется подключением к процессу наименования комбинаторно-синтезирующей деятельности сознания, ментальных акций, психических процессов и состояний, что выражается в косвенно-производных значениях слов» – грамматической метафоре [136, с. 119-125]. «При косвенной номинации поводом для выбора и переосмысления языковых форм может служить и смежность в самих внеязыковых объектах», что соответствует метонимии [134, с. 92].

Б) По структуре – *однословные* или *нерасчлененные* и *несколькословные* или *расчлененные* (производные слова, словосочетания, предложения, тексты) *номинации* [134, с. 37-98], [135, с. 268].

В) По способам номинации: семантической деривации, фразеобразования, словообразовательной деривации, фразообразования, создающие НЕ: переносные значения, фразеологизмы, производные слова, словосочетания, предложения, которые на первой ступени объединяются внутри парадигмы в *зоны: лексическую, фразеологическую, словообразовательную, синтаксическую*, а на второй ступени образуют области, в которых объединяются НЕ, созданные для расширения исходного концепта общими признаками и новые интегрированные концепты [1, с. 133]. Развитие когнитивных единиц, отмеченное НЕ, образованными разными способами номинации, демонстрируют когнитивно-номинативные парадигмы концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» во 2 разделе диссертации п. 2.3.1, 2.3.2, 2.3.3, 2.3.4, построенные посредством использования методов интегративного моделирования и семантической реконструкции, представляющие два плана – когнитивный и номинативный.

Г) По отношению к номинативной функции: 1) *номемы* (однословные), имеющие словообразующие и транспонирующие формы, и *деривационные сочетания* (неоднословные), включающие детерминирующие и предидирующие формы, составляют номинативные ряды и номинативные поля – поля одного понятия, которые образуют номинативную систему [89, с. 119-136]; 2) *конструктивные, дономинативные и номинативные единицы* (НЕ), первые из которых выступают в качестве материала для построения НЕ: части

слова, морфемы, слова, словосочетания и предложения, реализующие конструктивно-семантическую функцию в номинативной деятельности, а вторые являются результатом лингвокреативной деятельности в виде новообразований словных (нерасчлененных) и несловных (расчлененных) НЕ, имеющие новую форму и новое значение и выполняющие номинативную функцию [8, с. 88]. Образование словных (нерасчлененных) НЕ осуществляется при помощи способов создания новых значений и новых слов. Новые значения возникают посредством лексико-семантических изменений слов при метафоризации или метонимизации их значений. Новые словные НЕ рождает словопроизводство: деривация и композитообразование. В деривации различаются собственно словопроизводство (выраженная или невыраженная конверсия, аффиксация), заменительное словопроизводство (транспрефиксация, транссуффиксация, трансрадикация) и усечение, а в композитообразовании – слияние и сложение. Несловные (расчлененные) НЕ производятся посредством фразообразования, которое включает эллипсис, распространение, субституцию, контаминацию и когеренцию. Словные и несловные НЕ пополняются и за счет заимствований – слов и словосочетаний, которые являются новыми как в плане выражения, так и в плане содержания [137].

Д) По отношению к коммуникативной функции: 1) в рамках семиотики – *частичные* (слово, словосочетание, значимая морфема, синтаксема, интонема) и *полные знаки* (предложение, высказывание), что соответствует *элементной* и *событийной* или *ситуативной* (*пропозитивной*) *номинации*. Соотношение элементной и событийной номинации в речи есть отношение части к целому. Конечным актом семиозиса являются полные (пропозитивные) знаки – предложения, по отношению к которым слова и морфемы, составляющие систему языка, являются строительным материалом [135, с. 257]. Частичные знаки ограничены по количеству, но служат для выражения неограниченного числа нечетко отграниченных друг от друга означаемых, поэтому многозначны и асимметричны по соотношению их означающих и означаемых. Полные знаки не ограничены по количеству, однозначны, непосредственно соотносятся с ситуацией, интегративны, переплавляют все аспекты и уровни языка [72, с. 206-215]; 2) в рамках коммуникативного синтаксиса – *докоммуникативные* и *коммуникативные единицы* (КЕ), первые из которых представлены словом-синтаксемой и распространенными синтаксемами (словосочетаниями), а вторые – предложениями и текстами. Докоммуникативные единицы выступают как строительный материал для построения КЕ (предложений и текстов), как конститутивные единицы, выполняющие конструктивно-семантическую функцию. КЕ возникают в результате коммуникативного акта для выполнения коммуникативной функции [74, с. 37-47].

Анализ классификаций НЕ приводит к выводу, что общая типология номинаций отражает многомерное когнитивное содержание – обращенность и к миру действительности и к миру мышления, представляя трихотомию «действительность – мышление – язык».

Особую роль в выражении и организации когнитивного пространства выполняют части речи. В концепции Е.С. Кубряковой *онтологические*

категории предметности, признаковости и процессуальности определяют распределение полнозначных НЕ на существительное, прилагательное и глагол соответственно, т.е. формируют главные координаты будущего языка и его пространства [4, с. 237-250]. В логико-семантической теории Н.Д. Арутюновой выделяются оппозиции значений слов (предметное и признаковое) и значений предложений (событийное и фактообразующее), которые основываются на разнице в их источниках – объективная действительность (*предметное и событийное значения*) и ментальное пространство (*признаковое и фактообразующее значения*), отражая неоднородность семантической стороны языка – ориентир на объективный мир или на содержание мышления [132, с. 11-53, 488-519].

Семантико-синтаксическая классификация глаголов Г.А. Золотовой и М.В. Всеволодовой демонстрирует *подкласс акциональных глаголов* со значением физического, интеллектуального или ментального действия (*процессуальности*), наиболее полно выражающий категориальное значение глагола как части речи, и *подкласс неакциональных глаголов*, которые, сочетаясь с именами предметных субъектов, утрачивают значение действия и становятся *стативными (статальными) глаголами*, описывающими физические, физиологические, эмоционально-психические, интеллектуальные состояния субъектов трех видов: лиц или живых существ, предметов, среды, пространств, локусов; *глаголами функцивного или экзистенциального (собственно бытийного) значения*, сообщающими о наблюдаемом или известном говорящему исправном /неисправном функционировании предметов-артефактов, механических устройств, либо о существовании предмета или явления, интенсивности явлений природы; *реляционными глаголами*, выражающими не действия, а отношения между предметами, участниками ситуации: локативные, партитивные, посессивные, компаративные, сопоставительные, интерперсональные и эмоциональные; *каузативными глаголами*, отражающими воздействие лиц, предметов, их признаков, событий, вызывающее изменения в предметах, в мире, реакцию и действия лиц [74, с. 59-80]; *характеризационными глаголами*, передающими визуально воспринимаемые признаки и свойства веществ, предметов [138, с. 104-110].

Функциональная классификация глагольной лексики, разработанная Ф.С. Бацевичем и Т.А. Космедой, основывается на способности глаголов присоединяться к референтно-таксономическим (денотативным) классам имен субъектов, которые отражают действительность. Функционально-отражательные связи объединяют глагольные предикаты в функционально-ономасиологические группы, которые подразделяются на *отражательно незакрепленные (денотативно независимые)* и *отражательно закрепленные (денотативно зависимые)* классы [139, с. 45-64]. Таким образом, соединение глагольных предикатов с классами имен субъектов в процессе построения высказываний происходит на основе вхождения в них отражательных признаков, что порождает функциональную параллель системы имен предметных субъектов и системы предикатов – процессуальности.

Семантико-синтаксическая классификация имени прилагательного Г.А. Золотовой и М.Ю. Сидоровой, а также М.В. Всеволодовой представляет типы соотношения между диктумным и модусным субъектом, которым соответствуют *четыре класса адъективных значений*, где наблюдаемые (*сущностные*) и *информативные признаки* отражают онтологическую объективность, а *эмоциональные и оценочные признаки* выражают позицию субъекта речи [74, с. 84], [138, с. 110-116].

Семантико-синтаксическая классификация имени существительного М.В. Всеволодовой содержит *оппозиции предметных и признаковых имен*, первые из которых включают личные имена (антропонимы), зоонимы и событийные (пропозитивные) имена, являющиеся источниками объективной действительности, а вторые – абстрактные имена, фиксирующие содержание мышления [138, с. 96-104].

Участие существительных, прилагательных и глаголов в основном делении когнитивного содержания обусловлено сочетанием разнотипных признаков как внешнего, так и внутреннего мира, которые раскрывают когнитивные закономерности неразделимости материального бытия и сознания. Множественность когнитивно-номинативных, функциональных теорий демонстрирует полипарадигмальный характер развития современной лингвистики, которая накапливает разные способы репрезентации языка.

Содержание концепта рассматривается учеными как в узком, так и в широком смысле. При узкой концепции исследования выделяются слои концепта, которые включают неоднородные концептуальные признаки. Так, Ю.С. Степанов различает в структуре концепта общеизвестный (обиходный), исторический и этимологический признаки [45, с. 41]. В.И. Карасик вычленяет в концепте активный слой «основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него»; пассивный слой «дополнительные признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры»; внутренняя форма концепта «не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концепта» [140, с. 3]. С.Г. Воркачев выявляет в концепте понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимостную составляющую – этимологические, ассоциативные характеристики концепта [40, с. 7]. Г.Г. Слышкин выделяет в структуре концепта четыре зоны: основные – интразону (признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата), экстразону (признаки, извлекаемые из паремий и переносных значений) и дополнительные – квазиинтразону и квазиэкстразону, связанные с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом [141, с. 6-66]. М.В. Никитин различает в концепте понятие, образ, когнитивный импликационал и прагматический импликационал [142, с. 59-60].

В широкой концепции исследования И.А. Стернина, М.Я. Розенфельда структура концепта представляется в виде круга, организованного по полемому принципу, в центре которого находится информационное ядро концепта –

основное понятие (когнитивно-пропозициональная структура, энциклопедическое поле); приядерная зона (лексические репрезентации концепта, синонимы, интерпретационное поле, паремиологическая зона); периферия (ассоциативно-образные репрезентации, метафорические и метонимические характеристики денотата концепта, чувственный образ) [143, с. 262-269], [144, с. 157-167]. Разработанную учеными классификацию подтверждает фактический материал диссертации.

Вербализация концепта раскрывает его структуру и содержание, является способом описания или актуализации совокупности концептуальных и ассоциативных признаков, которые участвуют в развитии концепта. Для экспликации всего содержания концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» проведено комплексное интегративное исследование разноуровневых языковых средств, образованных разными способами номинации: семантической деривацией, фразеобразованием, словообразовательной деривацией, фразеобразованием, которые демонстрируют развитие когнитивных единиц, раскрывают разные стороны одного и того же концепта, что представляет большой интерес для лингвистики. По утверждению Е.С. Кубряковой, «особую привлекательность для лингвистов представляют, как мне кажется, альтернативные способы описания одного и того же, и именно потому, что они возвращают нас к онтологически тождественным реалиям, увиденным людьми с разных сторон и в разных аспектах, а также и потому, что мы можем задуматься о причинах такого разного осмысления разных явлений мира» [4, с. 17].

Посредством использования методов интегративного моделирования и семантической реконструкции, методики парадигмизации Л.К. Жаналиной [1, с. 133] разработаны и описаны 4 когнитивно-номинативные парадигмы развития эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», которые представляют синхронный срез филогенетического номинативного и когнитивного развертывания производящего слова и его когнитивного аналога – категории-концепта во 2 разделе диссертации п. 2.3.1, 2.3.2, 2.3.3, 2.3.4. На первой ступени НЕ объединяются внутри парадигмы в зоны: лексическую, фразеологическую, словообразовательную, синтаксическую. Вторую ступень образуют области, в которых объединяются НЕ, созданные для расширения исходного концепта общими концептуальными признаками и новые интегрированные концепты, участвующие в развитии концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе»: концепты-расширители, образованные по аддитивному типу, со структурой «эмоция + признак»; концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами, раздвигающие концепт-«область» за счет дополнительных признаков или за счет пропозиции, включающей актанта-трансформы; концепты-синкреты, обозначенные НЕ-словосочетаниями и НЕ-предложениями; виды метафорических образов-репрезентантов концептов, отмеченные НЕ-словосочетаниями; случаи концептуальной интеграции внеязыковых концептов, происходящей на основе оппозиции-энантиосемии, отражаемые НЕ-словосочетаниями, а также

языковые концепты, маркируемые метаязыком, представленные НЕ-словосочетаниями и НЕ-предложениями.

Посредством использования методов семантической реконструкции Е.С. Кубряковой [50] и компонентного анализа, методики Кемеровской школы концептуальных исследований М.В. Пименовой [51] описаны метафорические образы-репрезентанты концептов и систематизированы в свете кодов культуры путем выявления ассоциативных признаков как живой, так и неживой природы, т.е. показано не только метафорически-образное расширение структуры содержания эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», но и связь с другими концептами, что демонстрирует 3 раздел диссертации п. 3.2.1, 3.2.2, 3.2.3, 3.2.4, 3.2.5.

2.3 Когнитивно-номинативная парадигматизация результатов номинативной деятельности

2.3.1 Развитие концепта «тоска» в номинативной парадигме

Когнитивная лингвистика, представленная ее классическим (логическим) направлением, в качестве основного объекта исследует механизмы и способы познания – категоризацию и концептуализацию (Н.Н. Болдырев [108], Е.С. Кубрякова [4], Дж. Лакофф [145]). Так как их результаты маркируются наименованиями, то когнитивная лингвистика сохраняет отмеченную Е.С. Кубряковой связь с теорией номинации. Последняя в версии, называемой интегративной лингвистикой [1], предлагает парадигматическое моделирование результатов номинативной деятельности, внутренняя сторона которой протекает как акты познания, включающие категоризацию и концептуализацию, а внешняя сторона как номинативные акты с использованием разных способов номинации, создающие НЕ, в которых содержание гносеологической деятельности преобразуется в языковые значения.

Система НЕ, объединенных общим исходным словом и парадигматическими отношениями, названа номинативной парадигмой (НП). Сам термин входит в терминосистему интегративной лингвистики [146].

НП как системы НЕ выстраиваются на следующих основаниях:

- 1) Имеют одно общее исходное (производящее) слово.
- 2) Моделируются парадигматическими отношениями.
- 3) Актуализируют существующие способы номинации.
- 4) Эксплицируют двусторонность НД и представляют синхронный срез филогенетического номинативного и когнитивного развертывания производящего слова и его когнитивного аналога – категории-концепта.
- 5) Демонстрируют обогащение-накопление выразительных средств языка на всех его уровнях, а также эволюцию когнитивных категорий и входящих в них концептов.

- 6) Реализуют корреляцию познавательной и номинативной функций.

Соответственно внутренняя сторона НП демонстрирует развитие концепта (категории), выражаемой производящим словом. Ее внешняя сторона

репрезентирует обогащение номинативных ресурсов языка за счет актуализации номинативного потенциала исходного слова, который реализуется через диапазон его участия в разных способах номинации, через объем (границы) его внутрисловной и внесловной дистрибуции и через изменение и расширение сочетаемости исходного слова и составляющих его морфем, которыми отмечаются тенденции развития языка и языковое творчество носителей языка. Следовательно, НП одной стороной является «летописью» когнитивной истории концептуализации, ее действий и операций, а другой стороной – номинативной истории исходной (производящей) НЕ.

В структурном плане НП имеет иерархическую организацию. На первой ступени систематизации выделяются зоны – самые крупные разделы НП, в которые группируются НЕ, образованные по одним и тем же способам номинации. Выделяются лексическая, фразеологическая, словообразовательная, синтаксическая и текстовая зоны [1, с. 442-444]. НП, в которой производящее слово вовлекается в номинативную деривацию с охватом всех способов номинации и которая имеет все зоны, называется полной. Если же исходное слово участвует не во всех способах номинации, то НП неполная. Так, НП слова *погодный* состоит из одной синтаксической зоны. Есть слова с нулевым номинативным потенциалом, например, слово *круча*.

Наибольшее число НЕ входит обычно в синтаксическую зону, что подтверждает более свободную межсловную сочетаемость по сравнению с внутрисловной. Они представляют результаты двух операций фразообразования: 1) непредикативное синтагмирование; 2) предикативное синтагмирование, которые делят зону на две части. В первую часть входят НЕ, образованные по моделям словосочетаний, а во вторую часть – НЕ, образованные по моделям предложений.

Критерий первой ступени – формальный, языковой, но при этом средства, участвующие в порождении НЕ-дериватов, определяют степень их отдаленности от исходного концепта, поэтому они подготавливают вторую ступень систематизации. На ней НЕ выступают как носители производных концептов, отражающих развитие исходных по аддитивному (концептуальная деривация) или инферентному (концептуальная интеграция) типу (Л.В. Бабина [147, с. 141-149], Н.Н. Болдырев [108, с. 102]). Аддитивный тип развития в НП определяется когнитивным потенциалом исходного концепта-категории. По мнению В.Г. Куликова, большую продуктивность имеют природные категории, которые обладают специфическими сущностями и позволяют выводить потенциально бесконечное количество информации об их представителях, содержат большое количество общих признаков. Для артефактов более важными являются функции, а признаки их изменчивы, что осложняет их объединение, поэтому у них способность к развитию ниже [148, с. 223-239]. Инферентный тип развития концепта вытекает из сочетаемости слов, морфем и выражаемых ими концептов. Вторую ступень НП образуют области, в которых объединяются НЕ, созданные для расширения исходного концепта общими признаками и новые интегрированные концепты.

НЕ, выступая как знаки концептов, которые входят в языковые значения, эксплицируют развитие исходной категории, его наполнение разными концептами (концептуальная интеграция) и распространением исходного концепта-категории (концептуальная деривация).

Ведущим началом для системы НЕ, составляющих НП, служит когнитивный потенциал исходной категории (концепта), заложенный в производящем имени. Потенциал усиливается при вхождении категории в область центральных, ключевых, ценностных когний, о чем свидетельствует частотность употребления языкового аналога, а также при отнесенности категории к природным. Кроме познавательной и лингвокреативной функции, действуют фактор вербализации (создания производных НЕ), адаптации в языковых категориях, систематизации по когнитивным признакам. Подобная оценка связи концептов как результатов познания с языковой формой вытекает из разделения когнитивной и языковой составляющих НД (и шире РД) как автономных и в то же время взаимодействующих. «Рождаемые в ходе познавательной деятельности концепты, получив языковую репрезентацию, становятся неотъемлемой частью концептуальной системы, создавая, в свою очередь, основу для ее дальнейшего развития и сохраняя деривационные связи с исходными структурами» [147, с. 141-149].

Взаимодействие внутренней и внешней сторон НД и сложная иерархия влияющих на концепты и категории когнитивных и языковых процессов обуславливает неопределенность и неуловимость концептуального пространства НП. Его структурирование концептами Е.В. Рахилина сравнивает с полотнами «импрессионистов, на которых зыбкий образ объекта выступает постепенно, как из тумана» [149, с. 24].

Поэтому помещение в НП результатов познавательно-номинативной деятельности совершается с допущением, что за каждой НЕ стоит отдельный концепт. Оно по умолчанию входит в утверждение, что НП представляет синхронный срез процессов диахронического развития и синхронной активности исходной категории-концепта в производных концептах. Эти процессы концептуализации-категоризации отпечатываются в значениях НЕ, относящихся к разным уровням языка и выступающих в соответствии с привлеченными для их образования синтетическими и аналитическими языковыми средствами как нерасчлененные и расчлененные.

Когнитивная сторона конкретной номинативной парадигмы исходного слова *тоска*, которая составлена с использованием толковых, фразеологических, семантических, словообразовательных, энциклопедических словарей, а также текстов из художественной литературы, представляет лингвокреативные возможности опорного слова. По составу зон и привлеченных способов номинации парадигма является полной. Она включает все зоны, предусмотренные полноценным участием исходного слова в номинативной деятельности. Нами представлены и описаны все зоны, кроме текстовой, в связи с непродуктивностью воспроизводства целых текстов носителями языка.

Следующая ступень структуры НП – когнитивная. Она представлена производными концептами, образованными от исходного концепта посредством добавления к нему дополнительных признаков или других концептов. Когнитивная структура имеет области, в которых производные концепты группируются на основе общих признаков.

Анализ номинативно-когнитивного потенциала исходного слова-категории *тоска* выявил активность только одного лексического значения, концептуальный аналог которого разворачивается в НП, имеющей следующую когнитивно-номинативную структуру:

1. Лексическая зона представлена двумя значениями, в которые заключены одиночные концепты. Они и образуют *две области*:

1. Душевное томление, тревога в соединении с грустью, унынием.

2. *Безл. сказ.* О скуке, унынии, царящих где-либо; о состоянии тоски у кого-либо [150, с. 705-708].

Первое значение включает понятийный концепт, состоящий из совокупности признаков – категориального признака «эмоция», дифференциальных признаков: 1) отрицательная оценка, 2) томление, 3) тревога, 4) грусть, 5) уныние. Концепт понятийного типа «тоска» входит в категорию «эмоции» вместе с концептами «томление», «тревога», «грусть», «уныние», «скука», «печаль», «скорбь», «горе», «горесть», «горечь», «кручина», «меланхолия», «хандра», «сплин», «ипохондрия».

Второе значение содержит пропозициональный концепт, построенный из компонента «состояние», актанта «субъект», сирконстанта «время».

2. Во фразеологической зоне производные концепты распределены по *шести областям* на основе обнаруженных в них шести общих признаков:

1. Признак «**сила** (+эмоция)», который охватывает большую часть зоны: *вавилонская тоска (книжн.)* [151, с. 571]; *зеленая тоска (разг.)* [152, с. 90]; *черная тоска, давящая тоска, гнетущая тоска, щемящая тоска* [153, с. 632]; *тоска заела кого (разг.), тоска извела кого (разг.), тоска истомила кого (прост., обл.), тоска одолела кого-нибудь, тоска напала на кого (что), тоска накатила на кого-нибудь, тоска взяла кого-нибудь, тоска завладела кем-нибудь, тоска проняла кого (разг.)* (осложняется интенсивностью действия), *тоска гнетет кого (что), тоска снедает кого (высок.), тоска крушит кого (прост., обл.), тоска гонит кого-нибудь, тоска гложет сердце (разг.), тоска раздирает сердце, тоска теснит грудь (сердце), тоска сдавила грудь, тоска сжала сердце, тоска навалилась на сердце (разг.), тоска налегла на сердце, тоска бьет кого* [154, с. 724-730]; *тоски не прибрать кому* [155, с. 667].

2. Признак «**источник** (+эмоция)»: *тоска по родине (иноск.)* [156, с. 1885]; *наводит (вызывает) тоску (неодобр.)* [155, с. 667]; *нагнать тоску (разг.)* [154, с. 727].

3. Признак «**субъект** (+эмоция)»: *чувствовать тоску* [154, с. 730].

4. Признак «**место** (+эмоция)»: *тоска гложет сердце (разг.), тоска раздирает сердце, тоска теснит грудь (сердце), тоска сдавила грудь, тоска сжала сердце, тоска навалилась на сердце (разг.), тоска налегла на сердце*

[154, с. 724-730]. Данная область дополняется признаком «сила», заложенным в значениях глаголов в составе ФЕ.

5. Признак «**длительность** (+эмоция)» в разновидностях: «постоянство» – *тоска заела кого (разг.), тоска теснит грудь (сердце), тоска гложет сердце (разг.)*; «начало» – *тоска напала на кого (что), тоска накатила на кого-нибудь, тоска взяла кого-нибудь, тоска навалилась на сердце (разг.), тоска налегла на сердце* [154, с. 724-730]; *пасть в тоску* [155, с. 667]; «завершение» – *тоска приглушилась, тоска примолкла (разг.), тоска развеялась, тоска рассеялась, тоска отлегла от сердца (разг.), размыкать тоску (устар., разг.), разогнать тоску (разг.), прогнать тоску, излить тоску* [154, с. 725, 727-729].

6. Актантная структура донативной принадлежности: «**мена обладателя**: первый обладатель + лишение/передача + (эмоция) + второй обладатель»: *тоска приглушилась, тоска примолкла (разг.), тоска развеялась, тоска рассеялась, тоска отлегла от сердца (разг.), размыкать тоску (устар., разг.), разогнать тоску (разг.), прогнать тоску, излить тоску* [154, с. 725, 727-729]; *отлить тоску* [155, с. 667]. Признак («лишение – отсутствие») противопоставляет данный концепт-дериват всем другим концептам, признаки которых отмечены обобщающим признаком («наличие»). С данной областью сближается область «длительность» в разновидности «завершение» с перспективой утраты эмоции.

Приведенные ФЕ восходят к первому лексическому значению, активизируя сему «отрицательные эмоции» исходного слова *тоска*. Это демонстрирует ассоциативный и валентностный потенциал первого значения по сравнению со вторым.

Концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами, раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков или за счет пропозиции, включающей актанты-трансформы:

1) Синкретичный «**субъект-объект**», «**субъект-инструмент**»: *тоска заела кого* («кто-то сильно тоскует»), *тоска извела кого, тоска истомила кого, тоска одолела кого-нибудь, тоска напала на кого (что), тоска накатила на кого-нибудь, тоска взяла кого-нибудь, тоска завладела кем-нибудь, тоска проняла кого, тоска гнетет кого (что), тоска снедает кого, тоска крушит кого, тоска гонит кого-нибудь, тоска бьет кого, тоска теснит грудь (сердце)* («грудь (сердце) человека переполнено тоской»), *тоска гложет сердце, тоска раздирает сердце, тоска сдавила грудь, тоска сжала сердце, тоска навалилась на сердце, тоска налегла на сердце*. Данная область дополняется признаком «сила», заложенным в структурных значениях исходного слова и в значениях глаголов в составе ФЕ.

2) **Контрагент** (роль возможного участника ситуации, по Ю.Д. Апресяну, второго активного участника ситуации при несовпадении действий двух субъектов: предикат полностью охватывает действие только субъекта [157, с. 125-126]) – *тоски не прибрать кому*.

Области фразеологической зоны отражают развитие исходного концепта по аддитивному и инферентному типу в процессах соответственно

концептуальной деривации и концептуальной интеграции. Основными маркерами разграничения производных концептов являются НЕ-фразеологизмы. Кроме того структура производных концептов в предикативных фразеологизмах отражает и наложение обеих моделей концептуализации, когда в их состав, наряду с дополнительными признаками, входят конфигурации актантов.

3. Словообразовательная зона парадигмы также имеет два плана языковой и когнитивный.

Языковой план представлен производными словами, значения которых формируются при дополнении первого значения исходного слова словообразовательными значениями [158, с. 248]:

1. *Тош-ущ-а* – «разг. увелич. к *тоска* (в 1-м зн.): невыносимая тоска, скука» [150, с. 764]. Суффикс *-ущ-* имеет модификационное значение: субъективно-оценочное (увеличительное значение) «намного превышающий обычное проявление» [159, с. 267].

2. *Тоск-лив-ый* – «исполненный тоски, склонный испытывать тоску» [150, с. 708]. Производное значение имеет структуру: «характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом» с оттенком «склонный к тому, что названо мотивирующим словом», в которое входит словообразовательное значение суффикса *-лив-* «обладающий характерным отличительным признаком, названным мотивирующим существительным» с оттенком, вносимым частным словообразовательным значением «содержащий в качестве составной части то, что названо мотивирующим словом» [159, с. 288, 326].

3. *Тоск-ова-ть* – «испытывать тоску» [150, с. 710]. Производное значение имеет структуру: «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным». В него входит словообразовательное значение суффикса *-ова-* «совершать действия, свойственные тому, что названо мотивирующим существительным» [159, с. 335].

Когнитивный план формируют концептуальная деривация и концептуальная интеграция, особенности которых передаются сочетанием лексических, словообразовательных и морфологических средств. В результате производные концепты приобретают структуру распространенного признаком понятийного концепта или структуру пропозиции. Три производных слова маркируют **три когнитивные области** с одним концептом в каждой из них:

1. Тоска + **выше нормы** (тощища).
2. Субъект + тоска-**признак** / склонный + тоска (тоскливый).
3. Субъект + **состояние** + тоска-содержание (тосковать).

Словообразовательная зона парадигмы отражает низкую продуктивность исходного слова и категории-концепта, следовательно, незначительный вклад способа словопроизводства в развитие категории как в плане его пополнения новыми концептами, так и в плане степени развития каждого из «словообразовательных» концептов.

В противоположность этой зоне синтаксическая зона демонстрирует большую активность. Фразообразование, дающее первую форму упаковки познания, экономит языковые процессы, которые все более увеличиваются, чем

больше сворачивается языковая форма. Ср., например, с количеством языковых операций в словообразовательной модели [91, с. 55-56]. Поэтому фразообразование, позволяющее сокращать длительность и уменьшать усилия, затрачиваемые на создание НЕ, делает его более приспособленным к фиксации возрастающих по скорости и объему знаний в век информационных технологий, в эпоху ускорения и расширения масштабов политических и экономических изменений.

4. Синтаксическая зона, как отмечалось в общей характеристике НП, по операциям фразообразования делится на две части. Первую часть составляют номинативные словосочетания (результаты непредикативного синтагмирования), вторую часть – номинативные предложения (результаты предикативного синтагмирования) как НЕ с номинативной функцией. В.М. Никитевич называет их деривационными сочетаниями и делит их на «детерминирующие» и «предицирующие» [89, с. 130-137]. НЕ-словосочетания и НЕ-предложения отличаются от словосочетаний и предложений (высказываний), которые функционируют в КД.

Отличие синтаксических и номинативных словосочетаний [160, с. 62-64], правда, в рамках коммуникации отмечает В.М. Никитевич: «собственно сочетание – синтаксическое означающее (Л.К. Жаналина, И.В. Котлярова: образуются в КД) – достаточно четко обособляется от тех сочетаний, которые функционально соотносятся с отдельным словом» (Л.К. Жаналина, И.В. Котлярова: образуются в НД) [89, с. 68]. Но, как показывает анализ синтаксических словосочетаний, их участие в РД представляет область перехода между НД и КД. Как результаты непредикативного синтагмирования синтаксические словосочетания в КД являются докоммуникативными, предваряют коммуникацию, выполняя конструктивно-семантическую функцию. В отличие от них номинативные словосочетания выполняют номинативную функцию, заданную НД. Черты синтаксических и номинативных словосочетаний совмещаются в словосочетаниях-синкретах. Их значения отражают познание с помощью изменения концепта, которое не получает специальной языковой формы и поэтому не воспроизводится, а концептуальная деривация оказывается единичным актом.

Факторами наполнения данной зоны являются:

1) Более свободные синтаксические связи слов, по сравнению с ограничениями, которые накладываются в словообразовании словообразовательными моделями и самими средствами. Языковой материал более широко вовлекается в словную дистрибуцию, чем в окружение морфемы.

2) Признаваемое большинством ученых усиление тенденции к развитию аналитизма в русском языке, который проявляется не только в грамматических аномалиях в виде сокращения сферы употребления флексий [161, с. 69-86], но и в активном создании расчлененных НЕ, которые маркируют развитие категории и концептов, т.е. категоризации и концептуализации.

Генерирование номинативных словосочетаний служит для оформления концептов и категорий. Соотнесенные с когнитивными процессами, прежде всего с познавательной деятельностью, от результатов других операций они

отличаются отмеченностью специальными именами. Стимулируются категоризация и концептуализация бурными изменениями, новизна которых требует осмысления с помощью новых или измененных концептов и закрепления в новых знаках языка. Множественность происходящих событий и скорость их поступления обуславливает предпочтение процессуально экономного их освоения в суждениях, которые при вербализации в синтаксических формах сохраняют форму суждения или дополненного признаком концепта. Синтаксические НЕ наиболее близки к мыслительному содержанию, выступая как их первичные формы [80, с. 25-26].

Первая и вторая части неравнозначны по количественным показателям, по входящим в них типам концептов и по участвующим в их образовании формам РД. НЕ-предложения образует НД, имеющая формулу «Познавательная деятельность (полное познание) + НД + НЕ-предложение».

Образование НЕ-словосочетаний коррелирует с полным и неполным познанием, которые отражают две формулы РД: (1) «Познавательная деятельность (полное/неполное познание) + НД + НЕ-словосочетание» (примеры НЕ-словосочетаний: *смертная тоска* (разг.); *беспросветная тоска*, образованы по аналогии с устойчивыми сочетаниями *смертная мука*, *беспросветная жизнь*); (2) «Познавательная деятельность (неполное познание) + КД». Вторая формула отражает познание с воспроизводством исходного слова, которое вступает в синтаксические словосочетания, не обладающие воспроизводимостью (примеры синтаксических словосочетаний со словом *тоска*, отмечающие развитие исходного концепта: *безумная тоска*, *вечная тоска*). В языковом аспекте синтаксические конструкции возникают в непредикативном синтагмировании, выступающем в качестве операции не в НД, а в КД. Данные словосочетания в КД выступают как конструктивные единицы, которые выполняют конструктивно-семантическую функцию и становятся частью КЕ: *Мне удалось справиться с безумной / мучительной тоской*. В когнитивном плане такие КЕ сближаются с НЕ, так как отражают постоянное развитие исходного концепта «тоска», обозначающего психологический процесс, находящийся под недремлющим оком интроспекции. Подобные словосочетания когнитивной стороной обращены к НД, а языковой к КД. В связи с их невоспроизводимостью формы их содержание оказывается хрупким и делает весьма подвижными границы категории. Словосочетания-синкреты занимают промежуточное положение между НЕ и КЕ, которое подчеркивается типичными НЕ-словосочетаниями (см. примеры выше) и докоммуникативными словосочетаниями (*вчерашняя тоска* и *Вчерашней тоски как не бывало*).

Так как ведущей силой развития языка является познание (оно развивает язык и знания о мире), то в первую часть синтаксической зоны анализируемой НП включены НЕ-словосочетания и словосочетания-синкреты. Их близость отражает аналогия в их когнитивных модификациях, которые представляют добавляемые признаки. По их количеству выделяются *десять областей*:

1. Признак «*сила* + степень (+эмоция)»: *адская тоска* (разг.), *безбрежная тоска*, *безвыходная тоска*, *безграничная тоска*, *бездонная тоска*, *безмерная*

тоска, безумная тоска, безутешная тоска, безысходная тоска, бесконечная тоска, беспощадная тоска, беспредельная тоска, беспросветная тоска, бешеная тоска, великая тоска, волчья тоска, глубокая тоска, громадная тоска, дикая тоска (разг.), жгучая тоска, жуткая тоска, звериная тоска, зловещая тоска, лютая тоска, мучительная тоска, мушиная тоска, невероятная тоска, невыносимая тоска, невыразимая тоска, неизбывная тоска, неизлечимая тоска, неизъяснимая тоска, необъятная тоска, непереносимая тоска, непереносная тоска (прост.), несказанная тоска (разг.), нестерпимая тоска, неутешная тоска, острая тоска, отравная тоска, отчаянная тоска, пронзительная тоска, сильная тоска, смертельная тоска, смертная тоска (разг.), страшная тоска, сырая тоска, тяжелая тоска, тяжкая тоска, убийственная тоска, чугунная тоска.

2. Признак **«неуправляемость (+эмоция)»**: *животная тоска, звериная тоска, неистребимая тоска, неборимая тоска, неодолимая тоска, неотвязная тоска, неукротимая тоска.*

3. Признак **«длительность (+эмоция)»**: *вековая тоска, вечная тоска, вседневная тоска (устар.), застарелая тоска, непрестанная тоска, непроходящая тоска, неутолимая тоска, низменная тоска, предпенсионная тоска.*

4. Признак **«характер (+эмоция)»**, который определяется сопровождающими эмоцию психологическими процессами. При выражении производных концептов реализуется многозначность компонентов сочетания, развертывающих опорное слово *тоска*:

А) прямое значение: *безотчетная тоска, беспокойная тоска, внутренняя тоска, нутряная тоска (разг.), тайная тоска, тоскливая тоска, угрюмая тоска, удалая тоска, унылая тоска, упрямая тоска, цепенящая тоска;*

Б) переносное значение: *веселая тоска, гордая тоска, горделивая тоска, грызущая тоска, задушевная тоска, ледяная тоска, лихорадочная тоска, мертвая тоска, молчаливая тоска, мрачная тоска, мятежная тоска (устар., поэт.), назойливая тоска, немая тоска, ноющая тоска, нудная тоска, пасмурная тоска, ревнивая тоска, саднящая тоска, сладкая тоска, слепая тоска, сосущая тоска.*

Характер эмоций подчеркивается образами метафорических значений. В опредмечивании эмоции участвуют:

1) **«Цвет (источник)»**: *серая тоска, темная тоска.*

2) **«Животные / птицы / материалы (типы носителей)»**: *волчья тоска, коровья тоска, собачья тоска (разг.), журавлиная тоска, железная тоска, свинцовая тоска, виолончельная тоска, волоокая тоска, мушиная тоска, чугунная тоска.* Образные трансформации могут осложняться признаком «сила» (см.: последние два словосочетания-синкрета).

3) **«Место как источник»**: *дорожная тоска.*

5. Признак **«неидентифицируемость (+эмоция)»**: *мутная тоска, неопределенная тоска, неясная тоска, странная тоска.* Данная область противопоставлена всем остальным областям. Наличие у них общих признаков служит и для их дифференциации.

6. Признак **«оценка (+эмоция)»**:

А) отрицательная: *злая тоска, злобная тоска, поддельная тоска, притворная тоска, ядовитая тоска, язвительная тоска (устар.)*;

Б) положительная: *волшебная тоска*.

7. Признак **«источник / каузатор (+эмоция)»**: *гордая тоска, горделивая тоска, душевная тоска, задушевная тоска, канцелярская тоска, подколотная тоска, ревнивая тоска, роковая тоска, сердечная тоска, суеверная тоска, счастливая тоска, тревожная тоска*. Данная область, в которой исходный концепт осложняется психологическими признаками, сближается с областью «характер».

Вариантом данного признака является признак **«отсутствие антикаузатора»**, который мог бы при наличии устранить эмоцию: *беззвездная тоска, безнадежная тоска, безотрадная тоска, безрадостная тоска, беспредметная тоска, беспричинная тоска*.

8. Признак **«проявление (+эмоция)»**: *безмолвная тоска, бесплодная тоска, бессильная тоска, боязливая тоска, вялая тоска, глухая тоска, горькая тоска, горячая тоска (разг.), густая тоска, душная тоска, жадная тоска, жестокая тоска, затаенная тоска, тихая тоска, томительная тоска, трудная тоска, тупая тоска, тягостная тоска, тягучая тоска, хладная тоска (устар.), холодная тоска, чарующая тоска*.

9. Признак **«влияние (+эмоция-субъект)»**: *себябурящая тоска*.

10. Признак **«распространение (+эмоция)»**: *безбрежная тоска, безграничная тоска, бесконечная тоска, беспредельная тоска* [162, с. 185].

Большинство производных концептов в рассмотренных областях образованы по принципу расширения, аддитивному типу, который адекватно отражает естественную эволюцию в понимании эмоций. Сравнение эмоций с мыслями (знаниями) показывает, что единицы их измерения отличаются. Первые имеют силу, шкалой для вторых служат метафорические образы границы, объема и глубины. Признаки, отражающие параметры измерения эмоций, знаний, являются внутренними. Поэтому не случайно внутренний признак «сила» порождает большую часть концептов в разных зонах. Если рассмотреть внешние признаки, добавляемые к производящему концепту «тоска», оказывается, что они демонстрируют:

(1) отношение эмоции к его носителю: **«источник»**, который каузирует тоску; принадлежность носителю; неуправляемость носителем; идентификация; источник; оценка;

(2) способы проявления эмоции: **результат, физические (перцептивные и образные), ментальные признаки** и т.п.: бесплодность, затаенность, трудность, длительность, цвет и т.д.

Таксономия концептов осложняется структурами самих производных концептов, образованных по инферентному типу. Есть случаи интеграции, происходящей не на основе синтеза концептов, выражаемых компонентами словосочетания, а на основе их оппозиции-энантиосемии: *веселая тоска, счастливая тоска, удалая тоска*. К подобным внеязыковым концептам

примыкают языковые концепты, маркируемые метаязыком: *невыразимая тоска, неизъяснимая тоска, несказанная тоска (разг.)* [162, с. 185].

Синкретические значения НС раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков, добавляемых к концепту «тоска»:

1. Признак «**сила + неуправляемость** (+эмоция)»: *звериная тоска*.
2. Признак «**сила + характер** (+эмоция)»: *волчья тоска, мушинная тоска, чугунная тоска*.
3. Признак «**сила + распространение** (+эмоция)»: *безбрежная тоска, безграничная тоска, бесконечная тоска, беспредельная тоска*.
4. Признак «**сила** (+эмоция) + метаязык»: *невыразимая тоска, неизъяснимая тоска, несказанная тоска (разг.)*.
5. Признак «**характер + источник / каузатор** (+эмоция)»: *гордая тоска, горделивая тоска, задушевная тоска, ревнивая тоска*.
6. Признак «**характер** (+эмоция) + энантиосемия»: *веселая тоска, удалая тоска*.
7. Признак «**источник / каузатор** (+эмоция) + энантиосемия»: *счастливая тоска*.

Итак, в первой части синтаксической зоны концепты маркируются НЕ-словосочетаниями и синтаксическими словосочетаниями. Последние представляют сферу пересечения НД и КД. Они фиксируют акты концептуализации (категоризации), обогащающие производящий концепт и категорию новыми элементами (внутренняя сторона РД). Внешней стороной является непредикативное синтагмирование с воспроизводством имени исходного концепта (внешняя сторона РД). По когнитивным процессам РД имеет форму НД, по языковой стороне относится к КД, языковые результаты которой распадаются одновременно с ее завершением. Подобная РД синкретична и строит невозпроизводимые словосочетания-синкреты. Кроме них данная часть включает НЕ-словосочетания, которые в отличие от синкретов воспроизводятся. Статус НЕ получают словосочетания, которыми обозначаются ключевые признаки: *безутешная тоска, безысходная тоска*. Напротив, случайные признаки, включенные в производные концепты, служат показателями словосочетаний-синкретов: *предпенсионная тоска, канцелярская тоска*.

Многочисленность последних отражает активность и постоянство, динамичность и поэтапность, которые отличают познание.

Вторая часть синтаксической зоны фиксирует результаты типичной НД. Она объективно не может полностью охватить все НЕ-предложения со словом *тоска*, которые не лексикографированы и рассыпаны по бесконечному пространству текста и дискурса, отражающему склонность людей строить генерализованные предложения – один из продуктивных способов упаковки знания. Так как значения НЕ-предложений несут знания о знаниях, т.е. уже обобщают, а стоящие за ними концепты пропозициональны, то категоризация последних – это обобщение знания в виде признака, выводимого из компонентов пропозиции и получающего благодаря генерализации статус важного, ключевого. Как обобщение он выступает в имплицитной форме, не

вербализуется составляющими НЕ-предложения. Получается, что производный концепт-пропозиция структурно порождается по инферентному типу, а по развитию производящего концепта к аддитивному типу. К признакам, дополняющим концепт «тоска» и образующим когнитивные области во второй части синтаксической зоны, относятся:

1. Признак **«сила (источник)**, которая обладает высокой степенью»: *Нередко тоска по одной утраченной радости может омрачить все прочие улады мира* (Д. Дефо). *Тоска на сердце человека подавляет его, а доброе слово развеселяет его* (Библия). *А ее жизнь холодна, как чердак со слуховым окошком на север, и тоска бессловесным пауком оплетала в тени паутиной все уголки ее сердца* (Г. Флобер, Госпожа Бовари). *Тоска западает на сердце глазами, ушами и устами (от взгляда, от речей, от беседы)* [163, с. 739]. *Без милого дружка обуяла грусть-тоска* [164]. *Все мои способности убила тоска* (Э. Чоран). *Несчастья не так губительны для счастья, как тоска* (Д. Леопарди).

Другой вариант этого признака «сила (непреодолимость) как каузация способа избавления от тоски»: *Такая припала тоска, что не выпустил бы из рук куска* [163, с. 152]. *Ах, какая тоска! Не выпустил бы из рук куска, все бы ел да песни пел* [164]. *Счастливы те, у кого тоска пролилась прозрачной слезой* (Ж. Маритен). *Работай, чтоб не впасть в тоску: ничто так не избавляет от унылой пустоты, как работа* (И. Бехер). *Занятого человека и грусть-тоска не берет* [164]. *Время исцеляет любовную тоску* (Овидий). *О России петь – что тоску забыть, Что Любовь любить, что бессмертным быть* (И. Северянин). *Поезжай в Москву разгонять тоску: купи радости да все веселости* [164]. *В вине тоска ищет облегчения, малодушие – храбрости, нерешительность – уверенности, печаль – радости, и находят лишь гибель* (Б. Джонсон). *Грусть, тоска и боль привлекают и искушают. Эти чувства несравненно легче делить с другими, чем счастье* (Я. Вишневский). *Пей – тоска пройдет* [163, с. 796].

2. Признак **«(эмоция +) следствие-результат (+ условие)»**. Данный производный концепт образуется при интеграции исходного концепта «тоска» с другими концептами, который суммируется в ключевом признаке – связи концептов. В следующих вариантных НЕ это признак «следствие-результат», который дается в эксплицитном и имплицитном вариантах: *Хлеба ни куска – везде тоска* (вариант НЕ с использованием номинативного способа распространения: *а хлеба край – и под елью рай*) [163, с. 106]. *Как хлеба край, так и под елью рай* (распространение: *а хлеба ни куска, так и в тереме тоска*) [163, с. 92].

Признак «следствие-результат» может связываться с признаком «условие-среда», который имеет образную экспликацию в вариантных формах НЕ: *Живет в тоске, а спит на голой доске* [163, с. 89]. *Спи в тосках на голых досках* [163, с. 142].

Этот же признак может осложняться указанием на его обязательность при наличии условия (причины): *Тоска и печаль не приходят без причины и без причины не проходят* (Гиппократ). *Тоска возникает оттого, что мы не реализуем своих возможностей; угрызения совести – оттого, что мы их не*

реализовали; тревога – оттого, что реализовать не в состоянии. Спрашивается, что же это тогда за возможности? (С. Конноли).

3. Признак **«инструмент (+эмоция)»**: (а) мешающий совершению действия: *С тоски вольного свету не видим* [164]; (б) не способный выполнять свою функцию: *Тоскою горю не поможешь* [163].

4. Признак **«место (+эмоция)»**: *Тоска на сердце человека подавляет его, а доброе слово развеселяет его* (Библия). *Тоска западает на сердце глазами, ушами и устами (от взгляда, от речей, от беседы)* [163, с. 739]. *Хлеба ни куска – везде тоска, а хлеба край – и под елью рай* [163, с. 106]. *Как хлеба край, так и под елью рай, а хлеба ни куска, так и в тереме тоска* [163, с. 92]. *Хлеба ни куска, так и в горле тоска* [164].

5. Признак **«источник (+эмоция)»**: *Одиночество, физическое и душевное, порождает тоску, а тоска еще усиливает одиночество* (Ф. Фицджеральд, *Ночь нежна*). *Перебирая воспоминания, боюсь наткнуться на такие, от которых на меня накатывает тоска* (Ф. Саган, *Здравствуй, грусть*). *Если ваши нравственные устои вгоняют вас в тоску, знайте: ваши нравственные устои никуда не годятся* (Р. Стивенсон). *Тоска западает на сердце глазами, ушами и устами (от взгляда, от речей, от беседы)* [163, с. 739]. *Дальность вызывает тоску, а близость – холодность* [164].

6. Признак **«разрушение (+ объект: положительные эмоции/способности)»**: *Нередко тоска по одной утраченной радости может омрачить все прочие улады мира* (Д. Дефо). *Тоска на сердце человека подавляет его, а доброе слово развеселяет его* (Библия). *Все мои способности убила тоска* (Э. Чоран). *Несчастья не так губительны для счастья, как тоска* (Д. Леопарди).

Наряду с дополнением исходного концепта ключевыми признаками, которые сохраняют в себе следы актантных связей, есть НЕ-предложения, которые эксплицируют когнитивные акты.

7. Категоризация (отнесение исходного концепта к более крупной категории): *Тоска – мрачное чувство, но и она может просветлить душу, если это тоска по родным местам* (В. Борисов). *Смертная тоска – вполне жизненное ощущение* (А. Подводный). *Тоска – самое бесплодное из всех человеческих переживаний* (Д. Леопарди). *Печаль, тоска, сожаление, отчаяние – это невзгоды преходящие, не укореняющиеся в душе; и опыт нас учит, как обманчиво горькое чувство, под влиянием которого мы думаем, что наши беды вечны* (Ж. Руссо). *Кто-то замечательно назвал тоску «сумерками страдания»* (Э. Чоран). *Среди влияний, укорачивающих жизнь, преимущественное место занимают страх, печаль, уныние, тоска, малодушие, зависть, ненависть* (Х. Гуффеланд). *Красота женщины, колыхание моря, любовь и ненависть, философское раздумье, тоска Петрарки, подвиг Брута, восторг Галилея перед великим открытием и чувство, внесенное в скромный труд Оуэна, – все это составляет для человека поэтическое отношение к жизни* (Н. Огарев).

8. Отождествление-концептуализация: *Тоска по любви есть сама любовь* (Ж. Рихтер). *Любовь – огонь, тоска по счастью* (Лопе де Вега). *Любовь – это*

боль и мука, стыд, восторг, рай и ад, чувство, что ты живешь в сто раз напряженней, чем обычно, и невыразимая тоска, свобода и рабство, умиротворение и тревога (С. Моэм, Театр). Тоска – это **желание** или **влечение к обладанию** какой-либо вещью, поддерживаемое памятью об этой вещи и вместе с тем ограничиваемое памятью о других вещах, исключающих существование желаемой вещи (Б. Спиноза). Тоска – это когда жаждешь увидеть что-то, сам не знаешь что. Оно существует, это **неведомое** и **желанное**, но его не высказать словом (А. Сент-Экзюпери). Тоска по Раю – это **мечта** человека не быть человеком (М. Кундера, Невыносимая легкость бытия). **Ревность** – это тоска по раю в агрессивной форме... (Ю. Слободенюк). Тоска – это **грусть** без любви. Грустить могут все... (Н. Фосколо). **Философия** – тоска по родине, желание везде быть дома (Новалис). **Незнание** – это прежде всего тоска (Ж. Батай). Когда я начал любить себя, я понял, что тоска и страдания – это только предупредительные **сигналы** о том, что я живу против своей собственной истинности (Ч. Чаплин). У счастья тоже есть своя поэзия, но создает поэзию только недостаток: тоска – ее **мать**, страдание – ее природный гнев (Г. Лаубе). Человек не есть созерцание, **человек** – это война, тоска, безумие (Ж. Батай). Наша тоска по другу является нашим **предателем** (Ф. Ницше, Так говорил Заратустра). Жизнь, не освященная высшей целью, сведенная к голой борьбе за примитивные потребности существования, – такая **жизнь** – тоска, томление и гнусность (Л. Андреев).

Акты отождествления в основном опираются на доминирующее сходство концептов, которое выражается синонимами, квазисинонимами, именами близких по содержанию эмоций, использованием описательных оборотов (противоположность): Кто-то замечательно назвал тоску «сумерками страдания» (Э. Чоран). Тоска – это грусть без любви. Грустить могут все... (Н. Фосколо).

Встречаются единичные случаи отождествления, в которые вовлекаются противоположные эмоции: Тоска по любви есть сама любовь (Ж. Рихтер). Любовь – огонь, тоска по счастью (Лопе де Вега). Любовь – это боль и мука, стыд, восторг, рай и ад, чувство, что ты живешь в сто раз напряженней, чем обычно, и невыразимая тоска, свобода и рабство, умиротворение и тревога (С. Моэм, Театр).

В картине развития (исходного) концепта «тоска» в НЕ-предложениях, есть **восемь когнитивных областей**, объединенных общими признаками или общими когнитивными процессами. Предложенческая часть зоны также содержит лингвистическую рефлекссию. В ней есть НЕ-предложения, относящиеся к метаязыку, несущие знания о языке, а именно о номинативной деятельности: Кто-то замечательно назвал тоску «сумерками страдания» (Э. Чоран). О тоске можно рассказать теми же словами, что и о море (Э. Чоран). Не говори с тоской: их нет! Но с благодарностью: были! [164]. Когда я начал любить себя, я понял, что тоска и страдания – это только предупредительные сигналы о том, что я живу против своей собственной истинности (Ч. Чаплин). Есть в русском языке одно слово, которое ни на

какой другой не переводится, – слово «тоска» (Л. Зорин). *Наша самая светлая тоска никогда не имеет имени* (Э. Ремарк, Приют грез). *Скучные книги происходят от скучного читателя, ибо в книгах действует ищущая тоска читателя, а не умелость сочинителя* (А. Платонов, Чевенгур). *А ее жизнь холодна, как чердак со слуховым окошком на север, и тоска бессловесным пауком оплетала в тени паутиной все уголки ее сердца* (Г. Флобер, Госпожа Бовари). *О России петь – что тоску забыть, Что Любовь любить, что бессмертным быть* (И. Северянин). *Любовь – это боль и мука, стыд, восторг, рай и ад, чувство, что ты живешь в сто раз напряженней, чем обычно, и невыразимая тоска, свобода и рабство, умиротворение и тревога* (С. Моэм, Театр).

Особое место занимает метаязыковое представление тоски в переносном смысле: *А ее жизнь холодна, как чердак со слуховым окошком на север, и тоска бессловесным пауком оплетала в тени паутиной все уголки ее сердца* (Г. Флобер, Госпожа Бовари).

Синкретические значения НЕ-предложений раздвигают концепт «область» за счет дополнительных признаков, добавляемых к концепту «тоска»:

1. Признак **«сила + место + источник (+эмоция)»**: *Тоска западает на сердце глазами, ушами и устами (от взгляда, от речей, от беседы)* [163, с. 739].

2. Признак **«сила + место + разрушение (+ объект: положительные эмоции/способности)»**: *Тоска на сердце человека подавляет его, а доброе слово развеселяет его* (Библия).

3. Признак **«сила + разрушение (+ объект: положительные эмоции / способности)»**: *Нередко тоска по одной утраченной радости может омрачить все прочие улады мира* (Д. Дефо). *Все мои способности убила тоска* (Э. Чоран). *Несчастья не так губительны для счастья, как тоска* (Д. Леопарди).

4. Признак **«сила (+эмоция) + метаязык»**: *А ее жизнь холодна, как чердак со слуховым окошком на север, и тоска бессловесным пауком оплетала в тени паутиной все уголки ее сердца* (Г. Флобер, Госпожа Бовари).

5. Признак **«сила (непреодолимость) как каузация способа избавления от тоски + метаязык»**: *О России петь – что тоску забыть, Что Любовь любить, что бессмертным быть* (И. Северянин).

6. Признак **«(эмоция +) следствие-результат (+ условие) + место (+эмоция)»**: *Хлеба ни куска – везде тоска, а хлеба край – и под елью рай* [163, с. 106]. *Как хлеба край, так и под елью рай, а хлеба ни куска, так и в тереме тоска* [163, с. 92].

7. Категоризация + метаязык: *Кто-то замечательно назвал тоску «сумерками страдания»* (Э. Чоран).

8. Отождествление-концептуализация + метаязык: *Когда я начал любить себя, я понял, что тоска и страдания – это только предупредительные сигналы о том, что я живу против своей собственной истинности* (Ч. Чаплин). *Любовь – это боль и мука, стыд, восторг, рай и ад, чувство, что*

ты живешь в сто раз напряженной, чем обычно, и невыразимая тоска, свобода и рабство, умиротворение и тревога (С. Моэм, Театр).

Части синтаксической зоны различаются не только формальными операциями конструирования НЕ (непредикативное синтагмирование – предикативное синтагмирование), но и их участием в формах РД. В первой части доминирует синкретическая форма РД, в которой совмещены НД и КД и которая представляет переходную область между ними. Во вторую часть входят результаты НД, как и в других зонах.

Таким образом, описана конкретная номинативная парадигма слова *тоска*, в которой не представлена только текстовая зона в связи с непродуктивностью воспроизводства целых текстов носителями языка. Метод парадигмизации применительно к результатам НД, объединяемым одним исходным словом, представляет филогенез языка как участие отдельных слов в расширении его номинативных ресурсов. В языковом плане номинативную активность слова представляет система произведенных от него с помощью разных способов номинации разноуровневых НЕ. Способы номинации формируют первую ступень структурирования НП, на которой выделяются лексическая, фразеологическая, словообразовательная и синтаксическая зоны. Их сравнение в НП слова *тоска* показывает наиболее высокую продуктивность фразообразования, создающего НЕ-словосочетания и НЕ-предложения, несмотря на сложность и практическую невозможность достижения полноты их привлечения, для чего потребовалась бы их сплошная выборка из всех существующих текстов, дискурсов, которые постоянно находятся, по образному выражению Е.С. Кубряковой, в «режиме online». Поэтому эта зона делает НП не просто открытой, но и необозримой. Тем не менее представление синтаксической зоны при его неисчерпанности проанализированным материалом имеет достаточную степень объективности, благодаря тому, что оно охватывает ядро зоны, понимание которой может быть экстраполировано на невключенные НЕ.

НЕ обладают языковыми значениями, которые при когнитивной реконструкции демонстрируют второй когнитивный план НП. Он представляет развитие несомого исходным словом концепта посредством образования от него производных концептов, показателями самостоятельности которых служат закрепленные за ними имена. Производные концепты являются результатами познания, выражаемые в производящем концепте «тоска». Познание эмоции в виде интроспекции определяет его постоянство и постепенность, что вызывает доминирование в процессах создания производных концептов концептуальной деривации, по сравнению с концептуальной интеграцией. Производные концепты включают исходный концепт, дополненный разными признаками. Внутренние признаки эмоции, например, «сила» создают большее количество концептов и входят в значения НЕ, охватывая почти все зоны. Внешние признаки менее активно вовлекаются в концептуализацию, проявляются, в основном, в синтаксической зоне. Кроме концептов-расширителей (структура: «тоска + признак»), есть производные концепты, созданные интеграцией концептов (пропозитивная структура), но с выделением в нем ключевого

компонента, выполняющего определенную функцию в отношениях с другими компонентами. Вербализация концептов осуществляется в основном в НД с помощью НЕ. Только в первой части синтаксической зоны доминируют продукты РД, в которой совмещаются НД и КД. Образование и изменение концептов в РД – концептуализация включает категоризацию – пополнение категории производными концептами и измененными концептами. Данные процессы представляют внутреннюю сторону НД или синкретической РД.

Когнитивные процессы категоризации и концептуализации как главные объекты когнитивной лингвистики отражают ее связь с теорией номинации, так как в отличие от других ментальных процедур получают закрепляемые за ними в НД имена. Эволюция знаний, происходящая как развитие категории (категоризация – пополнение новыми концептами и изменение входящих в нее концептов) и развитие концептов (концептуализация – формирование нового концепта, трансформация концепта) могут прослеживаться посредством реконструкции значений НЕ, систематизированных НП, имеющей двухступенчатую структуру, представляющую в синхронном срезе номинативную и когнитивную историю развития слова и концепта-категории «тоска».

2.3.2 Развитие концепта «грусть» в номинативной парадигме

Рассмотрим номинативную парадигму исходного слова *грусть*, в которой отражается, с одной стороны, вклад слова в номинативную систему, а с другой – развитие выраженного им концепта.

1. Лексическая зона представлена одним значением, в которое заключены одиночные концепты. Они и образуют *одну область*:

1. Чувство печали; тоска, уныние [165, с. 447].

Данное значение включает понятийный концепт, состоящий из совокупности признаков – категориального признака «чувство», дифференциальных признаков: 1) печаль, 2) тоска, 3) уныние.

2. Во фразеологической зоне производные концепты распределены по *семи областям* на основе обнаруженных в них семи общих признаков:

1. Признак **«сила (+эмоция)»**: *грусть напала на кого (что), грусть нашла на кого-нибудь, грусть снедает кого (высок.), грусть охватила душу* [154, с. 118-120].

2. Признак **«источник (+эмоция)»**: *навеять грусть* [154, с. 118].

3. Признак **«субъект (+эмоция)»**: *в грустях кто (прост., шутл.)* – о том, кто огорчен, грустит, расстроен [153, с. 92].

4. Признак **«место (+эмоция)»**: *грусть таить в себе, грусть охватила душу* [154, с. 120-121].

5. Признак **«способ (+эмоция)»**: *грусть зазвучала* [154, с. 113].

6. Признак **«длительность (+эмоция)»** в разновидности «начало» – *грусть затеплилась, грусть напала на кого (что), грусть нашла на кого-нибудь, грусть зазвучала, грусть охватила душу; «завершение» – грусть развеялась, грусть рассеялась* [154, с. 113, 118-120].

7. Актантная структура донативной принадлежности: «**мена обладателя**: первый обладатель + лишение/передача + (эмоция) + второй обладатель»: *грусть развеялась, грусть рассеялась* [154, с. 120]. Признак («лишение – отсутствие») противопоставляет данный концепт-дериват всем другим концептам, признаки которых отмечены обобщающим признаком («наличие»). С данной областью сближается область «длительность» в разновидности «завершение» с перспективой утраты эмоции.

Перечисленные ФЕ восходят к одному лексическому значению, активизируя сему «отрицательные эмоции» исходного слова *грусть*.

Концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами, раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков или за счет пропозиции, включающей актанты-трансформы:

Синкретичный «**субъект-объект**», «**субъект-инструмент**»: *грусть напала на кого (что), грусть нашла на кого-нибудь, грусть снедает кого, в грустях кто, грусть охватила душу*.

Области фразеологической зоны отражают развитие исходного концепта по аддитивному и инферентному типу в процессах концептуальной деривации и концептуальной интеграции. Основными маркерами разграничения производных концептов являются НЕ-фразеологизмы. Кроме того структура производных концептов в предикативных фразеологизмах отражает и наложение обеих моделей концептуализации, когда в их состав, наряду с дополнительными признаками, входят конфигурации актантов.

Во фразеологических зонах НП слов *тоска* и *грусть* наблюдаются общие и несовпадающие признаки. Общими являются шесть областей: «**сила** (+эмоция)», «**источник** (+эмоция)», «**субъект** (+эмоция)», «**место** (+эмоция)», «**длительность** (+эмоция)», «**мена обладателя**: первый обладатель + лишение/передача + (эмоция) + второй обладатель». Фразеологическая зона исходного слова *грусть* демонстрирует развитие концепта за счет добавления нового признака – «**способ** (+эмоция)»: *грусть зазвучала* [154, с. 113].

3. Словообразовательная зона парадигмы также имеет два плана языковой и когнитивный.

Языковой план представлен производными словами, значения которых формируются при дополнении одного значения исходного слова словообразовательными значениями [166, с. 266]:

1. *Груст-инк-а* – «разг. доля грусти, печали» [167, с. 151]. Суффикс *-инк-* имеет модификационное значение единичности «одна маленькая частица однородной массы, названной мотивирующим словом, имеющим собирательное значение» [159, с. 204-205]. Данное значение согласуется с квалификацией предмета по размеру: слова с суффиксом *-инк-* называют очень маленькие предметы [159, с. 267]. Наблюдаем расширение сочетаемости суффикса *-инк-*, который приобретает способность присоединяться к отвлеченным существительным, тогда как словообразовательная норма фиксирует сочетаемость с вещественными существительными [159, с. 204-205]. Подобное явление демонстрирует развитие словообразовательных ресурсов языка за счет включения в круг сочетаемости отвлеченных существительных.

2. *Груст-н-ый* – «испытывающий чувство грусти, скорби» [165, с. 448]. Суффикс *-н-* имеет словообразовательное значение «содержащий то, характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом» с оттенком «склонный к тому, что названо мотивирующим словом» [159, с. 272-273].

3. *Груст-и-ть* – «испытывать чувство грусти; печалиться, тосковать» [165, с. 447]. Производное значение имеет структуру: «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным» [159, с. 331]. В него входит словообразовательное значение суффикса *-и-* «совершать действия, свойственные тому, что названо мотивирующим существительным» [159, с. 389].

Когнитивный план формируют концептуальная деривация и концептуальная интеграция, особенности которых передаются сочетанием лексических, словообразовательных и морфологических средств. В результате производные концепты приобретают структуру распространенного признаком понятийного концепта или структуру пропозиции. Три производных слова маркируют *три когнитивные области* с одним концептом в каждой из них:

1. Грусть + *ниже нормы* (грустинка).
2. Субъект + грусть-*признак* / склонный + грусть (грустный).
3. Субъект + *состояние* + грусть-содержание (грустить).

Словообразовательные зоны парадигм *тоска* и *грусть* отражают низкую продуктивность исходных слов и концептов. Данные зоны демонстрируют незначительный вклад способа словопроизводства в развитие категории как в плане его пополнения новыми концептами, так и в плане степени развития каждого из «словообразовательных» концептов и номинативных ресурсов языка.

4. В противоположность словообразовательной зоне **синтаксическая зона** демонстрирует большую активность. Как и в предыдущей парадигме синтаксическая зона имеет две части. Первую часть составляют НЕ-словосочетания (результаты непредикативного синтагмирования), вторую часть – НЕ-предложения (результаты предикативного синтагмирования).

В первую часть синтаксической зоны анализируемой НП включены НЕ-словосочетания, которые представляют добавляемые признаки. По их количеству выделяются *десять областей*:

1. Признак «*сила* + степень (+эмоция)»: *безбрежная грусть, безграничная грусть, безумная грусть, безутешная грусть, безысходная грусть, бесконечная грусть, глубокая грусть, едкая грусть, живая грусть, легкая грусть, невыразимая грусть, невысказанная грусть, неизлечимая грусть, неизъяснимая грусть, неутешная грусть, острая грусть, разъедающая грусть, стихийная грусть, суровая грусть, тяжелая грусть, широкая грусть.*

2. Признак «*неуправляемость* (+эмоция)»: *необоримая грусть, неотвязная грусть, непреодолимая грусть.*

3. Признак «*темпоральность* (+эмоция)»: *весенняя грусть, вечерняя грусть, старческая грусть.*

4. Признак «*характер* (+эмоция)», который определяется сопровождающими эмоцию психологическими процессами. При выражении

производных концептов реализуется многозначность компонентов сочетания, развертывающих опорное слово *грусть*:

А) прямое значение: *сокровенная грусть, тайная грусть, тоскливая грусть, угрюмая грусть, унылая грусть*;

Б) переносное значение: *задушевная грусть, лихоманная грусть, мертвящая грусть, молчаливая грусть, мрачная грусть, немая грусть, одинокая грусть, отрадная грусть, праздная грусть, радостная грусть, ревнивая грусть, сладкая грусть, спокойная грусть, стихийная грусть, сумрачная грусть, щемящая грусть*.

Характер эмоций подчеркивается образами метафорических значений. В опредмечивании эмоции участвуют:

1) «**Цвет (источник)**»: *желтая грусть, светлая грусть, темная грусть*.

2) «**Животные / птицы / материалы (типы носителей)**»: *березовая грусть, золоторунная грусть, серебряная грусть, соломенная грусть, поэтическая грусть, русская грусть, элегическая грусть*.

3) «**Ритуал как источник**»: *погребальная грусть, торжественная грусть*.

5. Признак «**неидентифицируемость** (+эмоция)»: *неведомая грусть, неопределенная грусть, непонятная грусть, расплывчатая грусть, смутная грусть, странная грусть*. Данная область противопоставлена всем остальным областям. Наличие у них общих признаков служит и для их дифференциации.

6. Признак «**отрицательная оценка** (+эмоция)»: *вкрадчивая грусть, едкая грусть, злая грусть, искусственная грусть*.

7. Признак «**источник / каузатор** (+эмоция)»: *задумчивая грусть, задушевная грусть, любовная грусть, мечтательная грусть, опальная грусть, ревнивая грусть, сердечная грусть, счастливая грусть, тревожная грусть*. Данная область, в которой исходный концепт осложняется психологическими признаками, сближается с областью «характер».

Вариантом данного признака является признак «**отсутствие антикаузатора**», который мог бы при наличии устранить эмоцию: *безнадежная грусть, безотрадная грусть, беспричинная грусть*.

8. Признак «**проявление** (+эмоция)»: *безмолвная грусть, бессильная грусть, глухая грусть, гнетущая грусть, горькая грусть, горячая грусть, густая грусть, затаенная грусть, легкая грусть, мягкая грусть, насмешливая грусть, нежная грусть, пустынная грусть (устар.), робкая грусть, суровая грусть, теплая грусть, тихая грусть, томная грусть, тонкая грусть, тягостная грусть, широкая грусть*.

9. Признак «**влияние** (+эмоция-субъект)»: *гнетущая грусть, разъедающая грусть*.

10. Признак «**распространение** (+эмоция)»: *безбрежная грусть, безграничная грусть, бесконечная грусть, широкая грусть* [162, с. 49-50].

Таксономия концептов осложняется структурами самих производных концептов, образованных по инферентному типу. Имеются случаи интеграции, происходящей на основе оппозиции-энантиосемии: *отрадная грусть, радостная грусть, счастливая грусть*. К подобным внеязыковым концептам

примыкают языковые концепты, маркируемые метаязыком: *невыразимая грусть, невысказанная грусть, неизъяснимая грусть* [162, с. 49-50].

Синкретические значения НС раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков, добавляемых к концепту «грусть»:

1. Признак «**сила + распространение** (+эмоция)»: *безбрежная грусть, безграничная грусть, бесконечная грусть*.

2. Признак «**сила + распространение + проявление** (+эмоция)»: *широкая грусть*.

3. Признак «**сила + отрицательная оценка** (+эмоция)»: *едкая грусть*.

4. Признак «**сила + проявление** (+эмоция)»: *легкая грусть, суровая грусть*.

5. Признак «**сила** (+эмоция) + метаязык»: *невыразимая грусть, невысказанная грусть, неизъяснимая грусть*.

6. Признак «**сила + влияние** (+эмоция-субъект)»: *разъедающая грусть*.

7. Признак «**сила + характер** (+эмоция)»: *стихийная грусть*.

8. Признак «**характер + источник / каузатор** (+эмоция)»: *задушевная грусть, ревнивая грусть*.

9. Признак «**характер** (+эмоция) + энантиосемия»: *отрадная грусть, радостная грусть*.

10. Признак «**источник / каузатор** (+эмоция) + энантиосемия»: *счастливая грусть*.

11. Признак «**проявление + влияние** (+эмоция-субъект)»: *гнетущая грусть*.

Таким образом, первая часть синтаксических зон анализируемых НП *тоска* и *грусть* включает НЕ-словосочетания, которые представляют десять добавляемых признаков, соответственно десять областей: «**сила** (+эмоция)», «**неуправляемость** (+эмоция)», «**длительность** (+эмоция)», «**характер** (+эмоция)», «**неидентифицируемость** (+эмоция)», «**оценка** (+эмоция)», «**источник / каузатор** (+эмоция)», «**проявление** (+эмоция)», «**влияние** (+эмоция-субъект)», «**распространение** (+эмоция)». Производные концепты в рассмотренных областях образованы по принципу расширения, аддитивному типу, который адекватно отражает естественную эволюцию в понимании эмоций. При этом внутренний признак «сила» порождает бóльшую часть концептов в зонах, так как отражает параметры эмоций носителей языка.

Вторая часть синтаксической зоны фиксирует результаты типичной НД. К признакам, дополняющим концепт «грусть» и образующим когнитивные области во второй части синтаксической зоны, относятся:

1. Признак «**сила** (источник), которая обладает высокой степенью»: *Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть* (Ф. Достоевский, Преступление и наказание). *Великая есть грусть на земле. Осела, накопилась в разных местах, и не увидишь ее сразу* (М. Зощенко, Рыбья самка). *Грусть – жестокий властелин* (М. Лермонтов). *Грусть лишь умножает самое себя. Так давайте же выполним свой долг и будем веселы* (С. Джонсон). *Руки грусти – сильные, хотя и шелковые на ощупь, – стискивают сердце, мучая его одиночеством* (Д. Джебран). *Узы грусти*

связывают сердца крепче уз блаженства и радости (Д. Джебран). Грусть и разочарование ещё больше, чем распушенность, вредят нам, счастливым обладателям надорванных сердец (В. Ван Гог). Грусть калечит, а улыбка лечит (В. Афонченко). Грусть овладевает слабыми, сильные не видят ее (М. Вишневский). Грусть утомляет и способствует старению! (С. Нечаев). Грусть словно, пустыня в океане, высушивает все живое (К. Серентас). Хороший юмор – польза для души, грусть же – яд для нее (Ф. Честерфилд). Грусть звучит, как пузырьки, медленно поднимающиеся в кипящей воде (Д. Шейн). Когда поймете, чему все радуются, вас охватит грусть (Д. Лопичич). Судорожная веселость гораздо грустнее, чем открыто выраженная грусть (Ф. Кафка). Без милого дружка обуяла грусть-тоска [164].

Другой вариант этого признака «сила (непреодолимость) как каузация способа избавления от грусти»: *Работай, когда тебе грустно, – это единственное средство разогнать грусть* (И. Бехер). *Скорбь не убивает, любовь не убивает; но время убивает все, убивает желание, убивает грусть, убивает под конец и душу, что испытывала их; иссушает и расслабляет тело, пока оно еще живо, разъедает его, как щелок, а под конец убивает и его* (О. Хаксли, Шутовской хоровод). *Подушки преданно разделяют с нами грусть, ничего не требуя взамен* (Э. Сафарли). *Грусть, тоска и боль привлекают и искушают. Эти чувства несравненно легче делить с другими, чем счастье* (Я. Вишневский). *Легче душе бороться с тяжким страданием, нежели с продолжительной грустью* (Ж. Руссо). *Занятого человека и грусть-тоска не берет* [164].

2. Признак «**причина** (+эмоция)»: *Музыка без слов часто наводит грусть; а еще чаще – музыка без музыки* (М. Твен). *Чрезмерное веселье порождает грусть* [164]. *Пороки человека – погрешности Творца, причина грусти мудреца* (В. Рычков).

3. Признак «**длительность** (+эмоция)»: *Легче душе бороться с тяжким страданием, нежели с продолжительной грустью* (Ж. Руссо). *Грусть для меня – то нечто особенное, моя ежедневная медитация, единственное искусство, каким я владею* (Г. Робертс). *Октябрь – месяц грусти и простуд* (И. Бродский). *В минуты грусти встречаешься со своей совестью* [164].

4. Признак «**инструмент** (+эмоция)», не способный выполнять свою функцию: *Грустью моря не вычерпаешь* [164].

5. Признак «**влияние** (+эмоция-субъект)»: *Грусть лишь умножает самое себя. Так давайте же выполним свой долг и будем веселы* (С. Джонсон). *Руки грусти – сильные, хотя и шелковые на ощупь, – стискивают сердце, мучая его одиночеством* (Д. Джебран). *Грусть и разочарование ещё больше, чем распушенность, вредят нам, счастливым обладателям надорванных сердец* (В. Ван Гог). *Грусть калечит, а улыбка лечит* (В. Афонченко). *Грусть овладевает слабыми, сильные не видят ее* (М. Вишневский). *Когда поймете, чему все радуются, вас охватит грусть* (Д. Лопичич). *Грусть утомляет и способствует старению!* (С. Нечаев).

Наряду с дополнением исходного концепта ключевыми признаками, которые сохраняют в себе следы актантных связей, есть НЕ-предложения, которые эксплицируют когнитивные акты.

6. Отождествление-концептуализация: *Грусть иногда бывает единственным счастьем* (Э. Ремарк, Возлюби ближнего своего). *Тоска – это грусть без любви. Грустить могут все...* (Н. Фосколо). *Одиночество – такой же спутник грусти, как и сподвижник любого порыва духа* (Д. Джебран). *Грусть и разочарование ещё больше, чем распущенность, вредят нам, счастливым обладателям надорванных сердец* (В. Ван Гог). *Грусть для меня – то нечто особенное, моя ежедневная медитация, единственное искусство, каким я владею* (Г. Робертс). *Грусть – слишком мягкое и приятное слово* (Э. Райс). *Сколько атеистов не догадывается о том, что их доброта и грусть – та же молитва, обращенная к Богу!* (В. Гюго). *Грусть – жестокий властелин* (М. Лермонтов). *Грусть – это цена, которую мы платим за любовь* (Елизавета II). *Октябрь – месяц грусти и простуд* (И. Бродский). *Хороший юмор – польза для души, грусть же – яд для нее* (Ф. Честерфилд).

Акты отождествления в основном опираются на доминирующее сходство концептов, которое выражается синонимами, квазисинонимами, именами близких по содержанию эмоций, использованием описательных оборотов: *Тоска – это грусть без любви. Грустить могут все...* (Н. Фосколо). *Одиночество – такой же спутник грусти, как и сподвижник любого порыва духа* (Д. Джебран).

Встречается единичный случай отождествления, в который вовлекаются противоположные эмоции: *Грусть иногда бывает единственным счастьем* (Э. Ремарк, Возлюби ближнего своего).

В картине развития (исходного) концепта «грусть» в НЕ-предложениях, есть *шесть когнитивных областей*, объединенных общими признаками или общими когнитивными процессами. Предложенческая часть зоны также содержит лингвистическую рефлексю. В ней есть НЕ-предложения, относящиеся к метаязыку, несущие знания о языке, а именно о номинативной деятельности: *Грусть – слишком мягкое и приятное слово* (Э. Райс). *Сколько атеистов не догадывается о том, что их доброта и грусть – та же молитва, обращенная к Богу!* (В. Гюго). *Грусть звучит, как пузырьки, медленно поднимающиеся в кипящей воде* (Д. Шейн). *Судорожная веселость гораздо грустнее, чем открыто выраженная грусть* (Ф. Кафка). *Музыка без слов часто наводит грусть; а еще чаще – музыка без музыки* (М. Твен).

Синкретические значения НЕ-предложений раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков, добавляемых к концепту «грусть»:

1. Признак «*сила* (+эмоция) + отождествление-концептуализация»: *Грусть – жестокий властелин* (М. Лермонтов). *Хороший юмор – польза для души, грусть же – яд для нее* (Ф. Честерфилд).

2. Признак «*сила* + *влияние* (+эмоция-субъект)»: *Грусть лишь умножает самое себя. Так давайте же выполним свой долг и будем веселы* (С. Джонсон). *Руки грусти – сильные, хотя и шелковые на ощупь, – стискивают сердце,*

мучая его одиночеством (Д. Джебран). *Грусть калечит, а улыбка лечит* (В. Афонченко). *Грусть овладевает слабыми, сильные не видят ее* (М. Вишневецкий). *Когда поймете, чему все радуются, вас охватит грусть* (Д. Лопичич). *Грусть утомляет и способствует старению!* (С. Нечаев).

3. Признак «**сила** + **влияние** (+эмоция-субъект) + отождествление-концептуализация»: *Грусть и разочарование ещё больше, чем распущенность, вредят нам, счастливым обладателям надорванных сердец* (В. Ван Гог).

4. Признак «**сила** (+эмоция) + метаязык»: *Грусть звучит, как пузырьки, медленно поднимающиеся в кипящей воде* (Д. Шейн). *Судорожная веселость гораздо грустнее, чем открыто выраженная грусть* (Ф. Кафка).

5. Признак «**сила** (непреодолимость) как каузация способа избавления от грусти + **длительность** (+эмоция)»: *Легче душе бороться с тяжким страданием, нежели с продолжительной грустью* (Ж. Руссо).

6. Признак «**причина** (+эмоция) + метаязык»: *Музыка без слов часто наводит грусть; а еще чаще – музыка без музыки* (М. Твен).

7. Признак «**длительность** (+эмоция) + отождествление-концептуализация»: *Грусть для меня – то нечто особенное, моя ежедневная медитация, единственное искусство, каким я владею* (Г. Робертс). *Октябрь – месяц грусти и простуд* (И. Бродский).

8. Отождествление-концептуализация + метаязык: *Грусть – слишком мягкое и приятное слово* (Э. Райс). *Сколько атеистов не догадывается о том, что их доброта и грусть – та же молитва, обращенная к Богу!* (В. Гюго).

Таким образом, вторая часть синтаксической зоны анализируемой НП *грусть* включает НЕ-предложения, представляющие шесть когнитивных областей, содержание которых варьируется, обогащая новыми признаками. Так, имеются области, которые представлены только в развитии концепта «грусть»: «**длительность** (+эмоция)», «**влияние** (+эмоция-субъект)» или концепта «тоска»: «**место** (+эмоция)», «**источник** (+эмоция)», «**разрушение** (+ объект: положительные эмоции / способности)», категоризация. При этом внутренний признак «сила» является доминирующим в развитии концепта «грусть», так как порождает большую часть концептов в зоне, что нельзя сказать по отношению к концепту «тоска». В развитии концепта «тоска» преобладающими являются НЕ-предложения, которые эксплицируют когнитивные акты: категоризация и отождествление-концептуализация.

В развитии исходного слова *грусть* выделены лексическая, фразеологическая, словообразовательная и синтаксическая зоны, из которых наиболее продуктивной является синтаксическая. Так, лексическая зона представлена одной областью, фразеологическая – семью областями, словообразовательная – тремя областями, первая часть синтаксической зоны – десятью областями, вторая ее часть – шестью областями. В разных зонах НП *грусть* отмечаем совпадающие области, что свидетельствует об **изоморфизме структуры** – возможности передачи одних и тех же областей разными языковыми единицами: «**сила** (+эмоция)», «**источник** (+эмоция)», «**длительность** (+эмоция)» – во фразеологической и синтаксической зонах; «**влияние** (+эмоция-субъект)» в первой и второй частях синтаксической зоны.

Изоморфизм пронизывает не только зоны, но и НП слов *тоска* и *грусть*. Совпадающие области фиксируем в разных зонах НП слов *тоска* и *грусть*: «*сила* (+эмоция)», «*источник* (+эмоция)», «*длительность* (+эмоция)» во фразеологической и синтаксической зонах. Данные области отражают присутствие когнитивного неполного изоморфизма в НП слов *тоска* и *грусть*. Представленные когнитивные области, выявленные посредством реконструкции значений НЕ в НП, отражают связь с теорией номинации, что позволяет представить в синхронном срезе номинативную и когнитивную историю развития слов и концептов «тоска» и «грусть».

2.3.3 Развитие концепта «печаль» в номинативной парадигме

Рассмотрим номинативную парадигму исходного слова *печаль*, которая демонстрирует номинативную историю слова и представляет развитие концепта «печаль» в познании.

1. Лексическая зона представлена тремя значениями, в которые заключены одиночные концепты. Они и образуют **три области**:

1. Чувство грусти, скорби, тоски; состояние душевной горечи (противопол.: радость).

2. То, что вызывает, обуславливает чувство скорби, тоски и т.п.; беда, несчастье.

3. О том, что является предметом беспокойства, заботы [168, с. 1128-1130].

Первое значение включает понятийный концепт, состоящий из совокупности признаков – категориального признака «чувство», дифференциальных признаков: 1) грусть, 2) скорбь, 3) тоска, 4) горечь.

Второе значение содержит пропозициональный концепт, построенный из компонента «чувство», актанта «источник», сирконстанта «время».

Третье значение содержит пропозициональный концепт, построенный из актанта «объект», сирконстанта «время».

Анализ номинативно-когнитивного потенциала исходного слова *печаль* выявил активность только первого лексического значения, концептуальный аналог которого раскрывается в зонах НП.

2. Во фразеологической зоне производные концепты распределены по **шести областям** на основе обнаруженных в них шести общих признаков:

1. Признак «*сила* (+эмоция)»: *посыпались печали на кого-нибудь*, *низошла печаль на кого-нибудь* (высок.), *печаль сдавила сердце*, *печаль сжала душу* (сердце), *печаль навалилась на сердце* (разг.), *печаль легла на сердце*, *печаль охватила душу* [154, с. 671-680].

2. Признак «*источник* (+эмоция)»: *навевать печаль*, *низошла печаль на кого-нибудь* (высок.) [154, с. 671].

3. Признак «*субъект* (+эмоция)»: *в глубокой печали* [167, с. 514]; *в кручине и печали кто-нибудь* [153, с. 564]; *быть в печали*, *погрузиться в печаль*, *чувствовать печаль* [154, с. 659-683]; *держат печаль за кого* – заботиться о ком-либо [155, с. 496]; *какая печаль кому* (прост., ирон.) – какое кому дело до

этого; *что за печаль кому (прост.)* – что за дело кому-либо; *не твоя (не ваша) печаль (прост.)* – тебя (вас) не касается [169, с. 468].

4. Признак «**место** (+эмоция)»: *таить свою печаль, сокрыть печаль (устар., высок.), скрыть печаль, лежит печаль на сердце, спит печаль в глубине души, печаль сдавила сердце, печаль сжала душу (сердце), печаль навалилась на сердце (разг.), печаль легла на сердце, печаль охватила душу* [154, с. 671-681].

5. Признак «**длительность** (+эмоция)» в разновидностях: «постоянство» – *быть в печали, таить свою печаль* [154, с. 659, 681]; *в кручине и печали кто-нибудь* [153, с. 564]; «начало» – *посыпались печали на кого-нибудь, печаль легла на сердце, печаль навалилась на сердце (разг.), печаль сжала душу (сердце), печаль охватила душу* [154, с. 671-680]; «завершение» – *печаль рассеялась, размыкать печаль (устар., разг.), разогнать печаль (разг.), прогнать печаль, излить печаль, усыпить печаль* [154, с. 663-682].

6. Актантная структура донативной принадлежности: «**мена обладателя**: первый обладатель + лишение/передача + (эмоция) + второй обладатель»: *печаль рассеялась, размыкать печаль (устар., разг.), разогнать печаль (разг.), прогнать печаль, излить печаль, усыпить печаль* [154, с. 663-682]; *держат печаль за кого* [155, с. 496]. Признак («лишение – отсутствие») противопоставляет данный концепт-дериват всем другим концептам, признаки которых отмечены обобщающим признаком («наличие»). С данной областью сближается область «длительность» в разновидности «завершение».

Практически все ФЕ восходят к доминантному первому лексическому значению, активизируя сему «отрицательные эмоции» исходного слова *печаль*. Это демонстрирует ассоциативный и валентностный потенциал первого значения по сравнению со вторым и третьим.

Концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами, раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков или за счет пропозиции, включающей актанты-трансформы:

1) Синкретичный «**субъект-объект**», «**субъект-инструмент**»: *посыпались печали на кого-нибудь, низошла печаль на кого-нибудь, держат печаль за кого* – заботиться о ком-либо, *печаль сдавила сердце, печаль сжала душу (сердце), печаль навалилась на сердце, печаль легла на сердце, печаль охватила душу, лежит печаль на сердце, спит печаль в глубине души*.

2) **Контрагент** (роль возможного участника ситуации, по Ю.Д. Апресяну, второго активного участника ситуации при несовпадении действий двух субъектов: предикат полностью охватывает действие только субъекта [157, с. 125-126]) – *держат печаль за кого* – заботиться о ком-либо.

Области фразеологической зоны отражают развитие исходного концепта по аддитивному и инферентному типу в процессах концептуальной деривации и концептуальной интеграции. Основными маркерами разграничения производных концептов являются НЕ-фразеологизмы. Кроме того структура производных концептов в предикативных фразеологизмах отражает и наложение обеих моделей концептуализации, когда в их состав, наряду с дополнительными признаками, входят конфигурации актантов.

Фразеологическая зона НП слов *тоска* и *печаль* демонстрирует развитие концепта по шести областям на основе обнаруженных в них шести общих признаков: «*сила* (+эмоция)», «*источник* (+эмоция)», «*субъект* (+эмоция)», «*место* (+эмоция)», «*длительность* (+эмоция)», «*мена обладателя*: первый обладатель + лишение / передача + (эмоция) + второй обладатель». Фразеологическая зона НП слова *грусть* в отличие от фразеологических зон НП слов *тоска* и *печаль* наиболее полная, так как имеет семь областей, дополняющим признаком выступает «*способ* (+эмоция)».

3. Словообразовательная зона парадигмы также имеет два плана языковой и когнитивный.

Языковой план представлен производными словами, значения которых формируются при дополнении одного значения исходного слова словообразовательными значениями [166, с. 749]:

1. *Печаль-н-ый* – «испытывающий печаль, скорбь» [168, с. 1131]. Суффикс *-н-* имеет словообразовательное значение «содержащий то, характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом» с оттенком «склонный к тому, что названо мотивирующим словом» [159, с. 272-273].

2. *Бес-печаль-н-ый* (прил.) – «не вызывающий печали, протекающий без печали, огорчений (о явлениях, событиях и т.п.)» [170, с. 409]. Префикс *бес-* имеет словообразовательное значение «характеризующийся отсутствием того, что названо словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное – *печаль-н-ый*» [159, с. 302].

3. *Печал-и-ть* – «повергать кого-либо в печаль, причинять кому-либо печаль; огорчать» [168, с. 1126]. Производное значение имеет структуру: «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным», в которое входит словообразовательное значение суффикса *-и-* «совершать действия, свойственные тому, что названо мотивирующим существительным» [159, с. 331, 389].

4. *Печал-ова-ть* (устар., прост.) – «печалить, огорчать» [168, с. 1127]. Производное значение имеет структуру аналогичную глаголу *печал-и-ть*: «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным», в которое входит словообразовательное значение суффикса *-ова-* «совершать действия, свойственные тому, что названо мотивирующим существительным» [159, с. 335].

Когнитивный план формируют концептуальная деривация и концептуальная интеграция, особенности которых передаются сочетанием лексических, словообразовательных и морфологических средств. В результате производные концепты приобретают структуру распространенного признаком понятийного концепта или структуру пропозиции. Четыре производных слова маркируют *три когнитивные области* (3 и 4-е производное слово образуют одну область) с одним концептом в каждой из них:

1. Субъект + печаль-**признак** / склонный + печаль (печальный).
2. Субъект + печаль-**признак** / отсутствие + печаль (беспечальный).
3. Субъект + **состояние** + печаль-содержание (печалить, печаловать).

Таким образом, словообразовательная зона анализируемых НП *тоска*, *грусть* и *печаль* демонстрирует три когнитивные области с одним концептом в каждой из них, содержание которых варьируется: *тоска* + **выше нормы**; *грусть* + **ниже нормы**; субъект + *печаль-признак* / отсутствие + *печаль*, то есть в каждой из словообразовательных зон выделяется по одному отличительному признаку.

4. В противоположность данной зоне **синтаксическая зона** демонстрирует большую активность. В первую часть синтаксической зоны анализируемой НП включены НЕ-словосочетания, которые представляют добавляемые признаки. По их количеству выделяются **десять областей**:

1. Признак «**сила** + степень (+эмоция)»: *безвыходная печаль*, *безутешная печаль*, *безысходная печаль*, *бесконечная печаль*, *беспредельная печаль*, *беспросветная печаль*, *большая печаль*, *великая печаль*, *всесветная печаль* (*устар.*, *поэт.*), *глубокая печаль*, *едкая печаль*, *жгучая печаль*, *легкая печаль*, *невыносимая печаль*, *неизбывная печаль*, *неизлечимая печаль*, *неизъяснимая печаль*, *неутешная печаль*, *острая печаль*, *отчаянная печаль* (*разг.*), *полная печаль*, *сильная печаль*, *страстная печаль*, *страшная печаль* (*разг.*), *суровая печаль*, *тусклая печаль*, *тяжелая печаль*, *тяжкая печаль* (*устар.*, *поэт.*), *ужасная печаль* (*разг.*), *укоряющая печаль*.

2. Признак «**неуправляемость** (+эмоция)»: *неотвязная печаль*.

3. Признак «**длительность** (+эмоция)»: *бессменная печаль*, *долгая печаль*, *мгновенная печаль*.

4. Признак «**характер** (+эмоция)», который определяется сопровождающими эмоцию психологическими процессами. При выражении производных концептов реализуется многозначность компонентов сочетания, развертывающих опорное слово *печаль*:

А) прямое значение: *безотчетная печаль*, *скрытая печаль*, *спокойная печаль*, *таинственная печаль*, *тайная печаль*, *тоскующая печаль*, *угрюмая печаль*, *унылая печаль*;

Б) переносное значение: *молчаливая печаль*, *мужественная печаль*, *немая печаль*, *ревнивая печаль* (*устар.*), *сладкая печаль*, *сладостная печаль*, *терпкая печаль*, *чистая печаль*, *щемящая печаль*.

Характер эмоций подчеркивается образами метафорических значений. В опредмечивании эмоции участвуют:

1) «**Цвет (источник)**»: *светлая печаль*, *черная печаль* (*нар.-поэт.*).

2) «**Животные / птицы / материалы (типы носителей)**»: *кукушечья печаль*, *ангельская печаль*, *итальянская печаль*, *плакучая печаль* (*устар.*), *сиротская печаль*, *тацитовская печаль*.

5. Признак «**неидентифицируемость** (+эмоция)»: *странная печаль*. Данная область противопоставлена всем остальным областям. Наличие у них общих признаков служит и для их дифференциации.

6. Признак «**оценка** (+эмоция)»:

А) отрицательная: *едкая печаль*, *злая печаль*, *лицемерная печаль*;

Б) положительная: *искренняя печаль*, *красивая печаль*, *кроткая печаль*, *непритворная печаль*, *святая печаль*, *чистая печаль*.

7. Признак «**источник / каузатор** (+эмоция)»: *мужественная печаль, ревнивая печаль (устар.), роковая печаль, сердечная печаль*. Данная область, в которой исходный концепт осложняется психологическими признаками, сближается с областью «характер».

Вариантом данного признака является признак «**отсутствие антикаузатора**», который мог бы при наличии устранить эмоцию: *беззаботная печаль, беззащитная печаль, безнадежная печаль, безотрадная печаль*.

8. Признак «**проявление** (+эмоция)»: *безмолвная печаль, болтливая печаль, глухая печаль, гнетущая печаль, горькая печаль, жаркая печаль, жестокая печаль, затаенная печаль, красивая печаль, кроткая печаль, легкая печаль, мелодичная печаль, наружная печаль, потаенная печаль, слезная печаль, суровая печаль, тихая печаль, томная печаль (устар.), тягостная печаль, тягучая печаль, ужасная печаль (разг.), холодная печаль*.

9. Признак «**влияние** (+эмоция-субъект)»: *гнетущая печаль, подавленная печаль*.

10. Признак «**распространение** (+эмоция)»: *бесконечная печаль, беспредельная печаль, большая печаль, итальянская печаль, полная печаль* [162, с. 130-131].

Таксономия концептов осложняется структурами самих производных концептов, образованных по инферентному типу. К подобным внеязыковым концептам примыкают языковые концепты, маркируемые метаязыком: *болтливая печаль, мелодичная печаль, неизъяснимая печаль, укоряющая печаль* [162, с. 130-131].

Синкретические значения НС раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков, добавляемых к концепту «печаль»:

1. Признак «**сила + распространение** (+эмоция)»: *бесконечная печаль, беспредельная печаль, большая печаль, полная печаль*.

2. Признак «**сила + отрицательная оценка** (+эмоция)»: *едкая печаль*.

3. Признак «**сила + проявление** (+эмоция)»: *легкая печаль, суровая печаль, ужасная печаль (разг.)*.

4. Признак «**сила** (+эмоция) + метаязык»: *неизъяснимая печаль, укоряющая печаль*.

5. Признак «**характер + источник / каузатор** (+эмоция)»: *мужественная печаль, ревнивая печаль (устар.)*.

6. Признак «**характер + распространение** (+эмоция)»: *итальянская печаль*.

7. Признак «**характер + положительная оценка** (+эмоция)»: *чистая печаль*.

8. Признак «**проявление + влияние** (+эмоция-субъект)»: *гнетущая печаль*.

9. Признак «**проявление + положительная оценка** (+эмоция)»: *красивая печаль, кроткая печаль*.

10. Признак «**проявление** (+эмоция) + метаязык»: *болтливая печаль, мелодичная печаль*.

Таким образом, первая часть синтаксических зон анализируемых НП *тоска*, *грусть* и *печаль* включает НЕ-словосочетания, которые представляют десять добавляемых признаков, соответственно десять областей: «*сила* (+эмоция)», «*неуправляемость* (+эмоция)», «*длительность* (+эмоция)», «*характер* (+эмоция)», «*неидентифицируемость* (+эмоция)», «*оценка* (+эмоция)», «*источник / каузатор* (+эмоция)», «*проявление* (+эмоция)», «*влияние* (+эмоция-субъект)», «*распространение* (+эмоция)». Производные концепты в рассмотренных областях образованы по принципу расширения, аддитивному типу, который адекватно отражает естественную эволюцию в понимании эмоций. При этом внутренний признак «сила» порождает большую часть концептов в зонах, так как отражает параметры эмоций носителей языка.

Вторая часть синтаксической зоны фиксирует результаты НД. К признакам, дополняющим концепт «печаль» и образующим когнитивные области во второй части синтаксической зоны, относятся:

1. Признак «*сила* (источник), которая обладает высокой степенью»: *Жизнь обрамляют сильные печали особенно к закату и вначале* (В. Казанжанц). *Счастье полезно для тела, а печаль развивает душу* (М. Пруст). *Печаль доводит до смерти* (Ж. Батай). *Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть* (Новый Завет, 2-е послание к Коринфянам святого Апостола Павла). *В печали и в несчастьях смерть не мучение, а упоение от тягот* (Г. Крисп). *Лишь безмерная печаль и безмерная радость способны раскрыть твою подлинную сущность* (Д. Джебран). *Радость производит иногда странное действие, она гнетет, как печаль* (А. Дюма, Граф Монте-Кристо). *Как моль вредит одежде, а червь – дереву, так печаль вредит сердцу человека* (Библия, Книга притчей Соломоновых). *Всего прочнее на земле – печаль, И долговечней – царственное слово* (А. Ахматова). *Все может ослабить время, но не мою печаль* (Овидий). *Для человека нет ничего хуже печали* (Менандр). *Печаль души может убить быстрее, гораздо быстрее, чем инфаркт* (С. Эрнст). *Не предавайся печали душою своею и не мучь себя своею мнительностью; веселье сердца – жизнь человека, и радость мужа – долгоденствие; люби душу твою и утешай сердце твое и удаляй от себя печаль, ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет* (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова). *Если ты чего-нибудь не имеешь; если печаль и несчастье отягощают грудь твою; если ты терпишь недостаток; если чувствуешь слабость ума и сердца, то никому не жалуйся, кроме того, от кого надеешься несомненной помощи!* (А. Книгге). *Даже при смерти собак и лошадей некоторые от печали доходят до такого позорного малодушия, что жизнь становится им не мила* (Плутарх). *Чужая печаль с ума свела, а по своей потужит некому* [163, с. 622]. *Печаль не уморит, а здоровью повредит. Печаль и твердых сердцем сокрушает* [164]. *Печаль не уморит, а с ног собьет. Беды да печали с ног скачали. С печали не мрут, а сохнут. С печали засушенкой стали. От печалей немощи, от немощей смерть. День меркнет ночью, а человек печалью. Ржа железо ест (или: крушит), а печаль сердце. Железо ржа поедает, а сердце печаль изнуряет (или: сокрушает). Моль одежду ест, а печаль сердце (или: человека). Что червь в орехе, то печаль в*

сердце. С печали шея равна с плечами. От радости кудри вьются, в печали секутся [163, с. 139-141].

Другой вариант этого признака «сила (непреодолимость) как каузация способа избавления от печали»: *Музыка глушит печаль (У. Шекспир). Печаль может быть устранена любыми средствами, кроме пьянства (С. Джонсон). Лучшие изливает свою печаль перед картинами Делакруа, Рембрандта или Ван Гога, чем перед рюмкой водки или в окружении бессильной жалости и злости (Э. Ремарк, Возлюби ближнего своего). На крыльях времени уносится печаль (Ж. Лафонтен). Все может ослабить время, но не мою печаль (Овидий). Когда горит душа, мы плачем, пытаюсь затушить печаль (И. Сэнт). Если бы человек не обладал способностью забывать, его бы никогда не покидала печаль (И. Бахья). Слово – величайший владыка: видом малое и незаметное, а дела творит чудесные – может страх прекратить и печаль отворотить, вызвать радость, усилить жалость (Горгий). Способно мудрое слово печаль врачевать (Менандр). Труд – великое лекарство от всех болезней и печалей человечества (Т. Карлейль). Одна из причин, почему мы так жаждем любви и так отчаянно ищем ее, заключается в том, что любовь – единственное лекарство от одиночества, от чувства стыда и печали (Г. Робертс, Шантарам). (Об отцах и матерях павших воинов:) Надо... не причитать вместе с ними, ибо не надо ничего добавлять к их печали..., а, наоборот, следует ее исцелять и смягчать, напоминая им, что... молили они богов не о том, чтобы дети их стали бессмертными, но о том, чтобы они были доблестными и славными (Платон). Только радость жизни искупает все ее печали (А. Марков). Слеза радости точит камень печали (Е. Ханкин). Есть некоторое наслаждение и в печали, особенно если ты выплачешься на груди у друга, который готов или похвалить твои слезы, или извинить их (Плиний Младший). Когда человек погружен в печали жизни, три вещи дают ему утешение: дети, жена и общество преданных Господа (П. Чанакья). Ни дом, ни поместья, ни груды бронзы и золота не изгонят из больного тела их владельца горячку, а из духа его – печаль: если обладатель всей этой груды вещей хочет хорошо ими пользоваться, ему нужно быть здоровым (Гораций). Ни сокровища, ни высокий сан консула не отгонят злых душевных тревог и печалей, витающих под золочеными украшениями потолка (Гораций). От всякой печали бог избавляет. Переложил печаль на радость [163, с. 149-150]. Ты раскинул ей печаль по плечам, ты пустил сухоту по животу [163, с. 744]. Зачем в люди по печаль, когда дома плачут? [163, с. 860]. Знать по очам, какова печаль. Слеза в три ручья [163, с. 141]. Чужую печаль и с хлебом съешь, а своя и с калачом в горло нейдет. Не до чужой печали, и своей еще с плеч не скачали [163, с. 609-611]. Привычка печаль утоляет, а тягость облегчает. Все печали забываются, все беды проходят [164].*

2. Признак «**длительность** (+эмоция)»: *Печаль будет длиться вечно (В. Ван Гог). Счастье мимолетно и лживо. Вечной бывает только печаль (Ф. Саган). Все дни человека – печаль, и заботы его – это скорби (Соломон). Злая жена – навсегда печаль (Менандр). Радости забываются, а печали – никогда (М. Лермонтов). Победа порождает ненависть, побежденный живет*

в печали (Будда). Печаль – это страдание на минуту, потакание печали – это страдание на всю жизнь (Б. Дизраэли). Случается, человеком овладевает такое подавленное состояние духа, что все то, что обычно его сердит и вызывает в нем здоровую реакцию недовольства, вдруг начинает томить его долгой, тупой, безмолвной печалью (Т. Манн). Жизнь обрамляют сильные печали особенно к закату и вначале (В. Казанжанц). В нашей сегодняшней печали нет ничего горше воспоминания о нашей вчерашней радости (Д. Джебран). Не сыскать ни одной жизни, без печали прошедшей (Г. Богослов). Не вовремя рассказ – то же, что музыка во время печали; наказание же и учение мудрости прилично всякому времени (Книга премудрости Иисуса). Лучше умереть, чем сохранять жизнь в невыносимых страданиях, утрата жизни вызывает лишь мгновенную печаль, но несчастье приносит печаль каждый день жизни (П. Чанакья). Каждый человек таит в душе любовную печаль, дремлющую до поры до времени (Ф. Бегбедер, 99 франков). Радость не вечна, печаль не бесконечна [163, с. 867]. Печали вечной в мире нет И нет тоски неизлечимой (А. Толстой). Мало разницы в том, потерпел ты несчастье или ждешь его; только для печали есть граница, а для страха – никакой (Плиний Младший). Есть предел для печали, но нет его для тревоги (Плиний Младший). И при смехе иногда болит сердце, и концом радости бывает печаль (Книга притчей Соломоновых). Болезни и печали приходят и уходят, но суеверная душа не знает покоя (Р. Бертон).

3. Признак **«инструмент (+эмоция)»**: (а) мешающий совершению действия: Радости забываются, а печали – никогда (М. Лермонтов); (б) не способный выполнять свою функцию: Печаль человека не украсит. Печаль не красит, горе не цветит. Не наполним моря слезами, не утешим супостата печалью. Печаль беде не помощник [163, с. 140, 150].

4. Признак **«место (+эмоция)»**: Печаль всегда найдет свое место в человеческом сердце (А. Рахматов). В сердце моем обитают три чувства, с которыми никогда не соскучишься: печаль, любовь и благодарность (А. Дюма, Граф Монте-Кристо). Каждый человек таит в душе любовную печаль, дремлющую до поры до времени (Ф. Бегбедер, 99 франков). Стыд есть известная печаль, возникающая в человеке, когда он видит, что его поступки презираются другими (Б. Спиноза). Печаль всегда откровенна, ибо исходит из сердца (А. Рахматов). Что червь в орехе, то печаль в сердце. Видна печаль по ясным очам, кручина по белу лицу [163, с. 141]. В платье моль, а на сердце печаль [164].

5. Признак **«источник / каузатор (+эмоция)»**: Победа порождает ненависть, побежденный живет в печали (Будда). Стыд есть известная печаль, возникающая в человеке, когда он видит, что его поступки презираются другими (Б. Спиноза). А все же любовь – это какая-то болезнь, боль и страдание. Она захватывает всего, не дает покоя, порождает какие-то неясные порывы и великую печаль (Я. Колас). Любовь не печальна, а только приносит печаль, оттого что она неосуществима и удержать ее нельзя (Э. Ремарк, Черный обелиск). Лучше умереть, чем сохранять жизнь в невыносимых страданиях, утрата жизни вызывает лишь мгновенную печаль,

но несчастье приносит печаль каждый день жизни (П. Чанакья). Жизнь без радости проходит без пользы, распространяя вокруг себя только мрак и печаль (Л. Толстой). Добрый сын – отцу радость, а худой – печаль [164]. Печаль – источник радости (А. Рахматов). Всякая печаль есть преддверье к радости (Л. Сухоруков). Не удивление, а недоумение и печаль суть начало философии (А. Шопенгауэр). От печалей немощи, от немощей смерть [163, с. 140].

Наряду с дополнением исходного концепта ключевыми признаками, которые сохраняют в себе следы актантных связей, есть НЕ-предложения, которые эксплицируют когнитивные акты.

6. Категоризация (отнесение исходного концепта к более крупной категории): В сердце моем обитают три **чувства**, с которыми никогда не соскучишься: печаль, любовь и благодарность (А. Дюма, Граф Монте-Кристо). В любви, как и в ненависти, могут быть соединены самые разнообразные **чувства**: и страдание, и наслаждение, и радость, и печаль, и страх, и смелость, и даже гнев и ненависть (К. Ушинский). Печаль, тоска, сожаление, отчаяние – это **невзгоды** преходящие, не укореняющиеся в душе; и опыт нас учит, как обманчиво горькое чувство, под влиянием которого мы думаем, что наши беды вечны (Ж. Руссо). Среди **влияний**, укорачивающих жизнь, преимущественное место занимают страх, печаль, уныние, тоска, малодушие, зависть, ненависть (Х. Гуфеланд). Благополучие, несчастье, бедность, богатство, радость, печаль, убожество, довольство суть различные **явления** одной исторической **драмы**, в которой человеки репетируют роли свои в назидание миру (К. Прутков).

7. Отождествление-концептуализация: Печаль – источник **радости** (А. Рахматов). Печаль – оборотная сторона **радости** (Г. Честертон, Возвращение Дон Кихота). Главный Закон Печали и Радости: «Всякая печаль есть преддверье к **радости**. Всякую радость венчает всегда печаль» (Л. Сухоруков). Печаль – это **сестра любви и мать музыки** (О. Бен). Печаль – это **страдание** на минуту, потакание печали – это **страдание** на всю жизнь (Б. Дизраэли). **Сострадание** есть некоторого рода печаль при виде бедствия, которое могло бы постигнуть или нас самих, или кого-нибудь из наших близких (Аристотель). **Стыд** есть вид печали, основанной на любви к самому себе, происходящей от страха перед порицанием (Р. Декарт). **Стыд** есть известная печаль, возникающая в человеке, когда он видит, что его поступки презираются другими (Б. Спиноза). **Зависть** – печаль о благополучии другого (Я. Княжнин). Единственная печаль – **рождение и смерть** (П. Чанакья, Чанакья сутра. Общие рекомендации). Все **дни** человека – печаль, и заботы его – это скорби (Соломон). Печаль – **возможность пережить** непрожитое (Г. Малкин). Печали, как и **дети**, лучше растут, когда их лелеют (К. Холланд). **Злая жена** – навсегда печаль (Менандр). Что есть печаль как не **стена** между двумя садами (Д. Джебран). Печаль души моей – ее венчалное **покрывало**, оно ждет ночи, чтобы его сняли (Р. Тагор). Не удивление, а недоумение и печаль **суть** начало **философии** (А. Шопенгауэр). Несу литературу как гроб мой, несу **литературу** как печаль мою, несу литературу как **отвращение** мое

(В. Розанов). *Мудрец не печалится, потому что печаль есть неразумное сжатие души* (А. Афинский). *Плод победы – ненависть, удел побежденного – печаль* (Древняя Индия).

Акты отождествления в основном опираются на доминирующее сходство концептов, которое выражается синонимами, квазисинонимами, именами близких по содержанию эмоций, использованием описательных оборотов: *Печаль – это страдание на минуту, потакание печали – это страдание на всю жизнь* (Б. Дизраэли). *Сострадание есть некоторого рода печаль при виде бедствия, которое могло бы постигнуть или нас самих, или кого-нибудь из наших близких* (Аристотель). *Стыд есть вид печали, основанной на любви к самому себе, происходящей от страха перед порицанием* (Р. Декарт). *Стыд есть известная печаль, возникающая в человеке, когда он видит, что его поступки презираются другими* (Б. Спиноза). *Зависть – печаль о благополучии другого* (Я. Княжнин).

Встречаются единичные случаи отождествления, в которые вовлекаются противоположные эмоции: *Печаль – источник радости* (А. Рахматов). *Печаль – обратная сторона радости* (Г. Честертон, Возвращение Дон Кихота). *Главный Закон Печали и Радости: «Всякая печаль есть преддверье к радости. Всякую радость венчает всегда печаль»* (Л. Сухоруков).

В развитии концепта «печаль», в представленных НЕ-предложениях выявлено *семь когнитивных областей*, объединенных общими признаками или общими когнитивными процессами. При этом предложеческая часть зоны содержит лингвистическую рефлексивную: НЕ-предложения, относящиеся к метаязыку, несущие знания о языке – номинативной деятельности: *Малая печаль красноречива, великая безмолвна* (Сенека Старший). *Малые печали словоохотливы, глубокая скорбь безмолвна* (Сенека Младший). *Печаль всегда откровенна, ибо исходит из сердца* (А. Рахматов). *Чем глубже печаль, тем короче у нее язык* [164]. *Истинно большая печаль безмолвна* (Ф. Леонидов). *Случается, человеком овладевает такое подавленное состояние духа, что все то, что обычно его сердит и вызывает в нем здоровую реакцию недовольства, вдруг начинает томить его долгой, тупой, безмолвной печалью* (Т. Манн). *Найди слова для своей печали, и ты полюбишь ее* (О. Уайльд). *Более естественно было бы, при более глубоком взгляде на жизнь, говорить о трагизме любви и печали любви* (Н. Бердяев). *Несу литературу как гроб мой, несу литературу как печаль мою, несу литературу как отвращение мое* (В. Розанов). *Невыразимая печаль Открыла два огромных глаза, Цветочная проснулась ваза И выплеснула свой хрусталь* (О. Мандельштам, *Невыразимая печаль...*). *Во mnogой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь* (Библия, Книга Екклесиаста).

Синкретические значения НЕ-предложений раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков, добавляемых к концепту «печаль»:

1. Признак **«сила + длительность (+эмоция)»**: *Жизнь обрамляют сильные печали особенно к закату и вначале* (В. Казанжанц).

2. Признак «**сила** + **источник / каузатор** (+эмоция)»: *От печалей немощи, от немощей смерть* [163, с. 140].

3. Признак «**сила** + **место** (+эмоция)»: *Что червь в орехе, то печаль в сердце* [163, с. 141].

4. Признак «**длительность** + **инструмент** (+эмоция)»: *Радости забываются, а печали – никогда* (М. Лермонтов).

5. Признак «**длительность** + **место** (+эмоция)»: *Каждый человек таит в душе любовную печаль, дремлющую до поры до времени* (Ф. Бегбедер, 99 франков).

6. Признак «**длительность** (+эмоция) + отождествление-концептуализация»: *Печаль – это страдание на минуту, потакание печали – это страдание на всю жизнь* (Б. Дизраэли). *Все дни человека – печаль, и заботы его – это скорби* (Соломон). *Злая жена – навсегда печаль* (Менандр).

7. Признак «**длительность** (+эмоция) + метаязык»: *Случается, человеком овладевает такое подавленное состояние духа, что все то, что обычно его сердит и вызывает в нем здоровую реакцию недовольства, вдруг начинает томить его долгой, тупой, безмолвной печалью* (Т. Манн).

8. Признак «**источник / каузатор** + **длительность** (+эмоция)»: *Победа порождает ненависть, побежденный живет в печали* (Будда). *Лучше умереть, чем сохранять жизнь в невыносимых страданиях, утрата жизни вызывает лишь мгновенную печаль, но несчастье приносит печаль каждый день жизни* (П. Чанакья).

9. Признак «**источник / каузатор** + отождествление-концептуализация»: *Печаль – источник радости* (А. Рахматов). *Всякая печаль есть преддверье к радости* (Л. Сухоруков). *Не удивление, а недоумение и печаль суть начало философии* (А. Шопенгауэр).

10. Признак «**источник / каузатор** + **место** (+эмоция) + отождествление-концептуализация»: *Стыд есть известная печаль, возникающая в человеке, когда он видит, что его поступки презираются другими* (Б. Спиноза).

11. Признак «**место** (+эмоция) + категоризация»: *В сердце моем обитают три чувства, с которыми никогда не соскучишься: печаль, любовь и благодарность* (А. Дюма, Граф Монте-Кристо).

12. Признак «**место** (+эмоция) + метаязык»: *Печаль всегда откровенна, ибо исходит из сердца* (А. Рахматов).

13. Признак «отождествление-концептуализация + метаязык»: *Несу литературу как гроб мой, несу литературу как печаль мою, несу литературу как отвращение мое* (В. Розанов).

Таким образом, вторая часть синтаксической зоны НП *тоска* является наиболее полной, так как включает НЕ-предложения, представляющие восемь когнитивных областей, в отличие от второй части синтаксических зон НП *печаль* и *грусть*, первая из которых демонстрирует семь, а вторая шесть когнитивных областей. Общими когнитивными областями для НП *тоска*, *грусть*, *печаль* отмечаются носители трех признаков: «**сила** (+эмоция)», «**инструмент** (+эмоция)», отождествление-концептуализация. В процессе

реконструкции значений также выявлены разные смысловые оттенки, закрепленные за областями, которые участвуют в развитии следующих концептов:

«тоска» – «(эмоция +) *следствие-результат* (+ условие / причина)», «*место* (+эмоция)», «*источник* (+эмоция)», «*разрушение* (+ объект: положительные эмоции / способности)», категоризация;

«грусть» – «*причина* (+эмоция)», «*длительность* (+эмоция)», «*влияние* (+эмоция-субъект)»;

«печаль» – «*длительность* (+эмоция)», «*место* (+эмоция)», «*источник / каузатор* (+эмоция)», категоризация.

При этом внутренний признак «сила» является доминирующим в развитии концептов «грусть» и «печаль», так как порождает бóльшую часть концептов в зоне, что нельзя сказать по отношению к концепту «тоска». В развитии концепта «тоска» преобладающими являются НЕ-предложения, которые эксплицируют когнитивные акты: категоризация и отождествление-концептуализация.

В развитии исходных слов *тоска*, *грусть*, *печаль* выделены лексическая, фразеологическая, словообразовательная и синтаксическая зоны, из которых продуктивной является синтаксическая. Так, наибольшее количество областей представлено в лексической зоне НП *печаль* – 3 области, фразеологической зоне НП *грусть* – 7 областей, словообразовательных зонах НП *тоска*, *грусть*, *печаль* – 3 области, первой части синтаксических зон НП *тоска*, *грусть*, *печаль* – 10 областей, второй части синтаксической зоны НП *тоска* – 8 областей. Подобное неравномерное количество выявленных областей в зонах НП связано с активностью / пассивностью использования НЕ того или иного способа номинации, расширением исходного концепта общими признаками или новыми интегрированными концептами, что не позволяет выделить НП с наибольшим количеством областей, представленных во всех зонах. Однако, в разных зонах НП *тоска*, *грусть*, *печаль* отмечаются совпадающие области, что является свидетельством *изоморфизма структуры*: «*сила* (+эмоция)», «*источник* (+эмоция)», «*длительность* (+эмоция)» выявлены во фразеологической и синтаксической зонах. Данные области отражают присутствие когнитивного неполного изоморфизма в НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль*. Представленные когнитивные области, выделенные посредством реконструкции значений НЕ в НП, позволяют говорить о развитии слов и концептов «тоска», «грусть», «печаль» как в номинативном, так и когнитивном аспектах.

2.3.4 Развитие концепта «горе» в номинативной парадигме

Представим номинативную парадигму исходного слова *горе*, которая демонстрирует номинативный потенциал слова, а также развитие концепта «горе» в познании.

1. Лексическая зона раскрывает два значения, в которые заключены одиночные концепты. Они и образуют *две области*:

1. Душевное страдание; огорчение, печаль, скорбь (противопоставляется радости).

2. Событие, обстоятельство, вызывающее страдание, печаль; беда, несчастье (противопоставляется счастью) [165, с. 277-281].

Первое значение включает понятийный концепт, состоящий из совокупности признаков – категориального признака «отрицательная эмоция», дифференциальных признаков: 1) огорчение, 2) печаль, 3) скорбь.

Второе значение содержит пропозициональный концепт, построенный из компонентов «событие», «причина», «результат».

Анализ номинативно-когнитивного потенциала исходного слова *горе* выявил активность не только первого, но и второго лексического значения, концептуальный аналог которого раскрывается в зонах НП.

2. Во фразеологической зоне производные концепты распределены по **двенадцати областям** на основе обнаруженных в них двенадцати общих признаков:

1. Признак **«сила (+эмоция)»**: *горе горькое (разг.)*, *горе-злосчастие*, *с горя*, *на горе чье (разг.)* [153, с. 90]; *горе горевать (народно-поэт., прост.)* [152, с. 54]; *горе серое* [155, с. 153]; *горе побежденным (книжн.)* – угроза ухудшить положение ропшущих людей, которые находятся в чьей-либо зависимости [151, с. 129]; *горе по горю идет* – одна беда следует за другой, влечет за собой другую; *горе бежит вперед кого, от большого горя, до гола горя, доводить до зла горя кого, горе берет/ взяло кого, горем взяться, ввести в горе кого* [155, с. 153-154]; *навалилось горе на кого-что (разг.)*, *обрушилось горе на кого-нибудь*, *горе давит грудь*, *горе раздирает сердце*, *горе точит кого-нибудь (устар.)*, *горе иссушило кого-нибудь*, *горе истерзало кого (что)*, *горе подавило кого (что)*, *горе подсекло кого (что) (устар.)*, *горе пришибло кого (что) (разг.)*, *убит горем кто-нибудь* [154, с. 102-110].

2. Признак **«источник (+эмоция)»**: *горе от ума (книжн.)* – о непонимании умной и самостоятельно мыслящей личности посредством людьми и неприятностях, с этим связанных [151, с. 128]; *накликать горе (разг.)* [154, с. 105].

3. Признак **«объект (+эмоция)»**: *доводить до зла горя кого, ввести в горе кого* [155, с. 153-154]; *горе побежденным (книжн.)* [151, с. 129].

4. Признак **«субъект (+эмоция)»**: *горе горевать (народно-поэт., прост.)* [152, с. 54]; *горе берет/ взяло кого* [155, с. 153]; *горе мыкать (устар., прост.)*, *хлебнуть (хватить) горя (разг.)* [154, с. 105, 110]; *горе маять*, *горе мычить*, *морищить горе (ирон.)*, *ковыкать горе*, *погребать горе*, *трепать горе*, *черпнуть (черпануть) горя (прост.)*, *залиться в горе* – испытать большое несчастье; *водить горе* – жить в нищете, испытывать трудности, беды; *нести горе* – страдать [155, с. 153-154]; *горе луковое (устар., шутл., ирон.)* – о незадачливом, невезучем и неумелом человеке; *горе лыковое (народн., шутл., ирон.)* – об очень бедном, бедствующем и невезучем человеке [151, с. 128]; *горе, лыком подпоясанное (народн., шутл., ирон.)* [151, с. 355]; *горе женится, нужда замуж идет* – говорится, когда женятся бедные, неимущие люди [171, с. 116]; *горе-грамотей (ирон.)* – о малограмотном человеке; *горе-вояки (разг., ирон.)* – тот,

кто воюет задиристо и незадачливо [153, с. 90]; *горе ты мое (разг.)* – фамильярное обращение к лицу, к которому испытывают сострадание, сочувствие [169, с. 151].

5. Признак «**олицетворяющий субъект** (+эмоция)»: *горе не вяжется к кому* – о человеке, которому не о чем горевать; *с горем не вязаться* – быть веселым, беззаботным; *без (какого) горя* – без затруднений, без забот и неприятностей [155, с. 153-154]; *и горя не знает кто* – о том, кто беззаботен, относится к чему-нибудь легко [154, с. 102].

6. Признак «**побудитель** (+эмоция)»: *горем взяться* [155, с. 154].

7. Признак «**среда** (+эмоция)»: *из горя не выходит* – жить в постоянных страданиях; *быть за горем (на горях, по горю)* [155, с. 154].

8. Признак «**способ** (+эмоция)»: *таить свое горе, скрыть горе* [154, с. 109]; *веселить горе* – терпеть горе, пытаться пережить, преодолеть его; *хвалить горе погребаячи* – радоваться, пережив горе, несчастье; *жить горя глядя; с горем пополам (разг.)* – с большим трудом, еле-еле, кое-как; *горе бежит вперед кого* [155, с. 153-154]; *завить горе веревочкой (разг., шутл.)* [154, с. 102]; *завить горе ремешком (народн.), намотать горе на клубок* [155, с. 153].

9. Признак «**состояние** (+эмоция)»: *серое горе (ирон.)* – о солдатской жизни, судьбе [155, с. 153]; *и горя мало кому (разг., неодобр.)* – о том, кто чувствует себя легко и спокойно, когда нужно тревожиться или действовать [154, с. 102]; *и смех и горе (разг.)* [153, с. 90].

10. Признак «**место** (+эмоция)»: *горе и долу (устар.)* – повсюду, и вверху и внизу [169, с. 151]; *горе давит грудь, горе раздирает сердце* [154, с. 102, 108].

11. Признак «**длительность** (+эмоция)» в разновидностях: «постоянство» – *таить свое горе, горе мыкать (устар., прост.), горе давит грудь, горе точит кого-нибудь (устар.)* [154, с. 102-109]; *вдоль горя* – постоянно испытывая неприятности, несчастья, беды; *с горя на горе; водить горе* – жить в нищете, испытывать трудности, беды; *из горя не выходит* – жить в постоянных страданиях; *жить горя глядя; несть горе* – страдать; *быть за горем (на горях, по горю)*; «начало» – *горе берет/ взяло кого, в горе бросает кого, горем взяться, пасть в горе; пойти по горям* – начать испытывать горе, беды, напасти; *горем убиться* – начать переживать горе, несчастье [155, с. 153-154]; *навалилось горе на кого-что (разг.), обрушилось горе на кого-нибудь* [154, с. 105-106]; «завершение» – *излить свое горе* [154, с. 102]; *погребать горе* [155, с. 153].

12. Актантная структура донативной принадлежности: «**мена обладателя**: первый обладатель + лишение / передача + (эмоция) + второй обладатель»: *завить горе веревочкой (разг., шутл.)* [154, с. 102]; *завить горе ремешком (народн.), намотать горе на клубок, и горе в воду, извести горе, развести горе с кем, разносить горе, ошибить горе, топить/ утопить горе в вине (разг.), заливать/ залить горе (разг.)* [155, с. 153]; *изжить горе (устар.), помочь горю (и в горе) (разг.), рассеять чье-нибудь горе, размыкать горе (устар., разг.), облегчить чье-нибудь горе, излить свое горе* [154, с. 102-108]. Признак («лишение – отсутствие») противопоставляет данный концепт-дериват

всем другим концептам, признаки которых отмечены обобщающим признаком («наличие»).

Представленные ФЕ демонстрируют активность не только первого, но и второго лексического значения, активизируя сему «отрицательные эмоции» исходного слова *горе*.

Концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами, раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков или за счет пропозиции, включающей актанта-трансформы:

1) Синкретичный «**субъект-объект**», «**субъект-инструмент**»: *горе бежит вперед кого, доводит до зла горя кого, горе берет/ взяло кого, ввести в горе кого, в горе бросает кого, навалилось горе на кого-что, обрушилось горе на кого-нибудь, горе точит кого-нибудь, горе иссушило кого-нибудь, горе истерзало кого (что), горе подавило кого (что), горе подсекло кого (что), горе пришибло кого (что), убит горем кто-нибудь, и горя мало кому, горе не вяжется к кому, и горя не знает кто, горе по горю идет, горе давит грудь, горе раздирает сердце.*

2) **Контрагент** (роль возможного участника ситуации, по Ю.Д. Апресяну, второго активного участника ситуации при несовпадении действий двух субъектов: предикат полностью охватывает действие только субъекта [157, с. 125-126]) – *из горя не выходит кому.*

Фразеологическая зона исходного слова *горе* наиболее полная, так как демонстрирует развитие концептов по двенадцати областям на основе обнаруженных в них двенадцати общих признаков: «**сила** (+эмоция)», «**источник** (+эмоция)», «**объект** (+эмоция)», «**субъект** (+эмоция)», «**олицетворяющий субъект** (+эмоция)», «**побудитель** (+эмоция)», «**среда** (+эмоция)», «**способ** (+эмоция)», «**состояние** (+эмоция)», «**место** (+эмоция)», «**длительность** (+эмоция)», «**мена обладателя**: первый обладатель + лишение / передача + (эмоция) + второй обладатель», что нельзя сказать о фразеологических зонах исходных слов *тоска*, *печаль*, *грусть*, первая и вторая из которых представлена шестью, а третья – семью областями.

Во всех проанализированных фразеологических зонах обнаружены шесть одинаковых концептуальных областей: «**сила** (+эмоция)», «**источник** (+эмоция)», «**субъект** (+эмоция)», «**место** (+эмоция)», «**длительность** (+эмоция)», «**мена обладателя**: первый обладатель + лишение / передача + (эмоция) + второй обладатель», которые отражают общую эволюцию эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе». К несовпадающим концептуальным областям относятся: «**способ** (+эмоция)», «**объект** (+эмоция)», «**олицетворяющий субъект** (+эмоция)», «**побудитель** (+эмоция)», «**среда** (+эмоция)», «**состояние** (+эмоция)». Концептуальная область «**способ** (+эмоция)» отмечается во фразеологических зонах НП слов *грусть* и *горе*, а области «**объект** (+эмоция)», «**олицетворяющий субъект** (+эмоция)», «**побудитель** (+эмоция)», «**среда** (+эмоция)», «**состояние** (+эмоция)» зафиксированы только во фразеологической зоне НП слова *горе*, что является результатом валентности эмоций, реализуемой во фразеобразовании.

3. Словообразовательная зона парадигмы также имеет два плана языковой и когнитивный.

Языковой план представлен производными словами, значения которых формируются при дополнении одного значения исходного слова словообразовательными значениями [166, с. 242]:

1. *Гор-юшк-о* – «уменьш.-ласк. к *горе* в 1 и 2 знач.» [165, с. 280]. Суффикс *-юшк-* имеет модификационное значение: субъективно-оценочное (ласкательное значение) характерное для разговорной речи [159, с. 210].

2. *Гор-есть* – «чувство печали, скорби» [165, с. 283]. Суффикс *-есть* имеет словообразовательное значение «отвлеченного признака, названного мотивирующим словом» [159, с. 224].

3. *Гор-юн* – «прост. человек, который горюет; горемыка» [165, с. 281]. Суффикс *-юн-* имеет общее значение «носитель предметного признака» (признака, заключающегося в отношении к лицу, названного мотивирующим словом) [159, с. 196].

4. *Гор-юх-а* – «прост., обл. то же, что *горюнья*» [165, с. 281]. Производное значение имеет структуру: общее значение «носитель предметного признака» (признака, заключающегося в отношении к лицу, названного мотивирующим словом), в которое входит словообразовательное значение суффикса *-юх-* «лицо женского пола, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом» [159, с. 196].

5. *Гор-юш(а)* – «прост., то же, что *горюнья*» [165, с. 281]. Производное значение имеет структуру: общее значение «носитель предметного признака» (признака, заключающегося в отношении к лицу, названного мотивирующим словом), в которое входит словообразовательное значение суффикса *-юш-* «существительное общего рода, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом» [159, с. 196].

6. *Гор-ев-ой* – «прост., обл. испытывающий, испытавший горе, нужду; несчастный (о человеке)» [165, с. 281]. Производное значение имеет структуру: «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом», в которое входит словообразовательное значение суффикса *-ев-* «имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом» выражено как значение подтипа [159, с. 278, 326].

7. *Гор-ева-ть* – «испытывать горе, страдание, печаль; грустить» [165, с. 280]. Производное значение имеет структуру: «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным». В него входит словообразовательное значение суффикса *-ева-* «совершать действия, свойственные тому, что названо мотивирующим существительным» [159, с. 335].

8. *Гор-е-мыкать* – «прост. терпеть горе, нужду» [165, с. 283]. Сложение с подчинительным (неравноправным) отношением основ, которые содержат опорный компонент – существительное и предшествующую основу с уточнительной, конкретизирующей функцией. Словообразовательное значение сводится к объединению значений основ мотивирующих слов в одно сложное значение: 'мыкать горе' [159, с. 388].

9. *Горе-богатырь, горе-охотник, горе-писатель, горе-руководитель, горе-рыбак, горе-рыболов, горе-хозяйственник* – «горе- в сочетании с существительным означает: плохой, неумелый (разг., ирон.)» [167, с. 142]. Сложение с подчинительным (неравноправным) отношением основ, которые содержат опорный компонент – существительное и предшествующую основу с уточнительной, конкретизирующей функцией. Словообразовательное значение сводится к объединению значений основ мотивирующих слов в одно сложное значение: *горе-* в образованиях, содержащих отрицательную оценку лица, названного опорным компонентом [159, с. 239-240].

10. *Пол/горя* – «в знач. сказ. (разг.) не большое горе» [172, с. 952]. Сложение с подчинительным (неравноправным) отношением основ, которые содержат опорный компонент – существительное и предшествующую основу с уточнительной, конкретизирующей функцией. Словообразовательное значение сводится к объединению значений основ мотивирующих слов в одно сложное значение: *пол-* – усеченная основа слова *половина* [159, с. 239-240].

Когнитивный план формируют концептуальная деривация и концептуальная интеграция, особенности которых передаются сочетанием лексических, словообразовательных и морфологических средств. В результате производные концепты приобретают структуру распространенного признаком понятийного концепта или структуру пропозиции. Шестнадцать производных слов маркируют *семь когнитивных областей* с одним концептом в каждой из них:

1. Горе + *ниже нормы* (горюшко).
2. Горе-*признак* / отвлеченный + горе (горесть).
3. Субъект + горе-*признак* / предметный + горе (горюн, горюха, горюша).
4. Субъект + горе-*признак* / свойственный + горе (горевои).
5. Субъект + *состояние* + горе-содержание (горевать, горемыкать).
6. Субъект + горе-*признак* / отрицательный + горе (горе-богатырь, горе-охотник, горе-писатель, горе-руководитель, горе-рыбак, горе-рыболов, горе-хозяйственник).
7. Горе + *половина* (полгоря).

Таким образом, словообразовательная зона анализируемой НП *горе* является наиболее полной, так как демонстрирует семь когнитивных областей с одним концептом в каждой из них, что нельзя сказать о словообразовательных зонах НП *тоска, грусть* и *печаль*, представленных тремя когнитивными областями, содержание которых варьируется: *тоска* + *выше нормы*; *грусть* + *ниже нормы*; субъект + *печаль-признак* / отсутствие + *печаль*, то есть в каждой из словообразовательных зон имеется по одному отличительному признаку.

4. В противоположность данной зоне **синтаксическая зона** демонстрирует большую активность. В первую часть синтаксической зоны анализируемой НП включены НЕ-словосочетания, которые представляют добавляемые признаки. По их количеству выделяются *девять областей*:

1. Признак «*сила* + степень (+эмоция)»: *безмерное горе, безутешное горе, безысходное горе, беспросветное горе, большое горе, великое горе, Вселенское*

горе, глубокое горе, дикое горе (разг.), едкое горе, жгучее горе, живое горе, крутое горе, лютное горе (нар.-поэт.), невыразимое горе, незаживающее горе, неизбывное горе, неизмеримое горе, неисходное горе (устар.), непрерывное горе, неумное горе, неумолимое горе, неусыпное горе, неутешное горе, огромное горе, острое горе, отчаянное горе (устар.), страшное горе, тяжелое горе, тяжкое горе, ужасное горе.

2. Признак **«неуправляемость»** (+эмоция): *неумное горе, неумолимое горе.*

3. Признак **«длительность»** (+эмоция): *будничное горе, вечное горе, ежедневное горе, застарелое горе.*

4. Признак **«характер»** (+эмоция), который определяется сопровождающими эмоцию психологическими процессами. При выражении производных концептов реализуется многозначность компонентов сочетания, развертывающих опорное слово *горе*:

А) прямое значение: *сиротливое горе, тоскливое горе;*

Б) переносное значение: *сладкое горе.*

Характер эмоций подчеркивается образами метафорических значений. В опредмечивании эмоции участвуют:

1) **«Цвет (источник)»**: *темное горе.*

2) **«Животные / птицы / материалы (типы носителей)»**: *зипунное горе, Вселенское горе, личное горе, людское горе, народное горе, национальное горе, человеческое горе, человечье горе.*

5. Признак **«оценка»** (+эмоция):

А) отрицательная: *злое горе, игрушечное горе;*

Б) положительная: *подлинное горе.*

6. Признак **«отсутствие антикаузатора»**, который мог бы при наличии устранить эмоцию: *безнадежное горе, бессловесное горе.*

7. Признак **«проявление»** (+эмоция): *глухое горе, гнетущее горе, горемычное горе (нар.-поэт.), горячее горе (нар.-поэт.), дешевое горе (разг.), крутое горе, негаданное горе, нежданное горе, неожиданное горе, пустое горе, слезное горе (разг.), сухое горе, тупое горе.*

8. Признак **«влияние»** (+эмоция-субъект): *гнетущее горе, горемычное горе (нар.-поэт.).*

9. Признак **«распространение»** (+эмоция): *большое горе, личное горе, людское горе, народное горе, национальное горе, неизмеримое горе, непрерывное горе, огромное горе, человеческое горе, человечье горе* [162, с. 48].

Таксономия концептов осложняется структурами самих производных концептов, образованных по инферентному типу. К подобным внеязыковым концептам примыкают языковые концепты, маркируемые метаязыком: *бессловесное горе, невыразимое горе, неумолимое горе* [162, с. 48].

Синкретические значения НС раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков, добавляемых к концепту «горе»:

1. Признак **«сила + распространение»** (+эмоция): *большое горе, неизмеримое горе, непрерывное горе, огромное горе.*

2. Признак **«сила + характер»** (+эмоция): *Вселенское горе.*

3. Признак «**сила** + **проявление** (+эмоция)»: *крутое горе*.
4. Признак «**сила** (+эмоция) + метаязык»: *невыразимое горе*.
5. Признак «**сила** + **неуправляемость** (+эмоция)»: *неуемное горе*.
6. Признак «**сила** + **неуправляемость** (+эмоция) + метаязык»: *неумолимое горе*.
7. Признак «**характер** + **распространение** (+эмоция)»: *личное горе, людское горе, народное горе, национальное горе, человеческое горе, человечье горе*.
8. Признак «**отсутствие антикаузатора** + метаязык»: *бессловесное горе*.
9. Признак «**проявление** + **влияние** (+эмоция-субъект)»: *гнетущее горе, горемычное горе (нар.-поэт.)*.

Таким образом, первая часть синтаксических зон анализируемых НП *тоска*, *грусть* и *печаль* включает НЕ-словосочетания, которые представляют десять добавляемых признаков, соответственно десять областей: «**сила** (+эмоция)», «**неуправляемость** (+эмоция)», «**длительность** (+эмоция)», «**характер** (+эмоция)», «**неидентифицируемость** (+эмоция)», «**оценка** (+эмоция)», «**источник / каузатор** (+эмоция)», «**проявление** (+эмоция)», «**влияние** (+эмоция-субъект)», «**распространение** (+эмоция)», что нельзя сказать о первой части синтаксической зоны НП *горе*, которая состоит из девяти областей, отсутствующей является область «**неидентифицируемость** (+эмоция)». Производные концепты в рассмотренных областях образованы по принципу расширения, аддитивному типу, который адекватно отражает естественную эволюцию в понимании эмоций. При этом внутренний признак «сила» порождает большую часть концептов в зонах, так как отражает параметры эмоций носителей языка.

Вторая часть синтаксической зоны фиксирует результаты НД в виде предложений и текстов. К признакам, дополняющим концепт «горе» и образующим когнитивные области во второй части синтаксической зоны, относятся:

1. Признак «**сила** (источник), которая обладает высокой степенью»:

I. Непосредственное проявление **силы**: *Горе передается от человека к человеку. Оно становится все глубже, как вода на прибрежной отмели* (Л. Сникет, 33 несчастья).

- II. Опосредованное проявление **силы**:

A) социальное поведение: *Радость сближает, а горе сплывает* (А. Бужар). *Радость делает человека общительным, горе заставляет его уйти в себя* (К. Геббель). *Горе в одинаковой мере может и связать, и развязать язык страдающего* (М. Сервантес). *Только горе открывает нам великое и святое* (В. Розанов). *Горе не утихает от слов* (Я. Колас). *Всякое великое горе внушает уважение* (А. Дюма, Граф Монте-Кристо). *Обыкновенный смертный сочувствует тем, кто больше жалуется, потому что думает, что горе тех, кто жалуется, очень велико, в то время как главная причина сострадания великих людей – слабость тех, от кого они слышат жалобы* (Р. Декарт). *Нужда (беда, горе) семерых задавила, а радость одному досталась* [163, с.

140]. *Горе объединяет людей* [164]. *Ты от горя прочь, а оно к тебе всочь (в-сучь, т.е. встречу). Ты от горя за реку, а оно уж стоит на берегу. Ты к нему (т.е. к горю) спиной, а оно к тебе рылом. Ты от него (т.е. от горя) тетеришься, а оно к тебе голубится* [163, с. 159].

Б) развитие характера: *Горе углубляет человека в себя* (А. Амфитеатров, *Отравленная совесть*). *Горе прежде всего заставляет человека узнать, что он собой представляет* (Мария-Антуанетта). *Счастье благотворно для тела, но только горе развивает способности духа* (М. Пруст). *Безутешное горе и бурная радость действуют на человека почти одинаково, а когда они обрушиваются на нас врасплох, то могут вызвать такое потрясение и замешательство, что мы часто лишаемся всех своих способностей* (Г. Филдинг). *Без несчастий люди скучали бы. Горе захватывает сильнее, чем радость* (Э. Рей). *Горе налегает сильнее, если заметит, что ему поддаются* (У. Шекспир). *Чрезмерно сильное горе подавляет полностью нашу душу, стесняя свободу ее проявлений* (М. Монтень). *Горе может повергнуть в смятение даже могучий и дисциплинированный ум* (Д. Мартин, *Игра престолов*). *Горе – самое стойкое из всех наших чувств* (О. Бальзак). *Горе – разрушение подготовленного иллюзиями будущего, и именно в нем видно, насколько несуществующи наши миры* (Е. Ермолова). *Великие страдания не слезливы. Человек, убитый горем, не плачет – он обливается кровью* (Ф. Жерфо). *Не годы старят, горе. Горе горемыка: хуже лапотного лыка* [163, с. 140, 147]. *Кому село Любово, кому горе лютое* [163, с. 74]. *Его люди (горе, заботы и пр.) с ума свели* [163, с. 443]. *Горе заставит – бык соловьем запоет. Горе нужду сушит. Горе одолеет – никто не пригреет* [164]. *Я от горя, а оно ко мне вдвое. Наше горе не избывчивое, а приживчивое. Нашего горя ни утопить, ни закопать. Нашего горя и топоры не секут* [163, с. 156, 159]. *Слезами горю не поможешь* [164].

В) идентификация: *Существует такая степень счастья и горя, которая выходит за пределы нашей способности чувствовать* (Ф. Ларошфуко). *Воображение поэта, удрученного горем, подобно ноге, заключенной в новый сапог* (К. Прутков). *Я от всей души посоветовал бы Вам не сгибаться под бременем горя. То, что представляется нам тяжкими испытаниями, иногда на самом деле – скрытое благо* (О. Уайльд). *Нет смеха непорочнее и чище, чем у людей, которым знакомо глубочайшее горе* (Э. Ремарк, *Скажи мне, что ты меня любишь...*). *Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютое* (Даниил Заточник). *Горе что стрела разит. Лихо жить в нуже, а в горе и того хуже* [163, с. 140]. *Горе старит, а радость молодит* [164]. *Свое горе – велик желвак; чужая болячка – почесушка* [163, с. 155]. *Горя, что сила моря. Капля горя – море гнева* [164].

Другой вариант этого признака «сила (непреодолимость) как каузация способа избавления от горя»:

I. Непосредственное проявление **силы**: *Не пытайся топить свое горе в вине. Оно умеет плавать* (И. Миранд).

II. Опосредованное проявление **силы**:

A) социальное поведение: *Труд притупляет горе* (Цицерон). *Труд, который нам приятен, излечивает горе* (У. Шекспир). *Единственное спасение*

в душевной горе – это работа (П. Чайковский). Изучение было для меня главным средством против скуки жизни, и у меня не было такого горя, которое не рассеивалось после одного часа чтения (Ш. Монтескье). Рассказывая о своем горе, часто его облегчаешь (П. Корнель). Это немое отчаяние было невыносимо, потому что всегда легче излить горе словами или слезами, чем таить его в себе (Д. Дефо, Робинзон Крузо). Нет на свете такого горя, которое не смогла бы исцелить юность (У. Ирвинг). Горе можно пережить в одиночестве, но радость – чтоб познать ее в полной мере – нужно разделить с другим человеком (М. Твен). Горе можно снести одному, но для радости нужны двое (Э. Хаббард). Горе нельзя разделить. Каждый несет его в одиночку (Э. Линдберг). Пока горе нами не переварено – всякое утешение преждевременно; а когда мы его переварили – утешать слишком поздно (Л. Стерн). Сочувствовать горю – человечно; облегчать его – божественно (Х. Мани). Когда посетит тебя горе, взгляни вокруг и утешься: есть люди, доля которых еще тяжелее твоей (Эзоп). Все изнашивается, даже горе (Г. Флобер). В горе, в несчастье утешают себя мечтами (А. Гумбольдт). Юмор переносит душу через пропасть и учит ее играть со своим горем (Л. Фейербах). Горе не заедают (прибавка: а запить можно) [163, с. 140]. Горе калачом не закусывают. Горе не сухарь – в стакане воды не размочишь [164]. Горе не море: выпьешь до дна [163, с. 154]. На радости выпить, а горе запить [163, с. 796]. Зашивай горе в тряпичку! Горе с плеч долой. Скинь горе с плеч! От горя в солдаты, а от беды в чернецы. Пошла бы с горя в монастырь, где много холостых. Час в добре пробудешь – все горе забудешь. Горе споро: сбудешь, да не скоро. Горе не сживешь скоро [163, с. 141-154]. Горе забудь, веселым будь. Горе забывай, радость добывай [164]. Чужое горе оханьем пройдет [163, с. 611]. Словами горю не поможешь [164]. Ни плачем заплакать, ни смехом засмеять (т.е. горя) [163, с. 149]. Горе на двоих – полгоря, радость на двоих – две радости. Делись своим горем с тем, кто испытал горе [164]. С подружьем и горе пополам разгорюешь. Горе горюй, а руками воюй. Горе горевать – не пир пировать. Поехали пировать, а пришлось горе горевать [163, с. 65-371]. Гореванием горю не поможешь – только новое лихо наживешь [164]. Горе перетужил: худого начальника переслужил. Терпи горе: пей мед. Не все горе притужить, иное с плеч свалить. От горя хоть в море, от беды в воду. Ты от горя за реку, а оно уж стоит на берегу [163, с. 150-159]. Горе в вине не утопишь – сам утонешь. Горе вином не зальешь, а радость пропьешь [164].

Б) развитие характера: *Большое горе врачует меньшее (У. Шекспир). Горю никакие соглашения не помогут. Излечить его может только смерть, а все другое лишь притупляет и обезболивает (Э. Хемингуэй). Какого горя не уносит время? (Н. Гоголь, Старосветские помещики). Легче пережить одно большое, но краткое горе, чем эту же боль растянуть на долгие годы (Н. Талейб, Черный лебедь). Не чувствовать своего горя – не свойственно человеку, а не перенести его – недостойно мужа (Сенека Младший). Горе забывается со временем. Слезами горю не поможешь. Плачь, слезами горе выходит [164]. Где горе, тут и слезы. У горя и слезы. Всего горя не переплачешь: даст бог, еще много впереди. С доброй женой горе – полгоря, а*

радость вдвойне. Не все горе приплакать, не все притужить. По полугорю не плачут, а плачут (или: тужат) по целому. Солью сыт не будешь, думою горя не размыкаешь. Наше горе не избывчивое, а приживчивое. Нашего горя ни утопить, ни закопать. Нашего горя и топоры не секут [163, с. 141-371].

В) идентификация: *Самое неизлечимое горе – горе воображаемое (М. Эбнер-Эшенбах). Горе с сердца – гора с плеч. Горе да нужду обухом не перешибешь [164].*

2. Признак «**причина** (+эмоция)»: *Горе людям, не знающим смысла своей жизни (Б. Паскаль). Горе сердцу, не любившему смолоду! (И. Тургенев, Дворянское гнездо). Горе наше, что без масла каша [163, с. 812]. Горе мачехино, что пасынок сметаны не ест, а порой и сыворотке рад [163, с. 393]. Горе берет, что сосед хорошо живет. Горе-горе, что муж Григорий: хоть бы болван, да Иван. Камень упал на горшок – горшку горе; горшок упал на камень – тоже горшку горе. С лодырем поведешься – горя наберешься [164].*

3. Признак «**длительность** (+эмоция)»: *Матери, потерявшей своего ребенка, время не приносит забвения. Такое горе не старится (В. Гюго, Собор Парижской Богоматери). Горе наступившее легче, нежели ожидаемое: нагрянувшему горю есть конец, страх же перед грядущим горем не знает границ (И. Шиллер). Тяжело не перенести горе, а переносить его все время (Сенека Младший). Но жизнь изменчива, как море. Сегодня – радость, завтра – горе, И то и дело рвется нить (Лопе де Вега). Изучение было для меня главным средством против скуки жизни, и у меня не было такого горя, которое не рассеивалось после одного часа чтения (Ш. Монтескье). Горе забывается со временем [164]. Горе споро: сбудешь, да не скоро. Горе не сживешь скоро. Горе, что годы: бороздки прокладывает. Терпи горе неделю, а царствуй год. Впервые годом, да и то с горем. В горе жить, не помочь что тужить [163, с. 74-149]. Женился Данила на скорую руку, на долгое горе, терпенье да муку. Женился скоро, да на долгое горе [164].*

4. Признак «**инструмент** (+эмоция)»: (а) мешающий совершению действия: *Слезами горю не поможешь. Словами горю не поможешь. Гореванием горю не поможешь – только новое лихо наживешь [164]. В горе жить, не помочь что тужить. Ни плачем заплакать, ни смехом засмеять горя. С горя не убиться, хлеба не лишиться. От горя не в воду. От горя не об стену. Наше горе не избывчивое, а приживчивое. Нашего горя ни утопить, ни закопать. Нашего горя и топоры не секут [163, с. 149-156]. Горе да нужду обухом не перешибешь. Горе калачом не закусывают. Горе не сухарь – в стакане воды не размочишь [164]; (б) не способный выполнять свою функцию: *Горе не демонстрирует своих язв; унижение не пересчитывает обид (Т. Куинси). Горе не красит [164]. Горе не молодит. Печаль не красит, горе не цветит. Глуби моря не высушить, горю сердца не вымучить [163, с. 140, 150].**

5. Признак «**место** (+эмоция)»: *Горе может, конечно, душа таить, но тайного счастья она не переносит (И. Гете). Умей чувствовать рядом с собой человека, умей читать его душу, увидеть в его глазах его духовный мир – радость, беду, несчастье, горе (В. Сухомлинский). На небесах все – радость, в аду все – горе, в нашем же мире, что посредине, – и то и другое; мы живем*

меж двух крайностей, причастные обеим (Б. Грасиан-и-Моралес). Где радость, тут и горе; где горе, там и радость. В море (С морем) горе, а без него нет и того (о морских промыслах). Кто в море не бывал, тот и горя не видал [163, с. 149, 669]. Водюю плыть – осторожному быть, а морем – с горем [164]. У моря горе, у любви вдвое. Горе в чужой земле безъязыкому. В девках сижено – горе мыкано; замуж выдано – двое прибыло [163, с. 325-741]. Горе везде, как ветер в соснах. Край земли, конец моря – везде много горя. Море полно волн, а свет – горя. Горя вся вселенная, а я взял шапку и пошел. Было горе фашистской своре на земле, в небесах и на море. Горе, как и рваное платье, надо оставлять дома. За горем не за море: его в доме хватает. Дети и счастье дают, и горе несут. Радость держи в кармане, а горе – на аркане [164].

6. Признак **«источник (+эмоция)»**: *Подозрительность, мнительность, страх – три источника мнимого горя (И. Шевелев). Нужда и лишения порождают горе, а изобилие и обеспеченность – скуку (А. Шопенгауэр). Судьба, проказница-шалунья, Определила так сама: Всем глупым счастье от безумья, Всем умным – горе от ума (А. Грибоедов). Лучшие уж горе от ума, чем от его отсутствия (Чацкий). Раньше – горе от ума, а теперь – от Думы (Г. Александров). Горе не столько от ума, сколько от умников (А. Минченков). У женщин горе не от ума, а от денег (А. Минченков). Наш разум приносит нам подчас не меньше горя, чем наши страсти (С. Шамфор). Горе от бога, а неправда от дьявола. Подумаешь – горе; а раздумаешь – воля господня [163, с. 116, 191]. Глупым счастье от безумья, умным горе от ума. Недаром говорят: у дурака нет горя больше, как от языка. Горе, когда шумит море. Жадность всякому горю начало [164].*

7. Признак **«разрушение (+ объект: положительные эмоции / способности и др.)»**: *Безутешное горе и бурная радость действуют на человека почти одинаково, а когда они обрушиваются на нас врасплох, то могут вызвать такое потрясение и замешательство, что мы часто лишаемся всех своих способностей (Г. Филдинг). Чрезмерно сильное горе подавляет полностью нашу душу, стесняя свободу ее проявлений (М. Монтень). Горе – разрушение подготовленного иллюзиями будущего, и именно в нем видно, насколько несуществующи наши миры (Е. Ермолова). Великие страдания не слезливы. Человек, убитый горем, не плачет – он обливается кровью (Ф. Жерфо). Нужда (беда, горе) семерых задавила, а радость одному досталась. Горе что стрела разит. Не годы старят, горе [163, с. 140]. Горе старит, а радость молодит [164].*

8. Признак **«способ (+эмоция)»**: *Горе передается от человека к человеку. Оно становится все глубже, как вода на прибрежной отмели (Л. Сникет, 33 несчастья). Рассказывая о своем горе, часто его облегчаешь (П. Корнель). Это немое отчаяние было невыносимо, потому что всегда легче излить горе словами или слезами, чем таить его в себе (Д. Дефо, Робинзон Крузо). В горе, в несчастьи утешают себя мечтами (А. Гумбольдт). Самое неизлечимое горе – горе воображаемое (М. Эбнер-Эшенбах). Изучение было для меня главным средством против скуки жизни, и у меня не было такого горя, которое не*

раसेивалось после одного часа чтения (Ш. Монтескье). Не пытайся топить свое горе в вине. Оно умеет плавать (И. Миранд). Ты от горя прочь, а оно к тебе всочь (в-су-очь, т.е. встречу). Ты от горя за реку, а оно уж стоит на берегу. Ты к нему (т.е. к горю) спиной, а оно к тебе рылом. Ты от него (т.е. от горя) тетерись, а оно к тебе голубится. Нашего горя ни утопить, ни закопать. Нашего горя и топоры не секут [163, с. 156, 159]. Слезами горю не поможешь. Словами горю не поможешь [164]. Чужое горе оханьем пройдет [163, с. 611]. Горе калачом не закусывают. Горе не сухарь – в стакане воды не размочишь [164]. На радости выпить, а горе запить [163, с. 796]. Горе не море: выпьешь до дна. Зашивай горе в тряпичку! Горе с плеч долой. Скинь горе с плеч! Горе споро: сбудешь, да не скоро. Горе не сживешь скоро [163, с. 141-154]. Горе забывается со временем [164].

Наряду с дополнением исходного концепта ключевыми признаками, которые сохраняют в себе следы актантных связей, есть НЕ-предложения, которые эксплицируют когнитивные акты.

9. Категоризация (отнесение исходного концепта к более крупной категории): Кто крепок телом, может терпеть и жару, и холод. Так и тот, кто здоров душевно, в состоянии перенести и гнев, и горе, и радость, и остальные **чувства** (Эпиктет). Горе – самое стойкое из всех наших **чувств** (О. Бальзак). Умей чувствовать рядом с собой человека, умей читать его душу, увидеть в его глазах его **духовный мир** – радость, беду, несчастье, горе (В. Сухомлинский). Бедность, болезни, горе, лишение свободы и другие несчастья есть **плоды с нашего дерева грехов** (П. Чанакья).

10. Отождествление-концептуализация: **Сострадание** – есть горе о чужом несчастье, **зависть** – есть горе о чужом счастье (Плутарх). **Отчаяние** – горе слабых (Ж. Долан). Горе – это **беспокойство** души, когда она думает о потерянном благе, которым могла бы дольше наслаждаться, или когда она мучается из-за испытываемого ею в настоящий момент зла (Г. Лейбниц). Излишняя забота – такое же проклятие стариков, как **беззаботность** – горе молодежи (У. Шекспир). Горе – **разрушение** подготовленного иллюзиями будущего, и именно в нем видно, насколько несуществующи наши миры (Е. Ермолова). **Несчастливая любовь** – вот горе молодости, неудовлетворенное честолюбие омрачает зрелость, а бесплодная скупость – старость (О. Голдсмит). **Разгул страстей** – большое горе (В. Борисов). Горе и Скорбь – это **раны**, кровоточащие от любого прикосновения, кроме легкого касания руки Любви, но даже в этом случае кровотечение продолжается хотя уже и без боли (О. Уайльд). Горе – **ад** ума (В. Борисов). Способности – это счастье для человека, **талант** – это нередко горе (И. Шевелев). Горе есть **разновидность** созерцательного душевного **опыта** (С. Довлатов, Марш одиноких). Я от всей души посоветовал бы Вам не сгибаться под бременем горя. То, что представляется нам тяжкими испытаниями, иногда на самом деле – **скрытое благо** (О. Уайльд). Горе – **учитель** мудрых (Дж. Байрон). Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а **злая жена** – горе лютное (Даниил Заточник). Счастье – это только сон, а горе **действительность** (Вольтер). В бесконечных буднях и

горе – **праздник** и пожар – забава; на пустом лице и царапина – украшение (М. Горький, Детство). Ни у кого нет города; **город** – горе (на небесах); а настоящее есть путь (И. Златоуст). Горе наше – ржаная (или: гречневая) **каша**, а поел бы и такой, да нет никакой [163, с. 87]. Горе наше – гречневая **каша**; есть не хочется, а покинуть жаль. Горе наше – гречневая **каша**: есть не сможет, отстать не хочется [163, с. 677, 812]. Капля горя – **море гнева**. Горе – **море**, не переедешь. **Море** – горе, а без него – вдвое [164]. Горе – что **море**: ни переплыть, ни выплакать. **Море** – что горе: красно со стороны [163, с. 147, 277]. **Море**, что горе: и берегов не видно [163, с. 669]. Горе – что полая **вода**: все затопит, а потом сойдет [164]. Горе, что **годы**: бороздки прокладывает. Горе, что **ногти** (т.е. все растет); счастье, что кудри (т.е. скоро вянет). Горе что **стрела** разит. Горе – **лоскутья**, беда – трепетки. **Слепень** – горемыка: и с соломинкой летает (т.е. когда мальчишки воткнут) [163, с. 140-150]. Горе – **деньги**, вдвое – без денег [164]. **Подумаешь** – горе; а раздумаешь – воля господня. Иному горе – **ученье**, иному (глупому) – **мученье** [163, с. 116, 489]. **Пить** – горе; а не пить – вдвое [163, с. 796]. Детки – радость, **детки** ж и горе. Кривой не беда, а горе **криводушный** [163, с. 316, 382].

Акты отождествления в основном опираются на доминирующее сходство концептов, которое выражается синонимами, квазисинонимами, именами близких по содержанию эмоций, использованием описательных оборотов: *Сострадание – есть горе о чужом несчастье, зависть – есть горе о чужом счастье* (Плутарх). *Несчастливая любовь – вот горе молодости, неудовлетворенное честолюбие омрачает зрелость, а бесплодная скупость – старость* (О. Голдсмит). *Отчаяние – горе слабых* (Ж. Долан). *Бедность, болезни, горе, лишение свободы и другие несчастья есть плоды с нашего дерева грехов* (П. Чанакья). *Горе – это беспокойство души, когда она думает о потерянном благе, которым могла бы дольше наслаждаться, или когда она мучается из-за испытываемого ею в настоящий момент зла* (Г. Лейбниц).

В развитии концепта «горе», в представленных НЕ-предложениях выявлено **десять когнитивных областей**, объединенных общими признаками или общими когнитивными процессами. При этом предложенческая часть зоны содержит лингвистическую рефлексивность: НЕ-предложения, относящиеся к метаязыку, несущие знания о языке – номинативной деятельности: *Не следует верить всему, что внушает горе* (Публий Сир). *Сетование на горе – лукавство*. *Истинное горе – молчаливо* (Е. Ханкин). *Сильней страдают те, чье горе молчаливо* (Ж. Расин). *Настоящее горе слов не имеет* (А. Кушнер). *Поверьте, если человек говорит о своих несчастьях, значит, тема эта доставляет ему определенное удовольствие – ведь истинное горе бессловесно* (С. Джонсон). *Рассказывая о своем горе, часто его облегчаешь* (П. Корнель). *Это немое отчаяние было невыносимо, потому что всегда легче излить горе словами или слезами, чем таить его в себе* (Д. Дефо, Робинзон Крузо). *Не радуйтесь никогда чужому горю: оно с радостью может откликнуться на вашу радость!* (Л. Сухоруков). *Мимолетные горести богохульствуют и обвиняют небо, истинное горе не обвиняет и не богохульствует, оно внимлет* (А. Мюссе).

Кукушка кукует – горе вещует. Всякая щель пищит (т.е. где горе, там жалоба). Горе молчать не будет. Носи платье не складывай; терпи горе, не сказывай! Плачь, молода жена, да про свое горе никому не сказывай. Походя горе мычет. Чужое горе оханьем пройдет [163, с. 79-372, 611]. Словами горю не поможешь. Горе легкое – болтливо, тяжелое – безмолвно. У кого много горя, тот много говорит. Недаром говорят: у дурака нет горя больше, как от языка [164].

Синкретические значения НЕ-предложений раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков, добавляемых к концепту «горе»:

1. Признак **«сила + разрушение** (+ объект: положительные эмоции / способности и др.)»: *Безутешное горе и бурная радость действуют на человека почти одинаково, а когда они обрушиваются на нас врасплох, то могут вызвать такое потрясение и замешательство, что мы часто лишаемся всех своих способностей (Г. Филдинг). Чрезмерно сильное горе подавляет полностью нашу душу, стесняя свободу ее проявлений (М. Монтень). Великие страдания не слезливы. Человек, убитый горем, не плачет – он обливается кровью (Ф. Жерфо). Нужда (беда, горе) семерых задавила, а радость одному досталась. Не годы старят, горе [163, с. 140]. Горе старит, а радость молодит [164].*

2. Признак **«сила + разрушение** (+ объект: положительные эмоции / способности и др.) + отождествление-концептуализация»: *Горе – разрушение подготовленного иллюзиями будущего, и именно в нем видно, насколько несуществующи наши миры (Е. Ермолова). Горе что **стрела** разит [163, с. 140].*

3. Признак **«сила (+эмоция) + отождествление-концептуализация**»: *Я от всей души посоветовал бы Вам не сгибаться под бременем горя. То, что представляется нам тяжкими испытаниями, иногда на самом деле – скрытое благо (О. Уайльд). Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютое (Даниил Заточник). Капля горя – **море гнева** [164].*

4. Признак **«сила + способ (+эмоция)**»: *Горе передается от человека к человеку. Оно становится все глубже, как вода на прибрежной отмели (Л. Сникет, 33 несчастья). Ты от горя прочь, а оно к тебе всочь (в-су-очь, т.е. встречу). Ты от горя за реку, а оно уж стоит на берегу. Ты к нему (т.е. к горю) спиной, а оно к тебе рылом. Ты от него (т.е. от горя) тетеришься, а оно к тебе голубится [163, с. 159].*

5. Признак **«способ + сила (непреодолимость)** как каузация способа избавления от горя»: *Самое неизлечимое горе – горе воображаемое (М. Эбнер-Эшенбах). Не пытайся топить свое горе в вине. Оно умеет плавать (И. Миранд). В горе, в несчастье утешают себя мечтами (А. Гумбольдт). Горе калачом не закусывают. Горе не сухарь – в стакане воды не размочишь [164]. Горе не море: выпьешь до дна. Зашивай горе в тряпичку! Горе с плеч долой. Скинь горе с плеч! Нашего горя ни утопить, ни закопать. Нашего горя и топоры не секут. На радости выпить, а горе запить [163, с. 152-156, 796]. Слезами горю не поможешь [164].*

6. Признак «**способ** + **сила** (непреодолимость) как каузация способа избавления от горя + метаязык»: *Рассказывая о своем горе, часто его облегчаешь* (П. Корнель). *Это немое отчаяние было невыносимо, потому что всегда легче излить горе словами или слезами, чем таить его в себе* (Д. Дефо, Робинзон Крузо). *Словами горю не поможешь* [164]. *Чужое горе оханьем пройдет* [163, с. 611].

7. Признак «**инструмент** + **сила** (непреодолимость) как каузация способа избавления от горя»: *Ни плачем заплакать, ни смехом засмеять горю* [163, с. 149]. *Слезами горю не поможешь. Словами горю не поможешь. Гореванием горю не поможешь – только новое лихо наживешь* [164]. *Наше горе не избывчивое, а приживчивое. Нашего горя ни утопить, ни закопать. Нашего горя и топоры не секут* [163, с. 156]. *Горе да нужду обухом не перешибешь. Горе калачом не закусывают. Горе не сухарь – в стакане воды не размочишь* [164].

8. Признак «**инструмент** + **длительность** (+эмоция)»: *В горе жить, не помочь что тужить* [163, с. 149].

9. Признак «**длительность** + **способ** + **сила** (непреодолимость) как каузация способа избавления от горя»: *Изучение было для меня главным средством против скуки жизни, и у меня не было такого горя, которое не рассеивалось после одного часа чтения* (Ш. Монтескье). *Горе споро: сбудешь, да не скоро. Горе не сживешь скоро* [163, с. 141]. *Горе забывается со временем* [164].

10. Признак «**длительность** (+эмоция) + отождествление-концептуализация»: *Горе, что годы: бороздки прокладывает* [163, с. 140].

11. Признак «**источник** (+эмоция) + отождествление-концептуализация»: *Подумаешь – горе; а раздумаешь – воля господня* [163, с. 116].

12. Признак «**источник** (+эмоция) + метаязык»: *Недаром говорят: у дурака нет горя больше, как от языка* [164].

13. Признак «категоризация + **место** (+эмоция)»: *Умей чувствовать рядом с собой человека, умей читать его душу, увидеть в его глазах его **духовный мир** – радость, беду, несчастье, горе* (В. Сухомлинский).

14. Признак «категоризация + **сила** (+эмоция)»: *Горе – самое стойкое из всех наших чувств* (О. Бальзак).

Таким образом, вторая часть синтаксической зоны анализируемой НП *горе* является наиболее полной, так как включает НЕ-предложения, представляющие десять когнитивных областей: «**сила** (+эмоция)», «**причина** (+эмоция)», «**длительность** (+эмоция)», «**инструмент** (+эмоция)», «**место** (+эмоция)», «**источник** (+эмоция)», «**разрушение** (+ объект: положительные эмоции / способности и др.)», «**способ** (+эмоция)», категоризация, отождествление-концептуализация, в отличие от второй части синтаксических зон НП *тоска*, *печаль*, *грусть*, первая из которых демонстрирует восемь когнитивных областей, вторая – семь, последняя представлена шестью областями.

Во второй части синтаксических зон НП *тоска*, *грусть*, *печаль*, *горе* имеются общие когнитивные области: «**сила** (+эмоция)», «**инструмент**

(+эмоция)», отождествление-концептуализация. В процессе реконструкции значений также выявлены разные смысловые оттенки, закрепленные за областями, которые участвуют в развитии следующих концептов:

«тоска» – «(эмоция +) **следствие-результат** (+ условие/ причина)», «**место** (+эмоция)», «**источник** (+эмоция)», «**разрушение** (+ объект: положительные эмоции / способности)», категоризация;

«грусть» – «**причина** (+эмоция)», «**длительность** (+эмоция)», «**влияние** (+эмоция-субъект)»;

«печаль» – «**длительность** (+эмоция)», «**место** (+эмоция)», «**источник / каузатор** (+эмоция)», категоризация;

«горе» – «**причина** (+эмоция)», «**длительность** (+эмоция)», «**место** (+эмоция)», «**источник** (+эмоция)», «**разрушение** (+ объект: положительные эмоции / способности)», «**способ** (+эмоция)», категоризация.

При этом внутренний признак «сила» является доминирующим в развитии концептов «грусть», «печаль» и «горе», так как порождает бóльшую часть концептов в синтаксической зоне, что нельзя сказать по отношению к концепту «тоска». В развитии концепта «тоска» преобладающими являются НЕ-предложения, которые эксплицируют когнитивные акты: категоризация и отождествление-концептуализация.

В развитии исходного слова *горе* выделены лексическая, фразеологическая, словообразовательная и синтаксическая зоны, из которых наиболее продуктивной является синтаксическая. Так, лексическая зона представлена двумя областями, фразеологическая – двенадцатью областями, словообразовательная – семью областями, первая часть синтаксической зоны – девятью областями, вторая часть синтаксической зоны – десятью областями. В разных зонах НП *горе* отмечаем совпадающие области, что свидетельствует об **изоморфизме структуры** – возможности передачи одних и тех же областей разными языковыми единицами: «**сила** (+эмоция)», «**источник** (+эмоция)», «**длительность** (+эмоция)», «**способ** (+эмоция)», «**место** (+эмоция)» – во фразеологической и синтаксической зонах.

Изоморфизм пронизывает не только зоны, но и НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*. Совпадающие области фиксируем в разных зонах НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*: «**сила** (+эмоция)», «**источник** (+эмоция)», «**длительность** (+эмоция)» во фразеологической и синтаксической зонах. Данные области отражают присутствие когнитивного неполного изоморфизма в НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*.

Выводы по 2 разделу

Когнитивно-номинативная парадигматизация развития эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» позволила представить:

1. Синхронный срез филогенетического номинативного и когнитивного развертывания производящего слова и его когнитивного аналога – категории-концепта, выявить высокую продуктивность фразообразования, создающего НЕ-словосочетания и НЕ-предложения; когнитивный неполный изоморфизм разных зон и НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*, а также разные

концептуальные признаки, закрепленные за областями в зонах НП, которые участвуют в развитии концептов.

2. Внутренняя сторона НД протекает как акты познания, включающие категоризацию и концептуализацию, а внешняя сторона как номинативные акты с использованием способов номинации: семантической деривации, фразеобразования, словообразовательной деривации, фразеобразования, создающие НЕ: переносные значения, фразеологизмы, производные слова, словосочетания, предложения. На первой ступени НЕ объединяются внутри парадигм в зоны: лексическую, фразеологическую, словообразовательную, синтаксическую. Вторую ступень образуют области, в которых объединяются НЕ, созданные для расширения исходного концепта общими признаками и новые интегрированные концепты.

3. В результате когнитивной реконструкции значений НЕ, систематизированных НП, определены следующие концепты-расширители, образованные по аддитивному типу, со структурой «эмоция + признак», которые участвуют в развитии концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе»:

– 12 концептуальных признаков во фразеологической зоне: «сила (+эмоция)» – «источник (+эмоция)» – «объект (+эмоция)» – «субъект (+эмоция)» – «лицетворяющий субъект (+эмоция)» – «побудитель (+эмоция)» – «среда (+эмоция)» – «способ (+эмоция)» – «состояние (+эмоция)» – «место (+эмоция)» – «длительность (+эмоция)» – «мена обладателя: первый обладатель + лишение / передача + (эмоция) + второй обладатель»;

– 9 концептуальных признаков в словообразовательной зоне: эмоция + выше / ниже нормы – эмоция-признак / отвлеченный + эмоция – субъект + эмоция-признак / предметный + эмоция – субъект + эмоция-признак / свойственный + эмоция – субъект + эмоция-признак / склонный + эмоция – субъект + эмоция-признак / отрицательный + эмоция – субъект + эмоция-признак / отсутствие + эмоция – субъект + состояние + эмоция-содержание – эмоция + половина;

– 10 концептуальных признаков в первой части синтаксической зоны: «сила + степень (+эмоция)» – «неуправляемость (+эмоция)» – «длительность (+эмоция)» – «характер (+эмоция)» – «неидентифицируемость (+эмоция)» – «оценка (+эмоция)» – «источник / каузатор (+эмоция)» – «проявление (+эмоция)» – «влияние (+эмоция-субъект)» – «распространение (+эмоция)»;

– 9 концептуальных признаков во второй части синтаксической зоны: «сила (источник)» – «(эмоция +) следствие-результат (+ условие / причина)» – «длительность (+эмоция)» – «инструмент (+эмоция)» – «место (+эмоция)» – «источник (+эмоция)» – «разрушение (+ объект: положительные эмоции / способности)» – «способ (+эмоция)» – «влияние (+эмоция-субъект)».

4. Концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами, раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков или за счет пропозиции, включающей актанта-трансформы: синкретичный «субъект-объект», «субъект-инструмент»; контрагент – роль возможного участника ситуации, второго активного участника ситуации при несовпадении действий двух субъектов: предикат полностью охватывает действие только субъекта.

5. Концепты-синкреты, обозначенные НЕ-словосочетаниями, раздвигают концепт-«область» за счет 18 дополнительных признаков: «сила + неуправляемость (+эмоция)» – «сила + неуправляемость (+эмоция) + метаязык» – «сила + распространение (+эмоция)» – «сила + распространение + проявление (+эмоция)» – «сила + отрицательная оценка (+эмоция)» – «сила + проявление (+эмоция)» – «сила (+эмоция) + метаязык» – «сила + влияние (+эмоция-субъект)» – «сила + характер (+эмоция)» – «характер + положительная оценка (+эмоция)» – «характер + источник / каузатор (+эмоция)» – «характер + распространение (+эмоция)» – «характер (+эмоция) + энантиосемия» – «источник / каузатор (+эмоция) + энантиосемия» – «отсутствие антикаузатора + метаязык» – «проявление + положительная оценка (+эмоция)» – «проявление + влияние (+эмоция-субъект)» – «проявление (+эмоция) + метаязык».

6. Концепты-синкреты, представленные НЕ-предложениями, раздвигают концепт-«область» за счет 33 дополнительных признаков: «сила + длительность (+эмоция)» – «сила + источник / каузатор (+эмоция)» – «сила + место (+эмоция)» – «сила + место + источник (+эмоция)» – «сила + место + разрушение (+ объект: положительные эмоции / способности)» – «сила + способ (+эмоция)» – «сила + влияние (+эмоция-субъект)» – «сила + влияние (+эмоция-субъект) + отождествление-концептуализация» – «сила + разрушение (+ объект: положительные эмоции / способности и др.)» – «сила + разрушение (+ объект: положительные эмоции / способности и др.) + отождествление-концептуализация» – «сила (+эмоция) + категоризация» – «сила (+эмоция) + отождествление-концептуализация» – «сила (+эмоция) + метаязык» – «сила (непреодолимость) как каузация способа избавления + длительность (+эмоция)» – «сила (непреодолимость) как каузация способа избавления + метаязык» – «инструмент + сила (непреодолимость) как каузация способа избавления» – «способ + сила (непреодолимость) как каузация способа избавления» – «способ + сила (непреодолимость) как каузация способа избавления + метаязык» – «длительность + способ + сила (непреодолимость) как каузация способа избавления» – «длительность + место (+эмоция)» – «длительность + инструмент (+эмоция)» – «длительность (+эмоция) + отождествление-концептуализация» – «длительность (+эмоция) + метаязык» – «причина (+эмоция) + метаязык» – «источник / каузатор + длительность (+эмоция)» – «источник / каузатор + место (+эмоция) + отождествление-концептуализация» – «источник / каузатор (+эмоция) + отождествление-концептуализация» – «источник (+эмоция) + метаязык» – «место (+эмоция) + категоризация» – «место (+эмоция) + метаязык» – «(эмоция +) следствие-результат (+ условие) + место (+эмоция)» – категоризация + метаязык – отождествление-концептуализация + метаязык.

7. Вследствие концептуального и семантического методов анализа выявлены 4 вида метафорических образов-репрезентантов концептов, отмеченные НЕ-словосочетаниями: 1) «цвет (источник)»; 2) «животные / птицы / материалы (типы носителей)»; 3) «место как источник»; 4) «ритуал как источник».

8. Определены 6 случаев концептуальной интеграции внеязыковых концептов, происходящей на основе оппозиции-энантиосемии, отражаемые НЕ-словосочетаниями, а также языковые концепты, маркируемые метаязыком, в количестве 13 НЕ-словосочетаний и 46 НЕ-предложений.

9. В результате сравнительно-сопоставительного анализа концептуальных признаков в структурах когнитивно-номинативных парадигм изучаемых концептов установлено, что внутренний признак «сила» является доминирующим в развитии концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», так как порождает бóльшую часть концептов в зонах, представляя параметры эмоций носителей языка.

10. Изоморфизм пронизывает не только зоны, но и НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*. Совпадающие области зафиксированы в разных зонах НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*: «сила (+эмоция)», «источник (+эмоция)», «длительность (+эмоция)» во фразеологической и синтаксической зонах. Данные области отражают присутствие когнитивного неполного изоморфизма в НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*.

3 СИНОНИМИЯ КАК АСПЕКТ СТРУКТУРИРОВАНИЯ КОГНИТИВНО-НОМИНАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

3.1 Ключевые концепты в структуре языкового сознания

ЯКМ формируется системой ключевых концептов и связывающих их ключевых идей, или сквозных мотивов, которые дают «ключи» к ее пониманию. По А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелеву, ключевые для русской ЯКМ концепты заключены в таких словах, как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость, обида, попрек, собираться, добираться, постараться, сложилось, довелось, заодно* и др., так как ключевыми идеями для русской ЯКМ являются:

1) Идея непредсказуемости мира: *а вдруг, на всякий случай, если что, авось; обойдется, пронесет; собираться, стараться; вышло, получилось, сложилось; угораздило; добираться; счастье.*

2) Представление о том, что для любого действия необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно: *собираться, заодно.*

3) Представление о том, что для того чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи; однако, если это пространство необжитое, то это тоже создает внутренний дискомфорт: *тоска, удаль, воля, раздолье, размах, ширь, широта души, маяться, неприкаянный, добираться.*

4) Внимание к нюансам человеческих отношений: *друг, общение, отношения, попрек, обида, родной, разлука, соскучиться, просить, просьба.*

5) Идея справедливости: *справедливость, правда, обида.*

6) Оппозиция «высокое – низкое»: *быт – бытие, истина – правда, долг – обязанность, добро – благо, радость – удовольствие; счастье.*

7) Идея, что хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует: *искренний, хохотать, душа нараспашку.*

8) Идея, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды: *расчетливый, мелочный, удаль, размах* [173, с. 10-11].

Кроме этого А.Д. Шмелев выделяет такие лексические единицы, которые наиболее ярко отражают характер «русской души», и классифицирует их по следующим основаниям:

1) Слова, соответствующие аспектам универсальных философских концептов: *правда – истина, долг – обязанность, свобода – воля, добро – благо* и т.д.

2) Слова, соответствующие понятиям, особенно значимым для русской культуры и сознания: *судьба, душа, жалость* и др.

3) Слова, ярко отражающие специфику «русской ментальности», соответствующие уникальным русским понятиям: *тоска, удаль* и др.

4) «Мелкие» слова для характеристики «русской ментальности»: *авось, небось, видно, да ну, -ка, ну* и др. [49, с. 25-36].

По мнению А. Вежбицкой, «в наиболее полной мере особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры: *душа, судьба* и *тоска*, которые

постоянно возникают в повседневном речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература (как «высокая», так и народная)» [43, с. 33]. Основными семантическими признаками концептов «душа», «судьба» и «тоска» считаются эмоциональность, «иррациональность / нерациональность», неагентивность, любовь к морали [43, с. 33-34].

Ю.С. Степанов систематизирует ценности русской культуры, заложенные в концептах, которые присутствуют постоянно – «константы» и являются базовыми, так как выявляются в своих истоках (этимологический признак) и прослеживаются через взгляды мыслителей, писателей (актуальный признак) и рядовых членов современного общества (пассивный признак): *вечное – вечность, мир, быть – существовать, время, огонь – вода, хлеб, действие, ремесло, слово, вера, любовь, радость, воля, правда – истина, знание, наука, число – счет, письмо – алфавит, закон, свои – чужие, Русь – Россия – русские – россияне, родная земля, цивилизация, человек – личность, душа, мир (община), мецанство, интеллигенция, совесть – нравственный закон – мораль, деньги – бизнес, страх – тоска, грех, грусть – печаль, дом – уют, язык, причина – цель, эволюция* [45]. Данные концепты ученый подразделяет на априорные (доопытные) и апостериорные (опытные), первые из которых существуют в силу устройства человеческого ума: *число – счет, язык, цивилизация, интеллигенция* и др., а вторые – культуры: *вера, любовь, радость, страх – тоска, грусть – печаль, свои – чужие, родная земля, действие, ремесло, дом – уют* и др. [45, с. 77].

С прагматической точки зрения А.Я. Гуревич разграничивает концепты культуры на философские или универсальные категории культуры: *время, пространство, причина, изменение, движение* и социально-культурные категории: *свобода, право, справедливость, труд, богатство, собственность* [174].

С социологической точки зрения Д.С. Лихачев концепты культуры классифицирует на следующие группы: 1) универсальные: *смерть, жизнь*; 2) этнические: *отчизна, интеллигенция*; 3) групповые: *цена*; 4) индивидуальные [175, с. 280-287].

В.А. Маслова концепты культуры распределяет по сферам: 1) мир – *пространство, время, число, родина*; 2) стихии и природа – *вода, огонь, дерево, цветы*; 3) представления о человеке – *новый русский, интеллигент, гений, дурак, юродивый, странник*; 4) нравственные концепты – *совесть, стыд, грех, правда, истина, искренность, ложь*; 5) социальные понятия и отношения – *свобода, воля, дружба, война* и т.д.; 6) эмоциональные концепты – *тоска, счастье, радость*; 7) мир артефактов – *храм, дом, геральдика, сакральные предметы (колокол, свеча и др.)*; 8) концептосфера научного знания – *философия, филология, математика* и т.д.; 9) концептосфера искусства – *архитектура, живопись, музыка, танец* и т.д. [2, с. 75-270].

По степени значимости (актуальности) выделяются фундаментальные или базовые (ключевые) и нефундаментальные концепты, первые из которых составляют фундамент ЯКМ, а вторые квалифицируют их и реализуют типы

отношений. Так, по М.В. Пименовой, к фундаментальным или базовым (ключевым) концептам относятся:

1) Космические концепты (*небо, земля, планета, солнце, звезда, луна, комета*), которые включают следующие субклассы: а) метеорологические концепты (*погода, осадки, туча, гроза, дождь, гром, снег*); б) биологические концепты (*человек, птица, зверь, насекомое, змея, рыба, растение, цветок, дерево, куст, трава, ягода, фрукты, овощи*), построенные на понятийных оппозициях «живое-неживое», «съедобное-несъедобное», «рукотворное-природное», «человек-нечеловек»; пищевые (*ритуальная пища, повседневная еда, национальная кухня*), соматические (*тело/плоть, голова, сердце, печень*), перцептивные (*зрение, вкус, слух, предчувствие*) и др.; в) ландшафтные концепты (*поле, лес, луг, роца, чаща, бор, тайга, степь, гора, холм, озеро, море, река, океан, дорога*) и географические концепты (*Москва, Петербург, Нью-Йорк, Кузбасс*); г) предметные концепты, включая артефактные концепты (*строение, завод, фабрика, конвейер, механизм, инструмент, посуда*).

2) Социальные концепты, которые образуют: а) концепты стран (*Россия, Германия, Франция, Китай, страна, общество, государство*); б) концепты социального статуса (*элита, «верхи-низы», крестьянин, рабочий, правитель (вождь, князь, царь, император, генсек, президент), богатый, бедный, ремесленник (гончар, плотник, кузнец), интеллигент, ученый, раб*); в) концепты национальности (*русский, немец, китаец, американец, француз*); г) концепты власти и управления (*демократия, диктатура, свобода, воля, кризис*); д) концепты интерперсональных отношений (*влияние, независимость, соборность, рабство, подчинение, власть, родство, мир, война*); е) моральные (этические) концепты (*честь, долг, обязанность, совесть, стыд, раскаяние, корысть, лесть, подлость, измена, верность*); ж) концепты занятий (*труд, ремесло, игра, образование, праздник, дело*); з) религиозные концепты (*Богоматерь, Бог, святой, икона, храм, Спас*).

3) Психические (духовные) концепты, которые формируют концепты внутреннего мира (*душа, дух, сердце*): а) концепты характера (*азартность, беспутность, терпение, благодушие, великодушие, гордость, грубость, доверчивость, мечтательность*); б) концепты эмоций (*веселье, радость, счастье, злость, грусть, ликование, страдание, ревность, тоска, тревога, любовь*); в) ментальные концепты (*знание, ум, мысль, понимание, память, представление, разум, рассудок, воображение, вдохновение, сознание*).

К нефундаментальным концептам принадлежат концепты-дескрипторы, которые включают дименсиональные концепты (*размер, объем, глубина, высота, вес и др.*), качественные концепты (*тепло-холод, целостность-партиитивность, твердость-мягкость*), количественные концепты (*один, много, мало, достаточно-недостаточно*), и концепты-релятивы, к которым относятся концепты-оценки (*хорошо-плохо, правильно-неправильно, вредно-полезно, вкусно-невкусно*), концепты-позиции (*против, вместе, между, впереди-позади, рядом, вверху-внизу, близко-далеко, современный-несовременный*), концепты-привативы (*свой-чужой, брать-отдавать, владеть-терять, включать-исключать*) [176].

Данная трехчленная понятийно-категориальная классификация представляет содержательную характеристику мегаклассов концептов и является важной для ЯКМ, так как определяет статус того или иного концепта в культуре.

М.В. Пименова также классифицирует концепты культуры по тому или иному признаку. Так, по признаку появления концепты национальной концептосферы исследователь подразделяет на исконные и заимствованные [177, с. 11-12]. Исконными русскими концептами, по данным этимологии, являются *тоска* – др.-русск. *тъска* «стеснение; горе, печаль; беспокойство, волнение» [178]; *печаль* – др.-русск., ст.-слав. печаль – горе, забота, раздражение от общеслав. *pecalь* из *pekti se* – пекусь [179]; *горе* – ст.-слав. горе, общеслав. *gorje* – беда, мука, печаль, скорбь; *грусть* – ст.-слав. грущение – печаль, грустость – горе от общеслав. *gruzть* [180]. К заимствованным концептам относятся *меланхолия* – лат. *melancholia* – «разлитие черной желчи», депрессия, греч. *melancholia* от *melas* – черная и *chole* – желчь [181]; *сплин* – из англ. *spleen* «хандра, меланхолия» через ст.-франц. *esplen* от греч. «селезенка» [179]; *ипохондрия* – через польск. *hipochondria* или лат. *hypochondria* от греч. «часть тела ниже грудной кости», заболеванием которой старая медицина объясняла меланхолию [181]; *хандра* – из лат. *hypochondria* от греч. «живот, то, что под грудинным хрящем», от «хрящ» [178].

По признаку развития структуры различаются развивающиеся и застывшие концепты. Развивающиеся концепты активно используются в национальной концептосфере, пополняют свою структуру новыми признаками. Развивающимися концептами являются «тоска», «грусть», «печаль», «горе», так как, по результатам когнитивной реконструкции значений НЕ, систематизированных НП, выявлены концепты-расширители, образованные по аддитивному типу, со структурой «эмоция + признак»; концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами, и пропозиции, включающие актанты-трансформы; концепты-синкреты, обозначенные НЕ-словосочетаниями и НЕ-предложениями; виды метафорических образ-репрезентантов концептов, отмеченные НЕ-словосочетаниями; случаи концептуальной интеграции внеязыковых концептов, происходящей на основе оппозиции-энантиосемии, отражаемые НЕ-словосочетаниями, а также языковые концепты, маркируемые метаязыком, представленные НЕ-словосочетаниями и НЕ-предложениями, что демонстрирует 2 раздел диссертации п. 2.3.1, 2.3.2, 2.3.3, 2.3.4. В 3 разделе п. 3.2.1, 3.2.2, 3.2.3, 3.2.4, 3.2.5 описаны метафорические образы-репрезентанты концептов, выделены ассоциативные признаки как живой, так и неживой природы, которые систематизированы в свете кодов культуры, т.е. показано не только метафорически-образное расширение структуры содержания эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», но и связь с другими концептами.

По признаку постоянства базовой структуры концепты бывают постоянными (сохранившимися) и трансформировавшимися. Постоянными концептами являются те, у которых понятийная и ценностная часть структуры

концепта не изменилась, несмотря на исчезновение или трансформацию референтов. Так, по данным лексических зон НП, понятийная и ценностная часть структуры концепта «тоска» отражена в концептах «грусть», «печаль», «горе». В результате сравнительно-сопоставительного анализа концептуальных признаков в структурах когнитивно-номинативных парадигм изучаемых концептов установлено, что внутренний признак «сила» является доминирующим в развитии концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», так как порождает бóльшую часть концептов в зонах, отражая параметры эмоций носителей языка. Изоморфизм пронизывает не только зоны, но и НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*. Совпадающие области зафиксированы в разных зонах НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*: «сила (+эмоция)», «источник (+эмоция)», «длительность (+эмоция)» во фразеологической и синтаксической зонах.

По признаку первичности концепты делятся на первичные (основные) и производные. Основные концепты появились первыми и послужили основой для развития производных, на которые указывают производные слова – репрезентанты концепта. По данным словообразовательных зон НП, производными слова *тоска* являются *тощица*, *тоскливый*, *тосковать*, которые маркируют три когнитивные области с одним концептом в каждой из них: *тоска* + *выше нормы* – субъект + *тоска-признак* / склонный + *тоска* – субъект + *состояние* + *тоска-содержание*; производными слова *грусть* выступают *грустинка*, *грустный*, *грустить*, которые представляют три когнитивные области с одним концептом: *грусть* + *ниже нормы* – субъект + *грусть-признак* / склонный + *грусть* – субъект + *состояние* + *грусть-содержание*; производными слова *печаль* отмечаются *печальный*, *беспечальный*, *печалить*, *печаловать*, которые демонстрируют три когнитивные области (3 и 4-е производное слово образуют одну область) с одним концептом в каждой из них: субъект + *печаль-признак* / склонный + *печаль* – субъект + *печаль-признак* / отсутствие + *печаль* – субъект + *состояние* + *печаль-содержание*; производными слова *горе* являются *горюшко*, *горесть*, *горюн*, *горюха*, *горюша*, *горево*, *горевать*, *горемыкать*, *горе-богатырь*, *горе-охотник*, *горе-писатель*, *горе-руководитель*, *горе-рыбак*, *горе-рыболов*, *горе-хозяйственник*, *полгоря*, которые отражают семь когнитивных областей с одним концептом в каждой из них: *горе* + *ниже нормы* – *горе-признак* / отвлеченный + *горе* – субъект + *горе-признак* / предметный + *горе* – субъект + *горе-признак* / свойственный + *горе* – субъект + *состояние* + *горе-содержание* – субъект + *горе-признак* / отрицательный + *горе* – *горе* + *половина*. Таким образом, словообразовательная зона НП *горе* является наиболее полной, так как демонстрирует семь когнитивных областей с одним концептом в каждой из них, что нельзя сказать о словообразовательных зонах НП *тоска*, *грусть* и *печаль*, представленных тремя когнитивными областями, содержание которых варьируется: *тоска* + *выше нормы*; *грусть* + *ниже нормы*; субъект + *печаль-признак* / отсутствие + *печаль*, то есть в каждой из словообразовательных зон имеется по одному отличительному признаку.

Таким образом, по утверждению А. Вежбицкой, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, В.А. Масловой, М.В. Пименовой, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелева, а также, по результатам зон НП, эмоциональные концепты «тоска», «грусть», «печаль», «горе» являются фундаментальными или базовыми (ключевыми), уникальными, исконными, постоянными, первичными и развивающимися. Приведенные выше классификации концептов взаимодополняют друг друга и пересекаются, демонстрируют многогранность и полиаспектность в силу того, что языковая единица полифункциональна, как неоднородно и ее концептуальное содержание. Использование различных параметров и критерий выделения, методов и приемов исследования концептов на основе интегративного подхода показывает, что содержание концептов вариативно и зависит от множества факторов, важными из которых являются язык, сознание и культура.

Внутренняя и внешняя жизнь человека, ценности материальной и духовной культуры, взаимодействие человека с миром и с самим собой – все эти явления обозначаются в языке, создавая образ социума, представителя культуры, участника межкультурной коммуникации и образ индивида – носителя определенного языка, что обусловило множественность подходов в науке и полиаспектуализацию объекта самой лингвистики. Актуальными на современном этапе являются работы по исследованию ключевых концептов культуры, когнитивных аспектов языка, в частности, когнитивная интерпретация носителей разных языков фрагментов своего внутреннего мира:

1) Эмоциональные концепты исследуют В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян [11], Е.Н. Белая [12], [13], Н.А. Красавский [14], А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз [15], М.В. Пименова [16], К.О. Погосова [182], Е.Е. Стефанский [17], В.И. Шаховский [18]: концепты «безразличие» А.В. Белобородова [183], «восторг» М.В. Енева [184], А.М. Заворина [185]; «восхищение» С.Н. Погожая [186]; «гнев» М.В. Маркина [187], Н.П. Мельниченко [188], И.Ю. Никишина [189], Я.А. Покровская [190]; «гнев» и «восторг» Т.Н. Яблокова [191]; «гнев», «страх» и «радость» П.М. Омарова [192]; «гордость» и «стыд» С.А. Малахова [193]; «горе» В.Н. Базылев [37], Л.В. Мальцева [194]; «горе», «беда» и «несчастье» Л.В. Мальцева [195]; «грусть» и «гнев» А. Вежбицкая [196]; «досада» Е.Е. Стефанский [197]; «душа» и «дух» М.В. Пименова [198]; «душа» и «сердце» О.Н. Кондратьева [29]; «жалость» В.С. Мельникова [199]; «зависть» и «ревность» И.В. Несветайлова [200], Е.Е. Стефанский [201]; «злость» Ю.В. Крылов [202]; «красота» Ю.В. Мещерякова [19]; «любовь» Л.Е. Вильмс [203], Т.Н. Данькова [30], Л.Э. Кузнецова [204], Т.В. Соловьёва [205]; «любовь» / «ненависть» Е.Ю. Балашова [20], Э.Р. Хутова [206]; «мученичество» Л.Н. Мишина [207]; «обида» М.Ч. Бганба [208], Е.Е. Стефанский [209]; «оскорбление» Е.Н. Егорова [210], Г.В. Кусов [211]; «печаль» И.Ю. Вертелова [212], Е.А. Пименов [213]; «радость» Е.Н. Белая [21], О.В. Витенкова [38], О.И. Кирьякова [22], Д.В. Сергеева [23]; «радость» и «горе» И.Г. Заяц [214]; «радость», «горе» и «страх» Р.М. Валиева [24]; «радость» и «печаль» Л.В. Шубина [31]; «радость» и «удовольствие» А.Б. Пеньковский [215]; «разочарование» А.М. Брагин [216]; «ревность» Н.А. Юшкова [32]; «сердце»

М.В. Пименова [177]; «скука» Г.Е. Маханова [33], Е.Н. Сороченко [34]; «смех» и «страх» Е.Е. Стефанский [217]; «страсть» С.В. Валиулина [218]; «страх» О.О. Будянская, Е.Ю. Мягкова [25], А.М. Булатова [219], Е.Ю. Бутенко [220], С.В. Зайкина [26], Н.В. Кириллова [221], С.В. Минибаева [222], А.Ю. Шаюк [223]; «страх» и «печаль» И.А. Волостных [39]; «стыд», «вина» и «раскаяние» И.Г. Колиева [224]; «счастье» С.Г. Воркачев [40], Д.Д. Лагаева [225]; «счастье» и «блаженство» О.М. Михайленко [226]; «счастье» и «наслаждение» А.А. Зализняк [227]; «счастье» / «несчастье» И.Б. Русакова [228]; «тоска» А.Ш. Василова [41], Е.В. Димитрова [27], С.А. Старостина [35], Е.Е. Стефанский [46], А.Л. Топорков [47]; «тоска», «грусть» и «печаль» В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева [42], Ю.С. Степанов [45]; «тоска» и «радость» К.В. Шмугурова [36]; «удивление» Н.В. Дорофеева [28]; «улыбка» / «смех» А.А. Габриелян [229] и др.

2) Проводится исследование ментальных концептов: концепты «безумие» рассматривают О.П. Ермакова [230], Ю.В. Жевайкина [231], С.В. Селин [232]; «вдохновение» В.М. Головатина [233]; «внимание» Э.М. Ризяпова [234]; «глупость» Е.Н. Бочарова [235], Т.И. Полищук [236]; «знание / познание» А.В. Свиридова [237]; «идея» М.В. Пименова, Е.А. Пименов [238]; «интеллект» А.В. Крюков [239], Т.В. Леонтьева [240]; «интерес» С.А. Шишкина [241]; «мечта» С.А. Сергеев [242]; «мудрость» Л.Н. Горянова [243]; «мысль» Е.П. Бондарева [244]; «обман» Н.Н. Панченко [245], И.Э. Федюнина [246]; «остроумие» Т.М. Григоренко [247]; «память» О.В. Шаталова [248]; «память / забвение» М.Г. Сабадашова [249]; «разум» В.В. Тугарева [250]; «рассудок» М.В. Пименова [251]; «ум» Е.В. Дзюба [252], М.Д. Мамедова [253]; «ум / глупость» И.В. Кириллова [254], А.А. Мишин [255]; «ум / разум» Н.М. Сергеева [256]; «учение» М.Ю. Конобеева [257]; «*homo sapiens*» Л.Б. Никитина [258] и др.

3) Осуществляется изучение категориальных концептов: концепты «война» анализируют Л.Н. Венедиктова [259], Г.И. Зиатдинова [260]; «воля» Н.М. Катаева [261], Е.В. Красильникова [262]; «время» О.А. Андреева [263], З.М. Дударева [264], Л.Н. Михеева [265]; «дружба» О.А. Арапова [266], М.А. Хизова [267]; «дружба – мир – вражда» О.М. Лунцова [268]; «жизнь» О.А. Ипанова [269]; «жизнь / смерть» Е.В. Дзюба [270], В.В. Тарасенко [271]; «закон» И.В. Палашевская [272]; «истина» Н.Д. Арутюнова [273], О.А. Максимчик [274]; «истина / правда» М.И. Агиенко [275]; «истина / правда / ложь» Н.А. Земскова [276]; «причина» Ю.С. Степанов [277]; «пространство» Д.В. Калуженина [278], О.А. Майорова [279], Н.В. Полякова [280], Е.В. Пупынина [281]; «пространство / время» Ю.Ю. Данилова [282]; «свобода» Т.Г. Ардашева [283], А.Д. Кошелев [284], А.С. Солохина [285] и др.

4) Подвергаются рассмотрению этические концепты: концепты «вежливость» изучают А.Г. Богданова [286], Е.А. Зацепина [287], Т.В. Ларина [288], Н.П. Савойская [289]; «верность» Л.Р. Лаврентьева [290]; «верность / предательство» Н.В. Саварцева [291]; «воровство» О.А. Кирияк [292], О.В. Павлова [293]; «грех» М.Н. Бушакова [294], Н.О. Козина [295], В.В. Сайгин [296]; «добро» И.В. Змиева [297], Е.С. Палеха [298]; «добро / зло»

Е.А. Богданова [299], Н.В. Кириллина [300]; «запрет» М.В. Ермолова [301], Д.И. Медведева [302]; «зло» С.А. Тихонова [303]; «измена» С.С. Рахими [304]; «лицемерие» В.А. Плаксина [305], И.Э. Федюнина [306]; «лицемерие / искренность» Ю.А. Храмова [307]; «мечь» С.С. Грецкая [308], И.И. Чесноков [309]; «милосердие» Л.А. Жданова, О.Г. Ревзина [310], М.Ю. Никитина [311]; «наказание» А.А. Контримович [312], О.М. Смирнова [313]; «предательство» У.А. Савельева [314]; «преступление» Ю.Г. Евтушок [315], М.Е. Микаелян [316]; «пунктуальность» Я.В. Зубкова [317]; «скромность» О.В. Кошманова [318]; «совесть» Ш.Д. Мусаева [319], Б.Г. Шахманова [320]; «толерантность» Б.И. Аболин [321], С.Н. Богатырева [322], С.Г. Растатуева [323], Е.С. Сумина [324]; «толерантность / терпимость» Н.А. Неровная [325]; «честь» Н.Ю. Субиркина [326], С.В. Терина [327] и др.

Менее интересна для ученых сфера окружающего мира человека: анализ концептов «вода» проводят Т.И. Бадмаева [328], Е.В. Галдин [329], Н.В. Гришина [330], А.В. Костин [331]; «гроза» О.С. Фисенко [332]; «дерево» Д.Ш. Исрафилова [333], Н.А. Красс [334], С.И. Тасуева [335]; «дождь» М.В. Домбровская [336]; «дорога» О.О. Ипполитов [337]; «звезда» М.Н. Пирогова [338]; «земля» А.Е. Семёнов [339]; «лес» О.В. Бутерина [340]; «луна» Т.В. Захарова [341], Н.П. Сидорова [342]; «море» Е.В. Ильина [343], О.Е. Потапова [344], Е.Е. Шмелёва [345]; «небо» Е.Е. Демидова [346], С.М. Подвигина [347], Н.И. Федорова [348]; «небо / земля» О.В. Кривалёва [349]; «огонь» Ю.А. Котова [350], А.В. Трофимова [351]; «огонь / вода» Д.Д. Хайруллина [352]; «природа» Н.В. Богданова [353], А.Г. Максимовских [354], А.А. Пустовалова [355]; «птица» А.В. Москаленко [356]; «свет / тьма» Т.В. Григорьева [357], А.Г. Гуревич [358], М.А. Садыкова [359]; «свет / небо / земля» Н.И. Пирманова [360]; «солнце» Е.П. Панасова [361]; «солнце / луна» Д.С. Трынков [362]; «цветок» А.И. Молоткова [363]; «цветы» Н.С. Котова [364] и др.

Подобное смещение фокуса исследовательских интересов к концептам внутреннего ненаблюдаемого мира человека является свидетельством направления лингвистической науки в сторону антропоцентризма, когнитивизма и ментализма. Разнообразие аспектов изучения концептов: аксиологический, ассоциативный, гендерный, грамматический, диахронический, идиостилевой, информационный, когнитивный, когнитивно-дискурсивный, когнитивно-коммуникативный, когнитивно-корпусный, когнитивно-прагматический, когнитивно-функциональный, лексико-семантический, лексикографический, лингвокогнитивный, лингвокультурный, лингвокультурологический, лингвоэтнический, общезыковой, прагма-социолингвистический, системный, сопоставительный, структурный, функционально-семантический подтверждает полиаспектуализацию объекта современной лингвистики, а также действие интегративного принципа в науке.

3.2 Развитие эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в русском художественном сознании

3.2.1 Концептуальные метафоры живой природы: вегетативный код

На современном этапе развития лингвокогнитологии и лингвоконцептологии существует необходимость исследований фрагментов внутреннего мира человека, т.е. отображения себя как объекта и субъекта познания. Концепты внутреннего мира соотносятся с концептами физического мира на основе уподобления (сравнения / аналогии). Так возникает уподобление чувств стихиям, растениям, живым существам – *метафора* как некое отождествление концепта внутреннего мира с реально существующими явлениями в объективном (физическом мире). Подобное сходство квалифицируется как признак концепта. *Признак концепта* – это общее основание, по которому сравниваются некоторые несхожие явления [365, с. 84-86]. Реконструкция структуры эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» осуществляется путем наиболее полного выявления возможных признаков, которые объединяются по общей для них видовой или родовой ассоциативной характеристике.

Данная способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки, находится, по утверждению М.В. Пименовой, в основе существующих в каждой культуре системе кодов, среди которых природный (стихийный и вещественный), растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, метеорологический, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный). Растительный, зооморфный и антропоморфный коды объединяются под общим названием биоморфного (натуралистического) кода или образов живой природы, а природный (стихийный и вещественный) код относится к образам неживой природы [366, с. 102]. Поэтому в исследовании использовалась методика Кемеровской школы концептуальных исследований М.В. Пименовой, которая позволила показать развитие концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе»; описать метафорические образы-репрезентанты концептов и систематизировать их в свете кодов культуры путем выявления ассоциативно-смысловых блоков признаков как живой, так и неживой природы на материале стихотворных и прозаических произведений авторов XVIII – XX веков из Национального корпуса русского языка [367]; определить участие синонимии как отражения системы культурных кодов, оформленных в метафорах живой и неживой природы на основе принципа аналогии в структурировании когнитивно-номинативной парадигмы.

Фактический материал выявил наличие отраженных метафор, которые выступают как отраженная метафорическая синонимия. Термин «отраженная синонимия» возник в словообразовательной школе А.Н. Тихонова, под которым понимаются «однокоренные производные слова, обладающие одинаковым или близким словообразовательным значением, которое в них выражается посредством словообразовательных аффиксов или их вариантов»

[166, с. 34], сосредоточенные в словообразовательных гнездах [368, с. 4-45]. Синонимия традиционно выявляется за счет близости лексических значений. Выход синонимии за пределы лексики свидетельствует о ее функциональности и контекстуальности. Источником является ассоциативное мышление, которое реализуется в контексте в виде общих метафорических ассоциаций. Используя методику Кемеровской школы концептуальных исследований М.В. Пименовой, мы разработали отраженную метафорическую синонимию – синонимические ряды на основе общих метафор.

Вегетативный код репрезентируется отраженной метафорической синонимией концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» через родо-видовые различия деревьев и представляет разновидность отношений включения [369, с. 174-180].

Дерево – метафорическая детерминанта, образ-репрезентант эмоциональных концептов. Синонимические ряды на основе **метафоры дерева** классифицируются по степеням продуктивности:

1) Высокая степень концентрации: *тоска дерева – древо тоски – в тоске деревья – дерево печали – горе-дерево – дерево Гореуслад – деревья в горе (2) – деревья от скорби – в уныние дрeвеса (10):*

Тоска лимонного дерева Уходила к дыму вулкана... (Б.Ю. Поплавский, **Тоска лимонного дерева...**); *Словно зеркало жажды своей разрывает себя на куски (это жажда назначить себя в соглядатаи разных сторон), так себя завершает в листе горемычное древо тоски, чтобы множеством всем предугадывать ветра наклон.* (И.Ф. Жданов, Расстояние между тобой и мной – это и есть ты...); *Как длинны расстоянья расставаний!.. В тоске деревья... Но твоя рука.* (Д.С. Самойлов, Я вас измучил не разлукой – возвращеньем...); *Пой мне песню, дерево печали!* (Н.А. Заболоцкий, Гроза идет); *Горе-дерево шумело, Беспросветное росло, Мимо птица-смерть летела, На суку корявом села, Клювом чистила крыло.* (А.С. Рославлев, Тюремная); *Вдруг попадается ей деревцо, одаренное чудной Силою души целить; у людей его называют Дерево Гореуслад, у богов Азока.* (В.А. Жуковский, Наль и Дамянти); *О, как безмолвно снят войны грозы, Как чувств своих не выдают горы; И словно душат, душат их слезы, Деревья вдовами стоят в горе.* (К.М. Симонов, Памяти генерала Леселидзе); *Никнет трава от жалости, деревья в горе к земле склонились.* (Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова); *И тут зашумели и справа и слева Деревья, качаясь от скорби и гнева...* (Л.Н. Мартынов, Деревья); *В уныние пришли луга и дрeвеса, Места те злачные, где сборища бывали, Не видя на себе народа, восстенали...* (Н.Н. Поповский, Начало зимы).

2) Низкая степень концентрации: *дерево грустно – скучно дереву (2):*

Вот с берега свесилось вершиной в воду еще зеленое подмытое дерево. Как грустно шевелит оно в волнах своими ветвями, как тревожно шепчут над ним ближайшие соседи, которым грозит та же участь! (В.Г. Короленко, В пустынных местах); *Ах, скучно одинокому И дереву расти!* (А.Ф. Мерзляков, Среди долины ровныя...).

Образами-репрезентантами эмоциональных концептов выступают разновидности семейств деревьев: береза – верба – дуб – ель – ива – кипарис – липа – осина – сосна – тополь – яблоня.

Синонимические ряды на основе метафор видов деревьев распределяются по степеням продуктивности:

Высокая степень концентрации на основе **метафор сосны, кипариса, ивы, осины, березы, дуба** (15-8):

1) *Печальная сосна* (2) – *сосны печальной* – *сосны печальные* (2) – *печальных сосен* (3) – *печальна сосна* (2) – *печален сосен ряд* – *грустная сосна* – *сосна грустною главой* – *сосен скорбный скрип* – *сосен запах горький* (15):

Вьюга; холод, но печальная сосна Неизменна, как весною, зелена. (Л.А. Мей, Сосна); *Как эта улица пыльна, раскалена! Что за печальная, о господи, сосна!* (И.Ф. Анненский, Нервы); *Благодарный Гайавата* Взял тогда немного крови И, позвав с *сосны печальной* Дятла, выкрасил той кровью... (И.А. Бунин, Песня о Гайавате. IX. Гайавата и жемчужное перо); *Лес рубят молодой, еще зеленый лес, И сосны старые задумались угрюмо И, полные неразрешенной думой, Печальные, глядят в немую даль небес.* (Т.Л. Щепкина-Куперник, Рубка леса); *Вижу сосны те печальные, Что склоняют ветви мрачные* Над могилой друга милого. (Ф.Ф. Иванов, Рогнеда на могиле Ярополковой); *Есть две страны: одна – Больница, Другая – Кладбище, меж них Печальных сосен вереница, Угрюмых пихт и верб седых!* (Н.А. Клюев, Есть две страны: одна – Больница...); *Где на камнях гранитного уступа Печальных сосен высится семья, Где степь слепит красою мертвой трупа, Где сохнут мхи, где солнце светит скупо – Там родина моя!* (К.М. Фофанов, Я родом финн – и гордая свобода...); *На трепещущие листья Капли крупные летят, И печальных сосен кисти Чуть кивают ветру в лад.* (С. Черный, Дождь); *Все по-прежнему печальна, зелена, Думу думает тяжелую сосна.* (Л.А. Мей, Сосна); *Кой-где кудрявая сосна Стоит печальна и одна, И часто мрачными мечтами Тревожит сердце.* (М.Ю. Лермонтов, Измаил-Бей); *Я плачу. Вдоль пути печален сосен ряд. Уснул ямицк, забыв стегать худую клячу.* (В.Я. Брюсов, Рондо); *Вот домик наш укромной: Пусть век благой пенат хранит его покой И грустная сосна объемлет ветвью темной!* (А.Н. Майков, Прощание с деревней); *Кладбища сторож вековой – Сосна качает равнодушно Зелено-грустною главой.* (Н.П. Огарев, Мертвому другу); *Ветер, сумрачно пророчащий, Всплеск волны, побережье точащей, Старых сосен скорбный скрип...* (В.Я. Брюсов, Над омутом); *Вдыхаю сосен запах горький. Ах, я привык к нему давно!* (Г.В. Иванов, Пилигрим).

2) *Печальный кипарис* – *печальная чета кипарисов* – *печальную ветвь кипариса* – *печальны кипарисы* – *печальны кипарисны лозы* – *грустный кипарис* – *кипарисов грустных* – *скорбный кипарис* – *скорбной толпе кипарисов* – *кипарис унылый* (2) – *кипарисну ветвь унылу* (12):

Печальный кипарис, холодный мох забвенья, В земле сокрытый гроб, и в гробе этом тленье... (А.Н. Майков, Единое благо); *Печальная чета Надгробных кипарисов, запах тленья...* (И.Н. Голенищев-Кутузов, Сонет); *Мне в руку вложите печальную ветвь кипариса!* (В.И. Иванов, Палатка Гафиза);

Одни печальны кипарисы Верхи подьѣмлют к небесам. (В.И. Майков, Ода на выздоровление цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престола российского); *Ты печальны тисы, кипарисны лозы Насади вокруг урны!* (К.Н. Батюшков, На смерть супруги Ф.Ф. Кокошкина); *Не мирты с лаврами, а грустный кипарис Срываем на пути сей жизни скоротечной.* (А.Н. Майков, Scholia); *Мраморная девушка села у ступеней Сумрачной гробницы. Там, где реют тени Кипарисов грустных.* (С.Д. Кржижановский, М.О.); *Дул ветер; осыпались розы; Склонялся скорбный кипарис...* (В.И. Иванов, Тризна Диониса); *Мрамор гробницы его – в скорбной толпе кипарисов...* (И.А. Бунин, Могила поэта); *Я кипарис угрюмый и унылый, Воспитанный летами и грозой.* (П.А. Вяземский, Роза и кипарис (Графине М.А. Потоцкой)); *Над высокою могилой, Где страдальца прах сокрыт, Дремлет кипарис унылый...* (В.К. Кюхельбекер, Тоска по родине); *И сам Амур в печали Светильник погасил: Не кипарисну ветвь унылу, Но розу на его он положил могилу.* (К.Н. Батюшков, На смерть И.П. Пнина).

3) *Ив тоскливых – тоскливый ропот ивняка – печальная ива – печальною ивой – грустная ива – грустные ивы* (4) – *грустнее ивы* (10):

Наберешься сил счастливых Под глубокий шум плотины, Под напевы ив тоскливых. (И. Северянин, Гатчинская мельница); *Среди могил неясный шепот, Неясный шепот ветерка. Печальный вздох, тоскливый ропот, Тоскливый ропот ивняка.* (К.Д. Бальмонт, Надгробные цветы); *И заплачет печальная ива О том, кто в тебя был влюблен...* (А.С. Есенин-Вольпин, Офелии); *Я смотрел, как дремала лениво, Как лениво спала голубая вода Над склоненной, печальною ивой.* (З.Н. Гиппиус, Долго в полдень вчера я сидел у пруда...); *Ночью в саду у меня Плачет плакучая ива, И безутешна она, Ивушка, грустная ива.* (А.А. Блок, Ночью в саду у меня...); *Ведь молча над камнем могильным Склоняются грустные ивы...* (А.Н. Плещеев, Молчание); *Грустные ивы листвою Ночи навстречу шумели.* (А.Н. Плещеев, Ночь пролетала над миром...); *Две ивы, две грустные ивы Сплелися в столетний шатер.* (К.М. Фофанов, Ивы); *Грустные ивы склонились к пруду, Месяц плывет над водой.* (А.А. Жаров, Грустные ивы); *Прошла весна – темнеет лес, Скудней ручьи, грустнее ивы...* (А.А. Фет, Графу Л.Н. Толстому).

4) *Ивы тоскливо – печально ива – грустно ива* (2) – *грустно ивы* (2) – *скорбно ивы – уныло ива – ивы горестно* (9):

Только две плакучих ивы, Как в романсе, над ручьем Сиротливо и тоскливо Дремлют в сумраке ночном. (В.Т. Шаламов, Ни травинки, ни кусточка...); *Печально склоненная ива И выстрел во мраке ночном, Иль червь гробовой торопливый И сей погребальный псалом.* (А.П. Ладинский, Печально склоненная ива...); *Всю землю, грустно-сиротлива, Считая родиной скорбей, Плакучая склоняет ива Везде концы своих ветвей.* (А.А. Фет, Ивы и березы); *Там, где к земле склонилась грустно ива, Лежит плита и золотом на ней – «Покойся, друг» – написано красиво.* (А.А. Фет, Две липки); *Как странно поникли и грустно Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!* (Н.М. Рубцов, Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...); *Только грустно шепчут ивы, Наклоняясь над прудом.* (А.Н. Апухтин, Из Ленау); *Как ни скорбно ивы нынче*

пели *Под плаксивый дождика мотив...* (И.Л. Сельвинский, Труд); *Свесилась уныло Над оврагом ива, И все дно оврага Поросло крапивой.* (А.Н. Плещеев, Родное); *Стало грустно бедной ели; Как у ивы над водой, Ветви горестно поникли...* (Д.С. Мережковский, Детям (Не под кровом золоченым...)).

5) *Осин тоскливых – печальная осина – печальных осин – грустные осины – горькая осинушка – горькая осина – горькой осине – осинной горькою – горькие осины* (9):

Когда привычно Слышатся в лесу Осин тоскливых Стоны и молитвы, – В такую глушь Вернувшись после битвы, Какой солдат Не уронил слезу? (Н.М. Рубцов, В сибирской деревне); *Солнце грустно в тучу опустилось, Не дрожит печальная осина, В мутной луже небо отразилось, И на всем – знакомая кручина...* (Д.С. Мережковский, Родина); *Невдалеке купа печальных берез и осин осеняет убогое кладбище; кругом земля изрыта.* (В.Г. Короленко, В пустынных местах); *Каждым листочком, грустные Вдрагивают осины.* (С.Я. Парнок, Папироза за папирозой...); *Ах, кому судьбинушка Ворожит беду: Горькая осинушка Ронит лист-руду.* (Н.А. Клюев, Осинушка); *Моя бедная мать, моя горькая в поле осина, Как томишь ты меня, как дорога к тебе далека!..* (В.М. Блаженный, Моя бедная мать, моя горькая в поле осина...); *Повесился Марко на горькой, Трусливо дрожащей осине...* (М. Горький, Диалоги феи и чабана); *Нежно ты румянишься Под ночную зорькою: Но зачем ты славишься Над осинной горькою?* (Л.Н. Трефолев, Руснацкая песня); *В горькие осины Уйди, болесть, Ни спать тебе, ни думать, Ни пить, ни есть.* (П.Н. Васильев, Песня о гибели казачьего войска).

6) *Печальная береза – печальной березы (2) – печальных берез – печальный шум березки – березы грустный вид – скучный плеск березы – березы скорбный глас – горестной березы* (9):

Печальная береза У моего окна, И прихотью мороза Разубрана она. (А.А. Фет, *Печальная береза...*); *Печальной березы Златые угрозы Светлы. Под кленом багровым Над лугом лиловым Вдали.* (В.В. Набоков, Цветные стекла); *Нищий все так же дрожал у березы печальной, Кровавый иней на лбу блистал.* (И.Г. Эренбург, Сказка); *Невдалеке купа печальных берез и осин осеняет убогое кладбище...* (В.Г. Короленко, В пустынных местах); *О тонкая березка, Что загляделась в пруд? Открой, открой мне тайну Твоих древесных дум, Я полюбил – печальный Твой предосенний шум.* (С.А. Есенин, Зеленая прическа...); *Березы севера мне милы, – Их грустный, опущенный вид, Как речь безмолвная могилы, Горячку сердца холодит.* (А.А. Фет, Ивы и березы); *Стенания и слезы, – Палач – везде палач. О, скучный плеск березы!* (Ф.К. Сологуб, Кто знает, сколько скуки...); *У сей высокой там березы Из уст дражайших я услышал скорбный глас, Что приближается разлуки нашей час...* (А.П. Сумароков, Мучительная мысль, престань меня терзати...); *Шелест горестной березы Возлюбила ты, душа.* (Н.Н. Белоцветов, Не стенающий в просторах...).

7) *Печальный дуб – печальный караван дубов – дубы с печальным стоном – дуб печален – дуб унылый – дубами унылыми – горестный дуб – дуб горестной слезой* (8):

Но печальный дуб косматый Слышит юной липы шелест: Не влечет его, как прежде, Мая девственная прелесть! (К.М. Фофанов, Старый дуб); *О сад ночной, печальный караван Немых дубов и неподвижных елей!* (Н.А. Заболоцкий, Ночной сад); *Каштаны парка, древние дубы С печальным стоном листьями шумели.* (А.А. Григорьев, Люси (из Мюссе)); *Многовековой дуб мою живую душу Корнями обовьет, печален и суров.* (Н.А. Заболоцкий, Завешание); *Но на речь веселой липы Грустно шепчет дуб унылый: «Как землю нынче пахнет, Точно вырытой могилой!»* (К.М. Фофанов, Старый дуб); *Мы пойдем в этот сад, Помнишь, в сад с вырезными перилами, Где, как шепчущий взгляд, тихо звезды дрожат За дубами старинно-унылыми.* (В.В. Гофман, Valse masquee); *Я слышал их грохот о горестный дуб В словах твоих, верный.* (В.И. Иванов, Мать); *Быть может, дуб мой, сверстник мой, ровесник, Меня помянет горестной слезой.* (Ф.Г. Сухов, Вскипает степь кузнечиковым звоном...).

Средняя степень концентрации на основе **метафор березы, сосны, ивы, ели** (7-5):

1) *Береза в тоске – береза с тоской – берез тоску – печаль березы – береза в печали – березы в печали – про горе березы* (7):

Раскинулась высокая береза, Она в тоске осенней примиренной Роняет тихо золотые слезы. (Ф. Дмитриева, Осенний закат); *Но беззащитная береза Глядит с тоской на небеса, И на ветвях ее, как слезы, Сверкает чистая роса.* (И.С. Никитин, Засохшая береза); *И мы по глубокому снегу шли, По желтому шли песку, И нам выдавали пару лаптей – Карельских берез тоску.* (А.А. Прокофьев, Страна принимает бой); *Может быть, ему милей оливы Простодушная печаль березы?* (И.Г. Эренбург, Русский в Андалузии); *Заломила руки вешняя береза, Опустила до земли ресницы, Закачалась в яростной печали.* (С.М. Городецкий, Заломила руки вешняя береза...); *Что качались и в грозы самовластно березы, Как одна погибая в печали.* (Э.Г. Багрицкий, Две березы); *Про горе шепчутся березы Лишь с ветром севера одним.* (А.А. Фет, Ивы и березы).

2) *Сосен тоска – сосны в печали* (2) – *сосны в скорбях – сосны горе – сосенки в горе* (6):

Стволы качающихся сосен Гнетет нездешняя тоска. (Г.А. Глинка, В лесу); *И соседи-сосны, в мантии морозной, Все в алмазном блеске, в пухе из снегов. И стоят соседи в сумрачной печали, Грезят и роняют белый снег с ветвей...* (К.М. Фофанов, Нарядили елку в праздничное платье...); *А старые сосны, в безмолвной печали, Вершинами хвойными грустно качали...* (М.А. Лохвицкая, Не забыть никогда); *Скажите, сумрачные сосны, В каких скорбях вы поседели, Какою былью пролетели Над вами радостные весны?* (К.Н. Льдов, В глуши сырой и ароматной...); *И как на пытке от плетей Стонали сосны: «Горе!»* (Н.А. Клюев, Разруха (От Лаче-озера до Выга...)); *Сосенки! вы в горе ли? Мы, как вы, горели.* (В.Я. Брюсов, Восторг женщины).

3) *Ива с тоской – ивы-печальницы – печальниц-ив – грусть ив – грусти ивовая ржавь – ива, горе качая* (6):

Наша северная ива, Со своей тоской великой, Весела и шаловлива Рядом с этим горемыкой. (М.А. Тарловский, Худяковский парк); *Тихо ивы-печальницы* Над прозрачной рекою стоят. (Т.Л. Щепкина-Куперник, В родной глуши); *Все слушаю молитвы Лесных печальниц-ив.* (С.А. Клычков, В далеком захолустьи...); *Будешь ты шуметь у мутных окон, У озер, где грусть* плакучих ив. (Д.Б. Кедрин, Осень); *Я очень люблю родину! Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.* (С.А. Есенин, Исповедь хулигана); *И не горе безумной, а ива* Пробуждает на сердце унылость, Потому что она, терпеливо Это горе качая... сломилась. (И.Ф. Анненский, Ноша жизни светла и легка мне...).

4) *Скучно березам – береза скорбно – уныло березы – береза горестно – горестно березы* (5):

Скучно в лощинах *березам*, Туманная муть на полях. (И.А. Бунин, Русская весна); *Раскинулась высокая береза*, Она в тоске осенней примиренной Роняет тихо золотые слезы *И скорбно, скорбно* шелестит ветвями... (Ф. Дмитриева, Осенний закат); *Стучали Лишь часы с деревянной кукушкой, Да уныло березы* качали Под окошком зеленой верхушкой... (Л.Н. Трефолов, В больнице); *И так шумит над девочкой береза* *И так* вздыхает *горестно* и страстно, Как будто человеческою речью Она желает что-то рассказать. (Н.М. Рубцов, Осенние этюды); *И горестно* качают зыбкие *березы* Зелеными волокнами волос. (Е.А. Сырейщикова, О Эрос мой! О бог весенних грез...).

5) *Береза печалится – береза грустит* (2) – *березы грустят – грустили березы* (5):

Береза, как в метель с зеленым рукавом, *Хотя печалится*, но не по мне живом. (С.А. Есенин, Синий день. День такой синий...); *Слева Тигода сонная* воды зеркальные *Гладью* светлую в Волхов катит, *И*, поникнув над нею ветвями печальными, *Одиноко береза грустит.* (С.Я. Надсон, Ночью); *Среди цветущих, огненных* *дерев грустит береза* на лугу, как дева пленная в блистательном кругу иноплеменных дев. (В.В. Набоков, Береза в воронцовском парке); *Я смотрел, как, зеленых ветвей бахрому Наклоняя, березы* безмолвно *грустят.* (К.М. Фофанов, Я сидел у окна, я смотрел в полутьму...); *Грустили тонкие березы.* В овраг лез снег, сырой как соль. (Г.А. Глинка, Март).

6) *Ели* печалию полны – *елка с грустью – ели в скорбях – от горести ели – в унынье ель* (5):

Понурые ели, бурьяны и льны Суровым безвестьем, *печалию* строгой – «Навеки», «Прощаю», – как сердце, *полны.* (Н.А. Клюев, Весна отсияла... Как сладостно больно...); *И стоит, сверкая, елка* в пышном зале, *С грустью* вспоминая про былые дни. (К.М. Фофанов, Нарядили елку в праздничное платье...); *Скажите, пасмурные ели*, *Скажите*, сумрачные сосны, *В* каких *скорбях* вы поседели, *Какою* бльею пролетели *Над* вами радостные весны? (К.Н. Льдов, В глуши сырой и ароматной...); *От горести* в капели Свои запястья *ели* Пообронили с лап. (Н.А. Клюев, Песнь о Великой Матери); *Между тем в унынье* тихом, *Боязлива* и скромна, *Ель* зеленая стояла; *Опечалилась* она. (Д.С. Мережковский, Детям (Не под кровом золоченым...)).

7) *Ель* печально – *грустно ели* (2) – *скорбно ель – ель горько* (5):

Одинокая старая ель, Еще сохраняя Девичью стройность ствола, Все шепчет чуть слышно про дальнюю цель, Под ветром ветвями **печально** качая... (В.Я. Брюсов, Одинокая ель); Стало **грустно** бедной ели; Как у ивы над водой, Ветви горестно поникли... (Д.С. Мережковский, Детям (Не под кровом золоченым...)); Смотрели **грустно** сосны, ели И небеса. И как-то пасмурно шумели Кругом леса. (А.Н. Апухтин, Отъезд); **Скорбно** склоняется к детям столетняя ель. Темная ель в этой жизни видала так много... (М.И. Цветаева, Ricordo di Tivoli); Ель, задумавшись, **горько** вздохнула, снова тени на тени легли, нам звезда Вифлеема блеснула и опять закатилась вдали! (Эллис (Л.Л. Кобылинский), Елка).

8) Сосны грустно (3) – грустно соснам – уныло сосны (5):

А старые **сосны**, в безмолвной печали, Вершинами хвойными **грустно** качали... (М.А. Лохвицкая, Не забыть никогда); Смотрели **грустно** сосны, ели И небеса. И как-то пасмурно шумели Кругом леса. (А.Н. Апухтин, Отъезд); И ветви **сосны** молодой Чернеют **грустно** в роще дальней. (Н.П. Огарев, Юмор. Часть вторая); «Грустно нам, **грустно**, **соснам** молчаливым, Грустно нам думать думы вековые!» (К.М. Фофанов, **Грусть сосен**); Только, **уныло** повиснув ветвями, Старые **сосны** стояли местами. (Н.А. Некрасов, Саша).

Низкая степень концентрации на основе **метафор ели, тополя, яблони, вербы, ивы, липы** (4-2):

1) Печальная ель – печальные ели – горестные елки – ели заунывный шум (4):

Я – чахлая ель, я – **печальная ель** северного бора. Я стою среди свежего поруба и ещё живу... (И.Ф. Анненский, Мысли-иглы (стихотворение в прозе)); **Печальные ели** Темнеют вдали без движенья, Пустыня без цели, И путь без стремленья... (В.С. Соловьев, Сон наяву); И клонят **горестные елки** Свои зеленые иголки: «Ах, Боже мой! Ах, Боже мой!» (И.А. Бунин, Льет без конца...); Как он любил родные ели Своей Савойи дорогой! Как мелодически шумели Их ветви над его главой!.. Их мрак торжественно-угрюмый И дикий, **заунывный шум** Какою сладостною думой Его обворожали ум!.. (Ф.И. Тютчев, Как он любил родные ели...).

2) Тополи печально – уныло тополь – тополи горько – тополя горько (4):

Поникли **тополи печально**, Наводит грусть их жалкий вид... (И.С. Никитин, Кулак); **Уныло** качаясь, **Тополь** к себе нас зовет. (А.Н. Плещеев, Песня); Сонные **тополи** в дали **горько** вздохнули, мучимы вечным обманом, скучным и бедным... (А. Белый, Бедные дети устали...); **Тополя** От ветра **горько** заскрипели. Черней вороньего пера Ночное оперенье ели. Все засыпает. (Д.С. Самойлов, Колыбельная вполголоса).

3) Яблони с тоской – в тоске яблоне – в горести яблоне – яблоня цветами печалей (4):

Калеки-яблони с тоской Гольем ветвей качают. (А.Т. Твардовский, Дом у дороги); Терновник, близ ее в соседстве возрастая, И злобою себя единою питая, Чрезмерно тем был рад, Что в **горести**, в **тоске** нет **Яблоне** отрад. (И.П. Пнин, Терновник и Яблоня); И опять, как и год тому назад, у красного домика цвела молодая **яблоня** белыми, душистыми **цветами**. Это были цветы

забвения болезней и печалей, это были Цветы нового дня... (А. Белый, И опять была юная весна... (Отрывок из Симфонии).

4) *Вербой печальной – верба грустная – верба в горемычной доле* (3):

Белая нимфа – под вербой печальной Смотрит в заросший кувшинками пруд. (М.А. Лохвицкая, *Белая нимфа – под вербой печальной...*); *Да, это и есть та самая верба – зеленая, тихая, грустная...* (А.П. Чехов, *Скрипка Ротшильда*); *Так и ты, моя сиротка, Как та верба в поле, Вырастаешь без привета В горемычной доле.* (И.З. Суриков, *Верб* (Сиротке Е.Н. Е-вой).

5) *Грустят ивы – скучали ивы – скорбя ивы* (3):

Как девушки, грустят олонецкие ивы По красному орлу в глухих, уездных днях. (Н.А. Клюев, *Красный орел*); *Скучали там две-три плакучих ивы, И дряхлая рыбацкая ладья В песке прибрежном грустно догнивала.* (А.А. Ахматова, *Приморский парк Победы*); *Пусть над дерном, скорбя об утрате. Ивы плакучие – ветви бесстрашно склонят.* (С.Д. Кржижановский, И я).

6) *Липа в тоске – липы от тоски – липа в печали* (3):

И задумалась липа О весне в тоске мятежной. (К.М. Фофанов, *Старый дуб*); *Облака в куски разбиты, липы вянут от тоски; звонко шлепаясь о плиты, стонут майские жуки.* (С.В. Петров, *Сумрак замкнут в каждой вещи...*); *Вся в снегу, как в чистой шали, Дремлет липа молодая В очарованной печали.* (К.М. Фофанов, *Старый дуб*).

7) *Липы грустные – липы скорбные* (2):

Липы, как призраки черные в ряд, Странные, грустные, в инее спят... (В.В. Набоков, *Зимняя ночь*); *Липы скорбные шумели. Вечер холодом дышал...* (С.Д. Кржижановский, *Могила Гейне*).

Таким образом, выделенные синонимические ряды на основе метафор видов деревьев демонстрируют степени продуктивности образов-репрезентантов эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе». Высокая степень концентрации отводится метафорам сосны – 15, кипариса – 12, ивы – 10-9, осины – 9, березы – 9, дуба – 8. Средняя степень концентрации принадлежит метафорам березы – 7-5, сосны – 6-5, ивы – 6, ели – 5. Низкая степень концентрации соответствует метафорам ели – 4, тополя – 4, яблони – 4, вербы – 3, ивы – 3, липы – 3-2. Признаковый подход позволил выявить широкий набор признаков, увязываемых за словом-репрезентантом концепта, который меняется в диапазоне от частотного до менее проявляемого. По количеству посвященных строк с эмотивом «тоска» наиболее поэтическими у русских авторов являются 'ива' – 28, 'береза' – 26, 'сосна' – 26, далее в порядке убывающей частоты 'ель' – 14, 'кипарис' – 12, 'осина' – 9, 'дуб' – 8, 'липа' – 5, 'тополь' – 4, 'яблоня' – 4, 'верба' – 3. Видовые понятия содержат большее количество признаков, а родовое – меньшее количество признаков: 'дерево' – 12, но общих для большего количества понятий.

В таблице 3 представлены метафорические образы-репрезентанты эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», «уныние», «скорбь», «горесть», «скука», их ассоциативно-смысловые признаки живой природы – вегетативный код.

Таблица 3 – Синонимический ряд эмотива «тоска» с метафорой видов деревьев

Признаки	Отраженная метафорическая синонимия								Итого
	тоска	грусть	печаль	горе	уныние	скорбь	горесть	скука	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
‘Виды деревьев’:	16	33	47	18	12	12	9	4	151
<i>‘Дерево’:</i>	3	1	1	4	1	1	-	1	12
‘Береза’	3	5	9	1	1	2	3	2	26
‘Вербa’	-	1	1	1	-	-	-	-	3
‘Дуб’	-	-	4	-	2	-	2	-	8
‘Ель’	-	3	4	1	2	2	2	-	14
‘Ива’	4	13	5	1	1	2	1	1	28
‘Кипарис’	-	2	5	-	3	2	-	-	12
‘Липа’	2	1	1	-	-	1	-	-	5
‘Осина’	1	1	2	5	-	-	-	-	9
‘Сосна’	1	6	13	3	1	2	-	-	26
‘Тополь’	-	-	1	2	1	-	-	-	4
‘Яблоня’	2	-	1	-	-	-	1	-	4

Эмотив тоски с метафорой видов деревьев разнообразен по временной протяженности. Так, если авторы XIX века чаще обращались к эмотивам грусти – 21, печали – 20 и уныния – 10, то в XX веке внимание русских поэтов направлено на эмотивы печали – 26, тоски – 12, грусти – 12 и горя – 12. В совокупности частотными для авторов выступают эмотивы печали – 47, грусти – 33, горя – 18 и тоски – 16.

Таблица 4 – Временная репрезентация синонимического ряда эмотива «тоска» с метафорой видов деревьев в художественных произведениях

Репрезентация	Век				Итого
	XII	XVIII	XIX	XX	
1	2	3	4	5	6
тоска		1	3	12	16
грусть			21	12	33
печаль		1	20	26	47
горе	1		5	12	18
уныние		1	10	1	12
скорбь		1	3	8	12
горесть		1	1	7	9
скука			1	3	4
Итого	1	5	64	81	151

Рассматривая частеречную репрезентацию синонимических рядов эмотива «тоска» с метафорой видов деревьев в художественных произведениях, наблюдается высокое употребление имени прилагательного – 72, далее в порядке убывания имени существительного – 41, наречия – 30 и глагола – 8.

Таблица 5 – Частеречная репрезентация синонимического ряда эмотива «тоска» с метафорой видов деревьев в художественных произведениях

Репрезентация	Часть речи				Итого
	существительное	прилагательное	глагол	наречие	
1	2	3	4	5	6
тоска	12	3		1	16
грусть	3	14	5	11	33
печаль	11	32	1	3	47
горе	8	7		3	18
уныние	2	6		4	12
скорбь	3	5	1	3	12
горесть	2	4		3	9
скука		1	1	2	4
Итого	41	72	8	30	151

3.2.2 Концептуальные метафоры живой природы: орнитологический код

Орнитологический код репрезентируется отраженной метафорической синонимией концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» через родо-видовые различия птиц, представляя разновидность отношений включения [370, с. 115-119].

Птица – метафорическая детерминанта, образ-репрезентант эмоциональных концептов. Синонимические ряды на основе **метафоры птицы** классифицируются по степеням продуктивности:

1) Высокая степень концентрации: *птица Уныние* – *птица Тоска* (2) – *птицу тоску* – *птица печали* (2) – *птиц печали* – *грусть птица* – *грусть птичкой* – *птица от скуки* – *горе птица* – *горе стаей* (12):

И Слабостью рожденные три птицы – Уныние, Отчаянье, Тоска, – три черные, уродливые птицы – зловеще реют над его душою... (М. Горький, Человек); *Углем наметил на левом боку Место, куда стрелять, Чтоб выпустить птицу – мою тоску В пустынную ночь опять. Вылетит птица – моя тоска, Сядет на ветку и станет петь.* (А.А. Ахматова, Углем наметил на левом боку...); *«Я смертельна для тех, кто нежен и юн. Я птица печали. Я – Гамаюн...»* (А.А. Ахматова, Я смертельна для тех, кто нежен и юн...); *И потому всю ночь в груди тоски печаль гнездится, открою клетку я, лети, печали птица.* (Л.Л. Аронзон, Какие чудные цветы...); *И ты пришла... Ты гонишь прочь Зловещих птиц – мои печали. О повелительница ночь.* (Л.Н. Гумилев, Вечер); *Сегодня белая грусть. Как птица, над городом кружит.* (В.М. Лебедев, Поминальное воскресенье); *Грусть мою, русскую грусть Выпущу птичкой из рук я.* (М. Колосова, Бор мой); *Василий Алексеевич перевел дух и сел у окна под клеткой, где шуришала семенем птица и снова, снова принималась от скуки нацелкивать все одну и ту же песенку...* (А.Н. Толстой, Голубые города); *Отдала б сердечко красная девица, Улетело б горе, что вольная птица.* (Н.П. Греков, Цыганка); *Дни печали наступают, Труд и горе окружают Черной стаей человека.* (К.Ф. Жаков, Биармия).

2) Низкая степень концентрации: *грустные птицы* (2) – *печальны птицы – унылый стон птицы* (4):

Оттого и друзья мои, Как вечерние грустные птицы, О небывшей поют любви. (А.А. Ахматова, Родилась я ни поздно, ни рано...); *И грустные, грустные птицы Кричали в конце сентября.* (Н.М. Рубцов, Далекое); *Безнадёжно печальны эти стоны тоскующей птицы высоко над пустынной землей...* (М.М. Пришвин, Черный араб); *Слышу птицу предвещаний: Дик ее унылый стон.* (В.К. Кюхельбекер, На Рейне).

Образами-репрезентантами эмоциональных концептов выступают разновидности семейств птиц: ворона – голубь – журавль – иволга – коршун – кукушка – лебедь – орел – скворец – сова – соловей – чайка – чибис.

Синонимические ряды на основе метафор видов птиц распределяются по степеням продуктивности:

Высокая степень концентрации на основе *метафор соловья, кукушки, вороны, лебедя* (15-8):

1) *Соловей в тоске* (3) – *соловей на тоску – соловушко тоской – соловья тоска – соловья печали – соловей про печаль – соловей с грустью – соловей скорбью – соловей в горе – в горе соловьем – от горя соловей – с горя соловьи – от скуки соловьи* (15):

Так раненный в сердце шипом соловей О розе-убийце поет все нежней И плачет в тоске безнадёжной. (Н.С. Гумилев, Я песни слагаю во славу твою...); *И вот Ей слышится: в клетке железной Поет соловей, но печально поет, И бьется в тоске бесполезной.* (Л.Н. Трефолев, Маргаритка); *И не о них ли пламенно Один в тоске своей Там, за стеною каменной, Рыдает соловей?* (К.М. Фофанов, В селении); *Соловей ему все ночи Жалуется на тоску.* (М.И. Цветаева, Этери); *Сладко пел душа-соловушко Ах! та песнь была заветная, Рвала белу грудь тоской...* (И.И. Лажечников, Сладко пел душа-соловушко...); *Слышишь, в роще зазвучали Песни соловья; Звуки их, полны печали, Молят за меня. В них понятно все томленьё, Вся тоска любви...* (Н.П. Огарев, Serenade); *Чуть в лесу соловей про любовь и печаль Запоет, разгоня туман и ненастье, – Сердце снова запросится в ясную даль, Сердце снова поверит в далекое счастье...* (С.Я. Надсон, Осень, поздняя осень!.. Над хмурой землею...); *Соловей ли в тьме ночной, С свежей негой, с грустью сладкой, Изливает говор свой.* (П.А. Вяземский, Из «Поминок»); *Так раненный в сердце шипом соловей О розе-убийце поет все нежней И плачет в тоске безнадёжной, А роза, склонясь меж зеленой листвы, Смеется над скорбью его...* (Н.С. Гумилев, Я песни слагаю во славу твою...); *Был соловей влюблен в весну и зори, И свил гнездо в смородинном кусте, И до утра в невыплаканном горе Он пел любовь, послушную мечте.* (К.М. Фофанов, Соловей); *В горе, в черный день, Соловьём поешь; При нужде, в беде Смотришь соколом...* (И.С. Никитин, Наследство); *Запевай от этого, от горя, Полуночная птица соловей, Все края от моря и до моря Трелью расцарапанной обвей.* (Б.П. Корнилов, Ольха); *Но делать нечего: поют, Кто с горя, кто от скуки. Из них один бедняжка Соловей Терпел всех боле муки.* (И.А. Крылов, Соловьи).

2) Кукушка с тоской – кукушку в тоске – печали кукушки (2) – в печали кукушка – кукушка о скорби – горе кукушки – кукушка в горе – горе кукушечье (9):

И пророчица-кукушка С безмятежною тоской, Точно слезы, сыплет годы, Сыплет звуки надо мной. (К.М. Фофанов, Кукушка); *Там услышишь ты кукушку вдалеке: Куковала так злосчастливая в тоске.* (А.Ф. Мерзляков, Сельская элегия); *Я стоял на забытой опушке, И в душе серебрились печали, Те печали, что вечно звучали В кукованье весенней кукушки...* (К.Д. Бальмонт, Кукушка); *...где-то далеко вдали мерно и настойчиво, как бы убежденная среди всех этих тщетных соловьиных восторгов в правоте только своей одинокой, бездомной печали, не смолкая куковала кукушка, и ее гулко-полюй голос казался то ближе, то дальше, грустно и дивно чередуясь с еще более дальними откликами вечеряющего леса.* (И.А. Бунин, Жизнь Арсеньева); *Жалобно в лесу кричит кукушка О любви, о скорби неизбежной...* (Н.М. Рубцов, Над рекой); *Считала кукушка в смолистой глуши Горе да печали бездомной души.* (Л.Ф. Бартольд, Кукушкины слезки); *Аль кукушка то кукует, Золотая в горе вдалась?* (К.Ф. Жаков, Биармия); *Выслушают уши чьи обиду прибоя, горе кукушечье, птичье, рябое?* (С.В. Петров, Дудочка).

3) Вороны тоски – тоски врана – ворон печаль – скорбью ворон – горя ворона – горе вороне – ворон горе (2) (8):

Говорят, Купало пляшет в бородах, А в моей гнездятся вороны тоски! (Н.А. Клюев, Гитарная); *Под крепкой стражей Океана Тоски недремлющего врана Страдальца сердцем насыщать?* (В.Г. Тепляков, Гений); *Черный вран, свистя крылом, Вьется над санями; Ворон каркает: печаль!* (В.А. Жуковский, Светлана); *Нет, не о мокрой безымянной могиле, что с разных сторон вся укрыта осеннюю лиственной охрой и окаркана горькою скорбью ворон.* (Б.П. Корнилов, Триполье); *Каркая, горя вещунья – ворона Села на куполе сельского храма.* (И. Северянин, Что видели птицы...); *Вот ворона сидит на заборе. Горе ей. Настоящее горе! Ведь ни зернышка нет у вороны И от холода нет обороны...* (Н.М. Рубцов, Ворона); *Страшный древний Ворон, горе возвещающий всегда, Что же значит крик твой: «Никогда?»* (Д.С. Мережковский, Ворон); *Ты не вейся, черный ворон, Не маши бойцу крылом: Не накличешь сердцу горе, Все равно свое возьмем!* (М.С. Голодный, Песня чапаевца).

4) Тоска лебединая (2) – лебедь тоски – печали лебединой – лебедь печаль – лебеди печали – лебеда грусть – горе лебедью (8):

Тоска лебединая, В очах твоих Дон ночевал. (М.И. Цветаева, Новогодняя); *Пела скрипка, и чудился раненый Белый лебедь... алела волна... Но звенела тоска лебединая: - Не найдешь... Без Царевны умрешь...* (А.В. Ширявец, Скрипка); *...едва-едва склонялась Под бременем навек ушедших дней Как лебедь, ослепленный белизною И полный удивленья и тоски.* (К.Д. Бальмонт, Немая тень); *Тогда припомни час единый, Вечерний удаленный час, И крик печали лебединой, И взор моих прощальных глаз.* (А.А. Ахматова, Последнее письмо); *Им навстречу, в ферази атласной, Выйдет Лебедь – русская печаль.* (Н.А. Клюев, Не хочу Коммуны без лежанки...); *Откроются*

взору жемчужные дали, И в них засияют, огнем залиты, И белые лебеди чистой печали, И белые розы святой красоты. (Т.Л. Щепкина-Куперник, За гранью); А впереди их лебедь. В глазах, как роща, грусть. (С.А. Есенин, Иорданская голубица); У иной из них горе-невестушка Белошеею лебедью плавает... (Л.А. Мей, Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую).

5) Тоскливый соловей – печальный соловей – печальной соловыхой – глас печальный соловья – унылый соловей – соловушки трель унылую – соловьиная песня унылая – скучен соловей (8):

Тоскливый соловей согласно восклицает, Но ненавистна мне природы красота, Которая сии места Присутствием услаждать еще не отрицает, Когда не чувствуешь ты больше ничего. (М.Н. Муравьев, Примирение); **Печальный соловей**, вздохнув, ему сказал: «Недолго в рощах сих дубовых Я радость воспевал!» (К.Н. Батюшков, Пастух и соловей); На ветке соловей торчит с печальной соловыхой. (С.В. Петров, Остановился вечерок...); Два дуба листья свои соединяют, Под тенью <путника> от зноя сокрывают, Цветут на берегу серебристого ручья; Тут часто слышен глас печальный соловья. (А.Ф. Мерзляков, Письмо Вертера к Шарлоте); Не любишь песен ты, не знаешь хоровода, Унылый соловей вдали отсель поет. (А.А. Дельвиг, Дочь хладна льда! Богиня разрушенья...); Есть одна хорошая песня у соловушки – Песня панихидная по моей головушке. Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую. (С.А. Есенин, Песня); Соловьиная песня унылая, Что как жалоба катится слезная... (А.К. Толстой, Запад гаснет в дали бледно-розовой...); Ты гремел – почто же, милый, Вдруг замолк? и скучен стал? Чем же, друг мой, недоволен? Отчего тебе грустить?.. (Ф.Н. Глинка, К соловью в клетке).

6) Тоскует соловей (2) – грустить соловью – соловей грустит – соловьи грустят (2) – скучает соловей – соловей изнывая (8):

И сосна там раскинула силу ветвей, Слово облик его, хороша, И тоскует на ней по ночам соловей, Слово песню кончает душа. (А.К. Толстой, Гаральд Свенгольм); Из них один бедняжка Соловей Терпел всех боле муки: Он разлучен с подружкой был своей. Ему тошнее всех в неволе. Сквозь слез из клетки он поглядывает в поле; Тоскует день и ночь. (И.А. Крылов, Соловьи); Ты гремел – почто же, милый, Вдруг замолк? и скучен стал? Чем же, друг мой, недоволен? Отчего тебе грустить?.. (Ф.Н. Глинка, К соловью в клетке); А соловей во тьме лесной Неслышимый грустит. (А.А. Фет, Над морем спит косматый бор...); Вслед за жаворонком нежно Соловьи о вас грустят... (А.А. Фет, К цветам (из Шиллера); Соловьи грустят в ночных сиренях, В синагоге канторы поют. (Б.Ю. Поплавский, В сумраке); Скучает в Брянских лесах О нем Соловей-разбойник. (М.А. Светлов, Товарищ устал стоять...); Иль поет и ярко так и страстно Соловей, над розой изнывая? (А.А. Фет, Фантазия).

Средняя степень концентрации на основе метафор скворца, кукушки, журавля, иволги, лебедя, орла, соловья (7-5):

1) Скворушка тоску – скворец тоской – скворец скуки – скворец со скуки – скворец скорби (2) – скворец печаль (7):

Скворушка, скворушка, ты с непривычки Чуешь на воле тоску и лишения. (А.М. Жемчужников, Освобожденный скворец); *И ты, товарищ тайной скуки, Тревог души, страданий, муки, И ты, о добрый мой скворец, Меня покинул наконец! Он создан с нежною душой, Он, верно, мучился тоской... Как часто резвый голос свой Он изменял на звук печальный, Как бы внимая скорби тайной. О вы, жестокие сердца! Учитесь чувствам от скворца! И все за то скворца хвалили, Что он, среди скорби и недуг, И в узах был мне верный друг... И мнилось – пел мой друг сердечный: «Печаль и жизнь не бесконечны». И умер мой скворец со скуки!* (В.Ф. Раевский, На смерть моего скворца).

2) Кукушка печально (2) – кукушка грустно (4) (6):

То кукушка куковала Так печально-одинок; Чайка белая стонала Над рекою светлоструйной. (К.Ф. Жаков, Биармия); *Кукушка на суку печально куковала.* «Что, кумушка, ты так грустна? – Ей с ветки ласково Голубка ворковала...» (И.А. Крылов, Кукушка и Горлинка); *...где-то далеко вдали мерно и настойчиво, как бы убежденная среди всех этих тщетных соловьиных восторгов в правоте только своей одинокой, бездомной печали, не смолкая куковала кукушка, и ее гулко-полый голос казался то ближе, то дальше, грустно и дивно чередуясь с еще более дальними откликами вечеряющего леса.* (И.А. Бунин, Жизнь Арсеньева); *Мгла кругом густая Поле одевала, Да в лесу кукушка Грустно куковала.* (С.Д. Дрожжин, Там, где мы с тобою...); *На яблоне грустно кукушка кукует, На камне мужик одиноко горюет...* (И.С. Никитин, На пепелище); *Кукушка выскакивает из часов и насмешиливо-грустно кукует над тобою в пустом доме.* (И.А. Бунин, Антоновские яблоки).

3) Журавлей разговор печальный – журавлиный грустный голос – скорбную весть журавлей – рыданью горестному журавлей – журавль уныл (5):

Нынче улетели журавли на заре промозглой и туманной. Долго, долго затихал вдали разговор печальный и гортанный. (В.М. Тушнова, Осень); *Тает в небе журавлиный Удаляющийся крик. Замер, кажется, в зените Грустный голос, долгий звук.* (А.А. Блок, Золотистою долиной...); *Вот уж близко летят и, все громче рыдая, Словно скорбную весть мне они принесли... Из какого же вы не приветного края Прилетели сюда на ночлег, журавли?* (А.М. Жемчужников, Осенние журавли); *Два крыла, как два огромных горя, Обняли холодную волну, И, рыданью горестному вторя, Журавли рванулись в вышину.* (Н.А. Заболоцкий, Журавли); *Один бедной журавль, Нем и уныл, пригорюнясь сидел: Нogu стрелой перешиб ему ловчей.* (А.Н. Радищев, Журавли).

4) Иволга печальная – иволги печальный голос – грустною иволгой – иволги унылой – горький голос иволги (5):

То ли иволга плачет, печальная птица, То ли в озере Черном русалка томится. (В.А. Луговской, Тревога); *Я слышу иволги всегда печальный голос И лета пышного приветствую ущерб...* (А.А. Ахматова, Я слышу иволги всегда печальный голос...); *Это вовсе не страшно: душа все равно будет петь, Все равно будет клювиком легким лазури касаться, Только будет она называться*

синицею впредь Или **грустною иволгой** будет она называться. (В.М. Блаженный, И тогда от меня отделилась какая-то часть естества...); *Над свежей юности могилой Теперь березы лишь шумят Да утром пасмурным звучат Напевы иволги унылой...* (А.Н. Плещеев, Страдал он в жизни много, много...); *Горький голос иволги накликал темные туманные деньки...* (Н.Н. Ушаков, Голос иволги).

5) *Лебедь печальнее – пары грустные лебедей – скорбных лебедей – лебеди клич унылый – лебедушки слезы горькие* (5):

И когда блеснули звезды дальние, И когда туман вставал в глуши, Лебедь пел все тише, все печальнее... (К.Д. Бальмонт, Лебедь); *Гляжу на бледные усталые озера, На пары грустные последних лебедей.* (И.Г. Эренбург, Благодарю); *В душе с тобой неразделимы: Булонский лес, печаль аллея, Узорный переплет ветвей, Парижа меркнувшие дымы И шеи скорбных лебедей.* (М.А. Волошин, М.С. Цетлин (Нет, не склоненной к дверной раме...)); *Лебедь, лебедь белокрылый, слышишь лебеди летят, слышишь братьев клич унылый?* (Л.Д. Семенов, Лебедь); *Распустила крылья белые Белоснежная лебедушка И ногами помертвелыми Оттолкнула малых детушек. Побежали детки к озеру, Понеслись в густые заросли, А из глаз родимой матери Покатились слезы горькие.* (С.А. Есенин, Лебедушка).

б) *Орлиной тоски – печаль орлов – орел от скорби – орел горе – орел от горести* (5):

Лебедей здесь когда-то кормили с руки, Дней лицейских беспечная пряжа Здесь рвалась от порывов орлиной тоски В мертвом царстве команд и плюмажа. (Вс.А. Рождественский, Если не пил ты в детстве студеной воды...); *Стекло лазури, мания верблюдов Соленая печаль орлов, огонь луны И голова священника на блюде Все были вы давно нам суждены.* (Б.Ю. Поплавский, Стекло лазури, мания верблюдов...); *Сняли цепи с орла – На свободу пустили... Ослабел, изнемог Он от скорби и боли...* (Г. Галина, Освобожденный); *Взгляни на светлый пруд, едва-едва струимый Дыханьем ветерка: в сию минуту зримы В нем яркий Фебов свет, чистейший свод небес И дерзостный орел, горе один парящий.* (Н.М. Карамзин, Протей, или Несогласия стихотворца); *Орел из-под небес к семье своей С богатым завтраком с охоты торопился, Он видит: дуб его свалился И подавило им Орлицу и детей. От горести невзвидя свету: «Несчастный! – он сказал, – За гордость рок меня так люто наказал, Что не послушался я умного совету...»* (И.А. Крылов, Орел и Крот).

7) *Тоскливо соловей* (2) – *печально соловей* (2) – *соловей уныло* (5):

Отчего в разгаре золотого лета Так тоскливо соловей поет? (С.Я. Надсон, М.А. Российский. (Из Гейне); *И тщетно меж ветвей Тоскливо и влюбленно Вздыхает соловей.* (Г.В. Иванов, Над озером тумана...); *Лада к ивушке присела, И над нею меж ветвей Зыбь туманная висела, Пел печально соловей...* (С.А. Клычков, Лада плавает в затоне...); *И вот Ей слышится: в клетке железной Поет соловей, но печально поет, И бьется в тоске бесполезной.* (Л.Н. Трефолов, Маргаритка); *Ночное небо было в темных тучах, И соловей в саду уныло пел.* (Н.П. Огарев, Уж было поздно: надо было мне...).

Низкая степень концентрации на основе **метафор голубя, журавля, кориуна, совы, чайки, чибиса, кукушки** (4-3):

1) Голубиная тоска – голубя печаль – горе голубь – голубю горе (4):

С крыши летит сверкающая стая – Наша голубиная тоска. (А.С. Головина, Голубиные города); *Два Голубя как два родные брата жили, Друг без друга они не ели и не пили; Где видишь одного, другой уж, верно, там; И радость и печаль, все было пополам.* (И.А. Крылов, Два Голубя); *Но романтиков вечное горе – Как смертельный прыжок плясуна И как голубь над кровлей ковчега.* (П.Г. Антокольский, Времена); *Однако ж молодой затеял голубок Лететь за море; Другому голубю то было горе; – Был голубь опытен и ум имел глубок, И говорил товарищу любезну: Ты не хорошу мысль питаешь, не полезну; Готовишь множество себе печалей, бед; Зачем летать!* (Д.И. Хвостов, Два голубя).

2) Голубь печально – голубочек печально – голубочек уныло – грустно голубям (4):

В чаще сада ворковал дикий голубь, – закрыв глаза, надув грудку, печально, сладко ворковал о том, что точно так же все это будет всегда, и пройдет, и снова будет. (А.Н. Толстой, Детство Никиты); *Сизокрылый голубочек, Сядь в саду его на ветку, И уныло заворкуй... И уныло и печально День и ночь воркуй, стони...* (Н.Г. Цыганов, Русская элегия); *Два Голубя как два родные брата жили, Друг без друга они не ели и не пили; Где видишь одного, другой уж, верно, там; И радость и печаль, все было пополам. Не видели они, как время пролетало; Бывало грустно им, а скучно не бывало.* (И.А. Крылов, Два Голубя).

3) Журавли от тоски – журавлиной тоской – тоской журавлиной – горя журавли (4):

Неспроста журавли на болоте Изнывают от сизой тоски. (Н.А. Клюев, Ленин на эшафоте...); *Вот она, невеселая рябь С журавлиной тоской сентября!* (С.А. Есенин, Ночь и поле, и крик петухов...); *Полюбил я с тоской журавлиной На высокой горе монастырь.* (С.А. Есенин, За горами, за желтыми долами...); *Два крыла, как два огромных горя, Обняли холодную волну, И, рыданью горестному вторя, Журавли рванулись в вышину.* (Н.А. Заболоцкий, Журавли).

4) Тоскуют журавли – тоскуя журавли – журавли изнывают – журавль пригорюнясь (4):

Свет, как очи, взойдет над болотом, Где тоскуют сердца-журавли. (Н.А. Клюев, Ленин на эшафоте...); *Тоскуя о родном тепле, Цепочкою вдали Летят, – а что тут на земле, Не знают журавли...* (А.Т. Твардовский, Страна Муравия); *Неспроста журавли на болоте Изнывают от сизой тоски.* (Н.А. Клюев, Ленин на эшафоте...); *Один бедной журавль, Нем и уныл, пригорюнясь сидел: Нogu стрелой перешиб ему ловчей.* (А.Н. Радищев, Журавли).

5) Кориун тоски – кориуном грусть – кориун-горе – кориуны горести (4):

Знаю, – с груди захирелой моей **Коршун тоски** не слетит. (Ф.К. Сологуб, Утро); **Старым коршуном грусть** мои думы таит... (А.Б. Кусиков, Месяц-пастух запрокинул свой красный башлык...); **Мне коршун-горе сердце** гложет, **И луч небесного огня От рока не спасет меня И цепь сорвать мне не поможет!** (Ю.В. Жадовская, Увы! и я, как Прометей...); **Как коршуны, далеко разлетятся Все горести, точившие нам сердце.** (С.Ф. Дуров, Минотавр).

6) **Печальная сова – совы печальной – унылый крик совы – сов заунывный переклик** (4):

Печальная сова ночь сонну пробуждает; Влачась слезною волной, **Коцит** едва мелькает. (А.Ф. Мерзляков, К Лауре за клавином); **На дорогах тяжкий гроб везут, И голос погребальной, Как вой совы печальной.** (В.А. Жуковский, Ленора); **Приятней их – унылый крик совы И мелодичней – кваканье лягушки.** (Л.Н. Трефолов, Грешница); **Послышался где-то Двух сов заунывный, глухой переклик...** (К.Н. Льдов, Отшельник).

7) **Совы тоскливо – грустно сова – сова уныло – горько сова** (4):

Думали: совы пророчат беду, Ухая ночью тоскливо и сиро. (К.С. Арсеньева, Помнишь ли домик под тенью вершин...); **И вопит отчаянно и грустно Всеми позабытая сова.** (В.А. Луговской, Вот тогда); **Нет милой, нет драгой: она погребена Под камнем серым, миштым; То вдруг под дубом там ветвистым Сова уныло закричит.** (В.Л. Пушкин, Письмо к И.И. Д<митриеву>); **Горько плачется сова от премудрости ночной.** (С.В. Петров, Никого не назову...).

8) **Чайка в тоске – тоской чайки – чайка тоской – чайкой грусть** (4):

И умершая чайка печальна и безмолвна в суровой тоске, Ей играет прибой беспокойный на морском пожелтевшем песке. (В.Г. Шершеневич, Мертвая чайка); **Истомясь тоской бессилья, Стынут чайки в белом сне.** (Б.А. Садовской, Морозные узоры); **Чайка, серая чайка с печальными криками носится Над холодной пучиной морской. И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы Так полны безграничной тоской?** (К.Д. Бальмонт, Чайка); **К его сырому изголовью Слетает чайкой грусть звонниц.** (Н.А. Клюев, Ночная песня).

9) **Тоскливые чайки – чайка с печальными криками – чайка печальна – чайки скорбный стон** (4):

Ночь одевала нас черною мглой, Где-то тоскливые чайки кричали, Тучи по небу неслися толпой. (А.И. Тиняков, Светлые горы тонули в тумане...); **Чайка, серая чайка с печальными криками носится Над холодной пучиной морской. И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы Так полны безграничной тоской?** (К.Д. Бальмонт, Чайка); **И умершая чайка печальна и безмолвна в суровой тоске, Ей играет прибой беспокойный на морском пожелтевшем песке.** (В.Г. Шершеневич, Мертвая чайка); **Нет, это чайки. Странно дики И нарушают смутный сон Неумолкающие крики – Короткий свист и скорбный стон.** (С.Я. Маршак, Чайки).

10) **Тоскливый чибис – чибиса печальный стон – печальны чибисы – чибиса унылый крик** (4):

Где-то там тоскливый чибис Пролетает в высь. (А. Белый, Предчувствие); *Лишь чибиса в глуши печальный, редкий стон, Лишь изредка вдали звонков овечьих звон* *Повременно сие молчанье нарушают!* (В.А. Жуковский, Опустевшая деревня); *И, резки испустив в болоте ближнем крики, Прочь крылья наострят носасты кулики, Печальны чибисы, умильны перепелки.* (К.Н. Батюшков, Из письма к Гнедичу Н.И. от 4 августа 1809 г.); *Смогу ли осенью хрустальной, Следя певучий твой родник, Услышать леса шум печальный И чибиса унылый крик.* (С.П. Бобров, Моему ручью).

11) *Голубочек тоскует – голубки поскучали – голубка приуныв* (3):

Стонет сизый голубочек, Все тоскует, все тоскует И тихонько слезы льет. (И.И. Дмитриев, Стонет сизый голубочек...); *Осиротели мои голубки, но недолго поскучали и начали опять целоваться, и опять у них парка детей готовы, а та проклятая кошка опять как тут...* (Н.С. Лесков, Очарованный странник); *Вдруг голубка прилетела, Приуныв, издалека, Над своим любезным села, Будит, будит голубка.* (И.И. Дмитриев, Стонет сизый голубочек...).

12) *Унылая кукушка – заунывные песни кукушки – кукушка грустна* (3):

С полупрозрачной зеленью опушка И первый шелест молодых берез, И вещая унылая кукушка. (Д.С. Мережковский, Старинные октавы); *Покорное терпение, молчаливое ожидание чего-то более живого слышатся даже в крике кукушки, прилетающем по ветру с берега на реку... Заунывные песни точно просят о помощи...* (М. Горький, Фома Гордеев); *Кукушка на суку печально куковала. «Что, кумушка, ты так грустна? – Ей с ветки ласково Голубка ворковала...»* (И.А. Крылов, Кукушка и Горлинка).

Таким образом, выделенные синонимические ряды на основе метафор видов птиц показывают степени продуктивности образов-репрезентантов эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в диапазоне от частотного до менее проявляемого. Высокую степень концентрации демонстрируют метафоры соловья – 15-8, кукушки – 9, вороны – 8, лебедя – 8. Средняя степень концентрации отводится метафорам скворца – 7, кукушки – 6, журавля – 5, иволги – 5, лебедя – 5, орла – 5, соловья – 5. Низкую степень концентрации имеют метафоры голубя – 4-3, журавля – 4, коршуна – 4, совы – 4, чайки – 4, чибиса – 4, кукушки – 3. По количеству посвященных строк с эмотивом «тоска» наиболее поэтическими у русских авторов являются 'соловей' – 36, 'кукушка' – 18, далее в порядке убывания следуют 'журавль' – 13, 'лебедь' – 13, 'голубь' – 11, 'ворона' – 8, 'сова' – 8, 'чайка' – 8, 'скворец' – 7, 'иволга' – 5, 'орел' – 5, 'коршун' – 4, 'чибис' – 4. Родовое понятие 'птица' содержит меньшее количество признаков – 16, но общих для большего количества видовых понятий.

В таблице 6 отражены метафорические образы-репрезентанты эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», «уныние», «скорбь», «скука», «горесть», их ассоциативно-смысловые признаки живой природы – орнитологический код.

Таблица 6 – Синонимический ряд эмотива «тоска» с метафорой видов птиц

Признаки	Отраженная метафорическая синонимия								Итого
	тоска	грусть	печаль	горе	уныние	скорбь	скука	горесть	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
‘Виды птиц’:	38	22	35	23	19	9	7	3	156
‘Птица’:	3	4	4	2	2	-	1	-	16
‘Ворона’	2	-	1	4	-	1	-	-	8
‘Голубь’	2	1	3	2	2	-	1	-	11
‘Журавль’	5	1	1	2	2	1	-	1	13
‘Иволга’	-	1	2	1	1	-	-	-	5
‘Коршун’	1	1	-	1	-	-	-	1	4
‘Кукушка’	2	5	5	3	2	1	-	-	18
‘Лебедь’	3	2	4	2	1	1	-	-	13
‘Орел’	1	-	1	1	-	1	-	1	5
‘Скворец’	2	-	1	-	-	2	2	-	7
‘Сова’	1	1	2	1	3	-	-	-	8
‘Соловей’	11	5	7	4	5	1	3	-	36
‘Чайка’	4	1	2	-	-	1	-	-	8
‘Чиби́с’	1	-	2	-	1	-	-	-	4

Эмотив тоски с метафорой видов птиц разнообразен по временной протяженности. Так, русские авторы XIX и XX веков чаще обращались к эмотивам тоски – 38, печали – 35, горя – 23 и грусти – 22 за исключением эмотивов уныния и скорби, из которых в XIX веке преобладающим являлся эмотив уныния – 11, а в XX веке эмотив скорби – 6.

Таблица 7 – Временная репрезентация синонимического ряда эмотива «тоска» с метафорой видов птиц в художественных произведениях

Репрезентация	Век			Итого
	XVIII	XIX	XX	
1	2	3	4	5
тоска	2	14	22	38
грусть		8	14	22
печаль		17	18	35
горе	2	8	13	23
уныние	3	11	5	19
скорбь		3	6	9
скука		5	2	7
горесть		2	1	3
Итого	7	68	81	156

Рассматривая частеречную репрезентацию синонимических рядов эмотива «тоска» с метафорой видов птиц в художественных произведениях, наблюдается высокое употребление имени существительного – 80, далее в порядке убывания имени прилагательного – 42, наречия – 19 и глагола – 15.

Таблица 8 – Частеречная репрезентация синонимического ряда эмотива «тоска» с метафорой видов птиц в художественных произведениях

Репрезентация	Часть речи				Итого
	существительное	прилагательное	глагол	наречие	
1	2	3	4	5	6
тоска	27	3	5	3	38
грусть	6	6	4	6	22
печаль	15	14		6	35
горе	19	2	1	1	23
уныние	1	12	3	3	19
скорбь	6	3			9
скука	4	1	2		7
горесть	2	1			3
Итого	80	42	15	19	156

3.2.3 Концептуальные метафоры неживой природы: стихия воды

Стихия воды репрезентируется отраженной метафорической синонимией концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» через родо-видовые различия водоемов, представляя разновидность отношений включения [371, с. 29-35].

Водоем – метафорическая детерминанта, образ-репрезентант эмоциональных концептов. Синонимический ряд на основе **метафоры водоема** демонстрирует низкую степень концентрации:

В водоеме скука – в водоем горе (2):

В водоеме души скука газетных страниц... (Б.С. Земенков, Проплываю по стокам улиц...); *Пускай в Меня, как в водоем, Вольются боль, и грязь, и горе...* (А.И. Тиняков, Единое).

Образами-репрезентантами эмоциональных концептов выступают разновидности водоемов: болото – море – озеро – океан – пруд – река.

Синонимические ряды на основе метафор видов водоемов распределяются по степеням продуктивности:

Высокая степень концентрации на основе **метафор моря, реки, океана, озера** (38-8):

1) *Море тоски (2) – море тоской – море тоску – тоска море – тоску море – тоски морской – печаль море – печали море – печали в море – печаль морей – морем печали – море печали (3) – море горя – море от горя – море горе (5) – море в горе – горе море (6) – горе морей – горе в море (2) – в море уныние – море грусти – морем грусти – море скорбей – моря скорби – морями скорбь (38):*

Без цели блуждает она, и безбрежней Пред ней открывается море тоски. (С.М. Соловьев, Пиэрийские розы); *Грезы! Пора на кладбище вам... Небо – как море тоски.* (С.М. Соловьев, Грезы! Пора на кладбище вам...); *Иль, как полуночное море Под многозвучный шум людской, Замрет в знакомом мне уоре Холодной северной тоской?* (Ю.Н. Верховский, Могу ль внимать напев волшебный...); *Море выплакаться хочет И отдать тоску земле.* (А.К. Герцык, Два состояния моря); *Твоя предзимняя тоска, Она, как море, необъятна, Как*

мрак осенний, глубока. (Н.А. Клюев, Не говори, – без слов понятна...); Но, когда подслушал я в далеком храме Странную, **как море, тихую тоску**, – Понял я, что слишком долго был я с вами И что петь другому я уж не могу. (И.Г. Эренбург, Я ушел от ваших ярких, дерзких песен...); Но в адском лязге передачи **Тоски морской** Стоят, в карманы руки пряча, Как в мастерской. (Б.Л. Пастернак, Матрос в Москве); **Страсти, горе** Губят тысячи людей, Как пожар – траву степей, **И печаль растет, как море!** (Д.С. Мережковский, Песнь баядер); **Пью** ночей осенних горечь, их горячую струю, море лжи, **печали море**, запрокинув очи, пью. (Л.Л. Аронзон, Чтоб себя не разбудить...); Сколько тайной **печали**, пустоты и безнадежья **В** нарастающем **море**, прибегающем ко мне... (И. Северянин, Морская памятка); **Печаль** одиноких **морей**, я узнал тебя рано! (В.В. Гиппиус, **Печаль** одиноких **морей**, я узнал тебя рано!..); И в каждом слове вспыхнула звезда **Над тихим морем сдержанной печали**, – О, я совсем сошел с ума тогда! (А.В. Эйснер, Глава из поэмы); **И море** все той же **печали**, Все тех же маленьких бед, **Шумит** в еврейском квартале **Под гулы русских побед**. (В.Я. Брюсов, Все чаще); Но целое **море печали** не смоем Из памяти этого первого зверя. (Н.С. Гумилев, Блудный сын); **И неизмеренное море Печали**, тяжких мук и **горя** И славы – тот душевный пыл, **Что вновь и вновь рождается в споре** На эту тему: фронт и тыл. (А.Т. Твардовский, За далью – даль); Если б подошел я к пене моря, Так давно знакомой и родной, **Море** почернело бы **от горя**, **Быстро отступая** предо мной. (Н.С. Гумилев, Позор); То послушно, то строптиво, **Море – горе**, море – рай... (М.А. Кузмин, Серенада); **Своенравный сосед, безумолчное море!** Наглядеться мне дай, мне послушаться дай, **Как играешь волной, как ты мыкаешь горе**. (П.А. Вяземский, Босфор); Не плачь, не плачь ты, сине **море**, **Глубоко вопли затаи: Пройдет** твое **лихое горе**, **Вернутся соколы твои!** (Н.В. Берг, О чем ты стонешь, сине море?..); **О море, широкое, вольное море!** Ты шумно, как радость, **глубоко, как горе**. (В.Г. Бенедиктов, Море); **Успокоительно, как горе**, всю ночь, и вечером, и днем **полуустало плещет море** и у дверей, и под окном. (Я.В. Смеляков, Море под окном); **Как грудь, вздымается и ходит море**, и кличет ночь, и пробует уснуть, **колышется и переходит в горе**, а горе **подымает грудь**. (С.В. Петров, Птичья осень); **Горе ты горе**, – **соленое море!** Ты и накормишь, Ты и напоишь, Ты и **закружишь**, Ты и **отслужишь!** (М.И. Цветаева, Радость – что сахар...); **Горе, как море**, **бездонно-глубокое**, **Горе, которому нет и конца**. (Л.Н. Трефолев, Бедные люди); Но **горе, новое, неведомое горе**, **Безбрежное, как мир, бездонное, как море...** (С.Г. Фруг, На родине); **Что достанется узнать Девушке девичье горе**, **Своенравное, как море**. (А.В. Кольцов, Поэт и няня); **Только горе обширно, как море**, и, как небо над ним, высоко, и в конце концов **только горе переносится нами легко**. (Б.А. Слуцкий, Необходимость горя); **А если государь проступится, так горе** **Польется на народ**, и часто **будто море**. (А.П. Сумароков, Эпистола его императорскому высочеству государю великому князю Павлу Петровичу в день рождения его 1761 года сентября 20 числа); **Взоры вспыхнут, и сердце мятежное Просит бури безумных страстей**, **Точно горе его неизбежное – Горе** **леса, небес и морей...** (К.М. Фофанов, Не мигают зарницы вечерние...); **Аленушка, слушай – Лель на**

свирели, Уплыло **горе в заморское море!** (И.В. Чиннов, В долине плача, в юдоли печали...); ...поглядите мухи **в море там уныние да горе над водой колышат пар.** (Д.И. Хармс, Падение вод); **Река течет Охотным рядом, Колонным залом, сетью устьий И, заблестев прощальным взглядом, Впадает в море черной грусти.** (М.А. Тарловский, Киров); **По всей земле осипшим морем грусти, Дымясь, гремел и стлался слух о ней, Марусе тихих русских захолуствий, Поколебавшей землю в десять дней.** (Б.Л. Пастернак, Спекторский); **Покидал я затишье родимых полей, И бросался в кипучее море скорбей, И тревог, и сомнений людских!** (С.Я. Надсон, Беспokoйной душевною жаждой томим...); **В глазах – два моря скорби и страстей.** (А.А. Блок, Сырое лето. Я лежу...); **Какими морями великими слез Мне скорбь вырыдать...** (М.П. Герасимов, Голод).

2) **Река тоскою – рекою тоски – реки тоску – Нева с тоски – тоску Волги – реки печаль – реке печали – реки печали – печаль рекою – река с грустью – грустью река – скорбь рекою – скорбь рек – о скорби река – скукой от реки – унынье реками – горя рекой – горя реченька – горестей реку** (19):

Река возвращалась сюда не такою, какую отсюда давно уходила: со всею столетьями зревшей **тоскою**, достигшей бесстрашья и творческой силы. (О.Ф. Берггольц, Балка Солянка); **О, горько, горько я рыдал, Когда в то утро я стоял На берегу родной реки, И в первый раз ее назвал Рекою рабства и тоски!..** (Н.А. Некрасов, На Волге (Детство Валежникова); **О реки близкие, но прежде разделенны, Ликуйте, тщанием Петровым сопряженны; Струями по тому ж играючи песку, Забудьте древнюю друг о друге тоску.** (М.В. Ломоносов, Петр Великий); ...течет **Нева** к пустому лету, кружа мосты с **тоски**, с **тоски**, пройдешь и ты, и без ответа оставишь ты вопрос реки. (И.А. Бродский, Петербургский роман); **Разгуляли тоску Волги-матушки синие волны!..** (И.С. Никитин, Бурлак); **Я вижу: в зеркале реки Печаль в туманности одета.** (К.Д. Бальмонт, Прощай); **Я оттиск лебедя прекрасного найду, Недостающего реке людской печали.** (Б.К. Лившиц, Эпитафия); **И реки печали стеклись: из озер Стал мир непостижный и новый.** (В.И. Иванов, Гимны к ночи); **Тоска разлилась по Русской земле, печаль многая рекою протекла среди земли Русской.** (Слово о походе Игорево, Игоря, сына Святославова, внука Олегова); **Только ветер с плачем шевелит ветвями И кусты осоки над рекой качает, Да река о берег мутными волнами С безысходной грустью глухо ударяет.** (С.Я. Надсон, Боярин Брянский); **Уж не грустя прощальной грустью, Медлительна и широка, Все завершив, достигла устья Благословенная река.** (Д.Л. Андреев, Уж не грустя прощальной грустью...); **Где радость, смехи обитали, Там скорбь рекою слезы льет.** (М.Л. Магницкий, На кончину князя Петра Михайловича Волконского); **Я помню все: скорбь вавилонских рек, И скрип телег, и дребезги кинор...** (Д. Кнут, Я, Довид-Ари бен Меир...); **О славе, о скорби, о визе грохочет густая река.** (Н.Н. Ушаков, Новый Седан); **Томительной скукой веет от реки: пустынная, прикрытая ноздреватой коростой, она лежит безотрадно прямою дорогой во мгlistую область...** (М. Горький, Ледоход); **Унынье, растрепав власы, по граду ходит, Потупив очи вниз, в отчаянье приводит, Бьет себя во грудь,**

реками слезы льет. (М.М. Херасков, *Россиада*. Поэма эпическая); *Эх, сколько горя горького, Бескрайнего, бездонного В каморку эту тесную Текло, лилось рекой!* (С. Черный, *Кому в эмиграции жить хорошо*); *Мало слов, а горя реченька, Горя реченька бездонная!*.. (Н.А. Некрасов, *Орина, мать солдатская*); *То мало, тяжкое что бремя уз влеку, И глубочайшую пью горестей реку.* (М. Аврамов, *Москва, оплакивающая бедствия свои*).

3) *Океан тоски* (2) – в океане тоски – в океане тоска – в океане печали – в океане печаль – океана скуки – скорби океан – скорбь океана – океан горя – горе океана (11):

Океан тоски мертвящей – Ум пытливый мудреца. (В.Г. Тепляков, *Менада*); *Каждый палец мой – умерший город А ладонь океан тоски* Может поэтому так мне дороги Руки твои. (К.К. Вагинов, *Каждый палец мой – умерший город...*); *И остров свободы воздвигнут тобою В глухом океане тоски бытия.* (Н.И. Колоколов, *Тебе...* (Из поэмы «От будней к празднику»)); *В океане, где спит тоска, Разобьется о вечный лед.* (Б.Ю. Поплавский, *Саломея II*); *Утро было как утро – розы дождливой весны Плыли в широком окне, ледяном океане печали.* (Г.В. Иванов, *Утро было как утро...*); *Там нет жилья – как в темном океане – Одна печаль.* (А.А. Блок, *Я стар душой. Какой-то жребий черный...*); *Но знаю: впереди, средь океана скуки, Одно лишь замечательное: смерть.* (И.Л. Сельвинский, *Ах, что ни говори, а молодость прошла...*); *В его фиале мед с отравой – Всемирной скорби океан.* (В.Г. Тепляков, *Два ангела*); *Хочет о небе забыть океан и не может: Скорбь о родных небесах его* вечно тревожит. (Д.С. Мережковский, *Небо и море*); *Я в пристани – и ни за что на свете К вам, в океан и горя и несчастий, Я не сойду...* (Н.В. Кукольник, *Из драматической фантазии «Торквато Тассо»*); *О вечно ропщущий, угрюмый Океан! С богами вечными когда-то в гордом споре Цепями вечными окованный титан И древнее свое один несущий горе!* (А.Н. Майков, *О вечно ропщущий, угрюмый Океан...*).

4) *Озеро тоски* – озеру тоски – тоскою озер – озерную тоску – тоске озерной – озерная печаль – озера печали – озера грусти – озер скорби (9):

Усталый ручеек руки, Теплый, едва созная, Впадает в глубокое озеро тоски... (В.А. Моница, *В черносиних глянцах...*); *И плывет бессмертный «Лебедь» Грига По ночному озеру тоски.* (С. Черный, *Квартирантка*); *Я Север люблю, я сроднился с тоскою Его миловидных полей и озер.* (И. Северянин, *Тяга на юг...*); *О Русь, малиновое поле И синь, упавшая в реку, Люблю до радости и боли Твою озерную тоску.* (С.А. Есенин, *Запели тесные дроги...*); *И в голубой тоске озерной, И в нежных столах камыша, Дремой окована упорной, Таится сонная Душа.* (С.В. Киссин, *Вл. Ходасевичу*); *Серые глаза, и за ресницами живая боль. Озерная печаль живет в душе.* (В.И. Нарбут, *Большевик* (Мне хочется о Вас, о Вас, о Вас...)); *На нас глядят два озера печали, И в каждом по звезде отражено.* (Вс.А. Рождественский, *На нас глядят два озера печали...*); *Закидываю неводы В озера грусти, Иду к последней нежности Сквозь пыль и грубость.* (З.Н. Гиппиус, *Неуместные рифмы*); *Там было суждено взглянуть впервые мне В нагую глубь озер той скорби темнолицей.* (В.В. Державин, *Первоначальное накопление*).

Средняя степень концентрации на основе **метафор болота, реки** (7-5):

1) *Печальное болото – печальным болотом – печальные болота – унылое болото – горький запах с болот* (5):

До конца земли, где солнце В красном блеске утопает На ночлег в воздушной бездне, Опускаясь, как фламинго Опускается зарею На печальное болото. (И.А. Бунин, Песня о Гайавате. IV. Гайавата и Мэджеквивис); *Напрасно и день светозарный вставал Над этим печальным болотом: Его обитатель свой день посвящал Вину и усердным работам.* (А.А. Блок, Поэты); *Спят печальные болота, Шевелятся корни трав.* (Н.А. Заболоцкий, Царица мух); *Только злобно спит унылое болото, Там, где горечь, смрад и грязный ил...* (И.Г. Эренбург, Вечер); *Ткется белый туман на лугу, Горький запах несется с болот...* (А.К. Герцык, Несвязные строки).

2) *Печальную реку – печальные реки – река скучной – реки унылой – горьких рек* (5):

Переправился на дубе Чрез печальную их реку, По Серебряным Озерам Плыл на Каменной Пирогe. (И.А. Бунин, Песня о Гайавате. XV. Плач Гайаваты); *Вот за что, только молодость минет, Мы так любим печальные реки.* (С.Я. Парнок, Вал морской отхлынет и прихлынет...); *И каждый раз река была иной – то ясной, то изменчивой, то скучной, ласкающей, помню, под луной, перед грозой, помню, непослушной.* (Г.С. Семенов, Реки); *Будто светлый Аполлон И меня, шалун мой милый, На берег реки унылой Со стихами потащил И в забвеньи потопил!* (К.Н. Батюшков, П.А. Вяземскому); *И много текло горячих. Горьких, соленых рек. Слезы не в пользу глазу.* (И.П. Уткин, Повесть о рыжем Мотэле).

Низкая степень концентрации на основе **метафор пруда, болота** (4-2):

1) *Пруд с тоски – печалью пруд – в прудах печали – пруд горести* (4):

«Что это, – говорил Реке соседний Пруд, – Как на тебя ни взглянешь, А воды все твои текут! Когда такую жизнь ты бросишь? Я, право, высох бы с тоски...» (И.А. Крылов, Пруд и Река); *Печалью полон, тихий пруд Исходит горькими слезами...* (К. Эрберг, Пруды); *В тихих прудах печали, Пугая одни камыши, Утром купались Две одиноких души.* (И.Г. Эренбург, В тихих прудах печали...); *И возмущенный пруд под бледною луной, Как ваза горести, во мгле ночной вскипает.* (Эллис (Л.Л. Кобылинский), Фонтаны).

2) *Печали болот – грусть болот* (2):

Пусть тростинка ему запоеет Про дыхание спящего тура, Про печали Мазурских болот И воздушных твердынь Порт-Артура... (Ю.П. Кузнецов, Пролог); *Дай почувствовать твой дождь и сырость, Грусть твоих курящихся болот...* (М. Вега, Родине).

Таким образом, выделенные синонимические ряды на основе метафор видов водоемов демонстрируют степени продуктивности образов-репрезентантов эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в диапазоне от частотного до менее проявляемого. Высокая степень концентрации соответствует метафорам моря – 38, реки – 19, океана – 11, озера – 9. Средняя степень концентрации отводится метафорам болота – 5 и реки – 5. Низкую степень концентрации имеют метафоры пруда – 4, болота – 2.

По количеству строк с эмотивом «тоска» наиболее поэтическими у русских авторов являются ‘море’ – 38, ‘река’ – 24, далее в порядке убывания следуют ‘океан’ – 11, ‘озеро’ – 9, ‘болото’ – 7, ‘пруд’ – 4. Родовое понятие ‘водоем’ содержит меньшее количество признаков – 2, но общих для большего количества видовых понятий.

В таблице 9 отмечены метафорические образы-репрезентанты эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», «скорбь», «уныние», «скука», «горесть», их ассоциативно-смысловые признаки неживой природы – стихия воды.

Таблица 9 – Синонимический ряд эмотива «тоска» с метафорой видов водоемов

Признаки	Отраженная метафорическая синонимия								Итого
	тоска	грусть	печаль	горе	скорбь	уныние	скука	горесть	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
‘Виды водоемов’:	22	6	24	24	9	4	4	2	95
‘Водоем’:	-	-	-	1	-	-	1	-	2
‘Болото’	-	1	4	1	-	1	-	-	7
‘Море’	7	2	8	17	3	1	-	-	38
‘Озеро’	5	1	2	-	1	-	-	-	9
‘Океан’	4	-	2	2	2	-	1	-	11
‘Пруд’	1	-	2	-	-	-	-	1	4
‘Река’	5	2	6	3	3	2	2	1	24

Эмотив тоски с метафорой видов водоемов разнообразен по временной протяженности. Так, если авторы XIX века чаще обращались к эмотивам горя – 10, то в XX веке внимание русских поэтов направлено на эмотивы печали – 21, тоски – 17 и горя – 13. В совокупности частотными для авторов выступают эмотивы печали – 24, горя – 24 и тоски – 22.

Таблица 10 – Временная репрезентация синонимического ряда эмотива «тоска» с метафорой видов водоемов в художественных произведениях

Репрезентация	Век				Итого
	XII	XVIII	XIX	XX	
1	2	3	4	5	6
тоска		1	4	17	22
грусть			1	5	6
печаль	1		2	21	24
горе		1	10	13	24
скорбь		1	3	5	9
уныние		1	1	2	4
скука				4	4
горесть			1	1	2
Итого	1	4	22	68	95

Рассматривая частеречную репрезентацию синонимических рядов эмотива «тоска» с метафорой видов водоемов в художественных произведениях, наблюдается высокое употребление имени существительного – 85 и низкое использование имени прилагательного – 10.

Таблица 11 – Частеречная репрезентация синонимического ряда эмотива «тоска» с метафорой видов водоемов в художественных произведениях

Репрезентация	Часть речи		Итого
	существительное	прилагательное	
1	2	3	4
тоска	22		22
грусть	6		6
печаль	19	5	24
горе	22	2	24
скорбь	9		9
уныние	2	2	4
скука	3	1	4
горесть	2		2
Итого	85	10	95

3.2.4 Концептуальные метафоры неживой природы: стихия воздуха

Стихия воздуха репрезентируется отраженной метафорической синонимией концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» через родо-видовые различия воздушных масс, представляя разновидность отношений включения [372, с. 105-111].

Воздушная масса – метафорическая детерминанта, образ-репрезентант эмоциональных концептов. Синонимический ряд на основе **метафоры воздушной массы** демонстрирует низкую степень концентрации:

Воздушная тоска – воздушная печаль (2):

И нет тоски... а если есть она, То светлая, воздушная, святая... (Л.И. Хаиндрова, Не плакать, нет... и не просить щедрот...); *А солнце круглое чуть тлеет; и такая Печаль воздушная блуждает по полям...* (В.В. Набоков, Тихая осень).

Образами-репрезентантами эмоциональных концептов выступают разновидности воздушных масс: буря – ветер – вьюга – метель – порыв.

Синонимические ряды на основе метафор видов воздушных масс распределяются по степеням продуктивности:

Высокая степень концентрации на основе **метафор ветра, порыва, бури** (70-8):

1) *Ветер тоскливый (2) – ветер воем тоскливым – ветер песнию тоскливой – ветер печальный (6) – ветер печален – печальным вздохом ветер – печальные песни ветра – печальном цвете ветра – ветер грустный (3) – грустен ветра вой – грустный стон ветра – грустный шум ветров – ветер (ветр) унылый (11) – ветер уныл – унылы ветры – унылый вой ветра – унылый гимн ветра – унылый сказ ветра – унылый шум ветров – унылую песню ветра –*

унылые трубы ветра – ветер заунывный (2) – ветер заунывней – ветра заунывного – ветрам заунывным – ветр заунывную песню – ветер скучный – ветер скучен – ветер песню скучную – ветер горевой – ветер (ветр) горький (12) – ветер горек (2) – ветер горше – ветер горестный (3) – ветер горестней – ветер горестный брат – ветер горестным вестником (70):

Ответь мне, **ветер** буйный и **тоскливый!** (И.А. Бунин, Ковыль); Белесоватое небо, слепое, и **ветер тоскливый** Шелесты листьев увядших, поблекших в мелькании дней. (К.Д. Бальмонт, Белесоватое небо, слепое, и **ветер тоскливый...**); **Ветер** порывистый с воем **тоскливым** и свистом Прах подымает клубами, иль с юга нам дождь нагоняет. (Н.Ф. Щербина, Осенняя элегия); Поднялся **ветер**, загудев **Ответной песнию тоскливой** В траве полей, в ветвях дерев. (А.М. Жемчужников, Сны); Тихо, темно; молкнет **ветер печальный...** (П.Д. Бутурлин, Между днем и ночью); Сбил с дороги не **ветер печальный** – Закружил меня розовый снег. (А.А. Блок, На обряд я спешил погребальный...); **Ветер печальный**, Многострадальный, С лаской прощальной Ветви клоня, Свеял хрустальный Дождь на меня. (В.Я. Брюсов, Вечер после дождя); Давно над равниною русской, как **ветер печальный** и буйный, Кружил он взволнованной мыслью, искал, и томился, и звал. (С. Черный, Памяти Л.Н. Андреева); И далекий, **печальный**, равнинный **Ветер** бедную песню тянул. (Г.А. Раевский, Друг мой ласковый, друг мой любимый...); О, как шумел над головой **Печальный ветер** скал, Когда он говорил с тобой И руки целовал! (А.П. Ладинский, Свой дом ты предпочла тому...); Где блуждающий **ветер**, угрюм и **печален**, Ласкает в траве тела. (В.Я. Брюсов, Каждый день); Где **печальным вздохом ветер** будит скалы, Алый вечер видел: странник неизвестный... (Е.А. Сырейщикова, Жаворонок, спой же нам с небес лазурных...); **Пойте печальные песни, Ветер**, месяц, туман! (В.Я. Брюсов, Царю северного полюса); Названья краскам нет, и лишь под старость расскажешь любопытствующим внукам о милом, но **печальном цвете ветра** над оловянной лужицей весны. (Н.Н. Ушаков, Степь); **Осенний грустный ветер** стонет Среди ветвей. (Д.М. Ратгауз, Одиночество); **Грустный сумрак, грустный ветер**, шелесты в дубах. (В.Я. Брюсов, Грустный вечер); И лишь **ветер нежно-грустный** Знает: тени нас зовут. (В.Я. Брюсов, В тихом блеске дремлет леска...); **Грустен ветра дальний вой**. (А.С. Пушкин, В поле чистом серебрится...); **Иные любят ветра грустный стон**, Степей раздолье, глыбы снеговые... (Л.А. Мей, Октавы (Елене Григорьевне Полянской); **Призывно грустный шум ветров** звучит, как голос откровений. (А. Белый, Багряница в терниях); **Ветр унылый**, тихо вея, Нам вещает: нет его! (Н.М. Карамзин, Смерть Орфеева (Из повести «Афинская жизнь»)); И на горах когда завоет **ветр унылый**, В шумящем ветре дух носиться будет мой... (В.Л. Пушкин, Колма); **Прострите взор на ряд холмов**, На ветхи стены и могилы, Покрыты мхом, – там **ветр унылый** С усопших прахом говорит... (К.Н. Батюшков, Скальд); **Унылый ветр** ночей – тех здравиц виночерпьем, Которым, как и нам, – не сбывься никогда. (Б.Л. Пастернак, Пиршества); Не льется хладный дождь, не свищет **ветр унылый**. (Эллис (Л.Л. Кобылинский), Из «Экклезиаста» царя Соломона); **Касатка порхает над братней могилой**,

Душистая травка роскошно цветет, И плющ зеленеет, и **ветер унылый** Над ней заунывную песню поет. (Н.А. Некрасов, Могила брата); Молчите, дубравы и **ветер унылый**, Затихни, полночная песнь соловья, – Быть может, услышу хоть голос знакомый... (Н.А. Некрасов, Рыцарь); Все еще продолжалась оттепель; **унылый, теплый, гнилой ветер** свистал по улицам... (Ф.М. Достоевский, Идиот); И где в голых лесах воет **ветер унылый**, – То родимый мой край, то отчизна моя. (А.М. Жемчужников, Осенние журавли); На закате стыннут каменные линии И **унылый ветер** дует. (И.Г. Эренбург, Риму); **Ветер унылый** плачет, В дюны сгоняя пески... (Н.К. Завадская, Лагуны); В трубах, мрачен и **уныл**, Бесприютный **ветер** выл. (Г.А. Глинка, Сочинитель); **Унылы ветры** воздух роют; Встает туман во всякий день – Над кем? (Г.Р. Державин, Память другу); Слышу стон твой, **ветер бурный!** Твой **унылый, дикий вой**. (В.К. Кюхельбекер, Ветер); И **ветер** будет петь **унылый гимн** безлюдью... (В.Я. Брюсов, Юргису Балтрушайтису); **Ветер сказ** ведет **унылый** О родимой стороне. (Г.В. Иванов, Закат в окопах); Безмолвие любя, ты слушаешь **унылый Шум** листьев, горных вод, **шум ветров** и морей. (Н.М. Карамзин, Меланхолия); Тянет **ветер унылую песню** без смысла. (Г.В. Иванов, Мы из каменных глыб создаем города...); И **ветра унылые трубы** Звучат из седой глубины. (Е.Ю. Кузьмина-Караваева, Что скрыто, все сердце узнало...); **Ветер заунывный** Поет все ту же песню с давних пор... (Л.А. Мей, Октавы (Елене Григорьевне Полянской)); **Заунывный ветер** гонит Стаю туч на край небес. (Н.А. Некрасов, Перед дождем); **Ветер** шумит **заунывной**, В речке ни пьавок, ни рыб нет. (А.И. Тиняков, Осенью); Не забудет хилый лесок, **Песни ветра** его **заунывного** И **Хопра** сыпучий песок. (С.М. Соловьев, Хопер широкий, сын Дона Тихого...); Внятен крик мой по темным долинам, Лишь **ветрам заунывным** по склонам, Только **Фаустам** и **Магдалинам**. (Д.Л. Андреев, Выходила из жгучей Гашшарвы...); **Тщетно ветер заунывную песню поет**, **Тщетно** море мне волны-чудовища шлет, Нет в душе моей сна и покоя! (Эллис (Л.Л. Кобылинский), У морского берега); **Скучный ветер**, поздний час. (И.В. Чиннов, Стук-стук-стук, стучатся ветки...); И **ветер, скучен** и ленив, с подгнивших и промозглых ив уходит молча. (С.В. Петров, А глушь как прежде хороша...); **Ветер** в пропасти встает, **Песню скучную** поет. (К.Д. Бальмонт, Чары месяца. Медленные строки); – Там подальше Воет **ветер** Над лугами **Горевой**. (С.М. Городецкий, Встреча Ярилы с Перуном); **Горький ветер** кремнистого **Ассама** Волосы им ворошил случайно... (Э.Г. Багрицкий, Сказание о море, матросах и Летучем Голландце); И **горький ветер** грудную полость **Сосет** и **тянет** за собой. (Е.С. Гессен, Чужие слова); **Горький ветер**, что за тысячи горчайших лет не утих – Упокой, Господи, души усопших раб Твоих... (А.Д. Радлова, Семь ворот, семью семь зубцов...); Да слушать сквозь **ветер**, **Холодный** и **горький**, **Мотора** дозорного **Скороговорки!** (Э.Г. Багрицкий, Контрабандисты); **Горький ветер**, жги и тумань, У **алтайских предгорий стынь!** (П.Н. Васильев, Ярмарка в Куяндах); Я отворяю окна, ставни, двери, Чтобы врывался **горький ветер** мира... (В.А. Луговской, Красные чашки); Меня уносит **горький ветер** мира, Всегда зовущий на борьбу и песню. (В.А. Луговской, Акрополь); И шумит крылами **ветер горький**,

северный, идущий от морей. (Я.В. Смеляков, Город Москва); *О, горький ветер равнинный! Лети во дворец Клингзора.* (Д.Л. Андреев, Песнь о Монсальвате); *И горький ветер зла и разногласья Приобретает старость на губах.* (Д.С. Самойлов, В стихах господствует закономерность...); *И горький ветер усобиц, От гари став горячей, Лики всех Богородиц Качал на казачьей парче.* (Н.Н. Туроверов, Знамя); *На даче снят. Гуляет горький холодный ветер.* (А.В. Еременко, Переделкино); *Пусть ветер с моря Медленен и горек, Земля одета в золото пустынь...* (П.Н. Васильев, На север); *И все по-старому так горек ветер, А под мостом линия вода.* (Т.Д. Ратгауз, На Карловом мосту); *И голову все ниже клонят люди, И ветер с моря горше и свежей.* (А.Д. Радлова, Полынь-звезда взошла над нашим градом...); *Шел ветер горестный за ними...* (П.Н. Васильев, Христоробовские ситцы); *О, горький ветер равнинный! Лети во дворец Клингзора, Ты, горестный, ты, пустынный, Утишь колдовскую вьюгу...* (Д.Л. Андреев, Песнь о Монсальвате); *Ветер безродный и сырый, Горестный ветер разлук...* (Н.Н. Белоцветов, Ветер гуляет по миру...); *Нам позволено было Посетить этот мир, Где холмы, как могилы, Ветер горестней лир.* (А.П. Ладинский, Ангелы); *Ветер прошел по листьям искривленным, ветер, мой пьяный и горестный брат, и вдруг затих под окном озаренным...* (В.В. Набоков, Песня); *Ветер, лети туда горестным вестником, Выбери путь и верней и короче.* (В.Я. Брюсов, Ветер уныло летает над палубой...).

2) Ветер тоскливо – ветер печально (3) – ветер грустно (3) – ветер (ветр) уныло (24) – уныло ветра завыванья – ветр унывно (2) – ветер заунывно – заунывно ветра вой – ветер скучно (2) – ветру скучно – ветер горько (3) – ветер горестно (3) – горестно ветра рыданья (46):

В щель балкона **тоскливо** и нудно Рывал **ветер**, как пьяный матрос... (С. Черный, В саксонской Швейцарии); *Сердито бился дождь в окно, И ветер дул, печально воя.* (А.С. Пушкин, Медный всадник); *Порывистый, холодный ветер В трубе печально завывал.* (И.С. Никитин, Кулак); *Ветер печально поет под окном, Воет-голосит, господь весть по ком.* (И.С. Никитин, Мертвое тело); *Ветер грустно выл, И мутно-серы небеса Над нами были...* (А.А. Григорьев, Олимпий Радин); *Что ж ты грустно, ветер, Смолкнул предо мною – Зашумел, помчался По полю с грозой?..* (А.Н. Иволгин, Ветер); *Ветер шепчет, шепчет грустно чье-то имя мне.* (В.Я. Брюсов, Грустный вечер); *Ветр на могиле воет уныло, Скоро снег зимний засыплет ее.* (Г.П. Каменев, Вечер любезный! Вечер багряный...); *Пусть ветр уныло завывает, Пусть волны брег колеблют свой...* (А.С. Хомяков, Вадим: «День тухнет; хладен ветр над Ладогой седою...»); *Уныло воет ветр ночной, Заглохнул бор, поляны пожелтели...* (Н.С. Теплова, Осень); *Три разноцветные чалмы Качает ветр уныло.* (Н.В. Кукольник, Романс); *Где прежде скальд гремел на арфе золотой, Там ветер свищет лишь уныло!* (К.Н. Батюшков, На развалинах замка в Швеции); *Дождь капал, ветер выл уныло, И с ним вдали, во тьме ночной Перекликался часовой...* (А.С. Пушкин, Медный всадник); *И грустно было Ему в ту ночь, и он желал, Чтоб ветер выл не так уныло...* (А.С. Пушкин, Медный всадник); *Темна была ночь, ночь была холодна, И ветер свистел так уныло...* (И.И. Панаев, Requiem); *Осенний ветер так уныло В полях свистал, Когда края*

отчизны милой Я покидал. (А.Н. Апухтин, Отъезд); **Ветер** холодный **уныло** свистит. По полю тройка, как вихорь, летит. (Л.Н. Трефолев, Два Мороза Морозовича); **А ветер** пел **уныло**: «Не пора ли Расстаться вам среди холодной тьмы?» (Л.Н. Трефолев, Остывшая любовь); **Ветер** дул, **уныло** воя... (В.С. Соловьев, Осенняя прогулка рыцаря Ральфа); **Да ветер** порою **уныло** шептал О чем-то долине туманной. (А.Н. Будищев, Кошмар); **Слышен в березах пахучих Ветер, уныло гудящий...** (А.М. Жемчужников, Лесок при усадьбе); **Ветер уныло** летает над палубой, По морю пенятся белые гребни... (В.Я. Брюсов, **Ветер уныло** летает над палубой...); **И в кустарниках ветер шумит о былом, Так уныло жужжит о былом...** (Л.Д. Семенов, Я бы в лес убежал...); **Взывает ветер нежно и уныло** – «Ты далека»... (Г.В. Иванов, Рондо); **Томительной скукой веет от реки: пустынная, прикрытая ноздреватой коростой, она лежит безотрадно прямою дорогой во мгlistую область, откуда уныло и лениво дышит сырой, холодный ветер.** (М. Горький, Ледоход); **Мой ветер** пьян, Он рвет бурьян, **Уныло** свищет сквозь туман... (Е.Г. Полонская, Мурлычет сын, поет вода...); **И колкий ветер с Ладоги синей Уныло и глухо шумит надо мной.** (А.А. Кудрейко, Дворцами, соборами, антикой статуей...); **Ветер** пел гнусаво и **уныло** Над хрустальным зеркалом пруда. (Н.Н. Белоцветов, И тогда в холодную могилу...); **Один лишь ветер воет там уныло, И снега ровная блистает пелена.** (Н.А. Заболоцкий, Седов); **Ненастный ветер уныло** гремел железными листьями на полу, свернувшимися от пережитого ими жара. (А.П. Платонов, Афродита); **То ли северный ветер уныло** Завывает и стонет в трубе Обо всем, что тебя надломило, Обо всем, что не мило тебе? (А.П. Межиров, Любимая песня); **Уныло** в трубах раздаются **Ночного ветра завыванья...** (А.Н. Плещеев, Юдоль плача); **Угрюмый тихий шум, унывно воет ветр...** (Ф.Я. Козельский, Незлобивая жизнь); **Унывно ветр** меж сосен воет, Летя с древ, томно лист шумит. (В.В. Капнист, Ода на рабство); **Вот я вновь прохожу в том же светлом раю – с остановки налево, предо мною бежит, закрываясь ладонями, новая Ева, ярко-красный Адам вдалеке появляется в арках, невский ветер звенит заунывно в развешанных арфах.** (И.А. Бродский, От окраины к центру); **Как заунывно заливается В трубе промерзлой – ветра вой!** (В.Ф. Ходасевич, Вокруг меня кольцо сжимается...); **Ветер, острый и сырой, скучно** бродит над водой. (С. Черный, Иногда); **А кругом скучно свистел в проволоке ветер, порой вьюга шипела в щелях беседки...** (В.Г. Короленко, С двух сторон); **Отчего так ветру скучно?** Плачет, ноет он докучно... (К.Д. Бальмонт, Грусть); **Мы в овраг, где горько ветер стонет, На руках покойницу снесли.** (Н.А. Некрасов, Ты не забыта...); **Осенний ветер горько** сгорбил Коленопреклоненный сад... (М.П. Герасимов, Осенью); **С нее сползает купина И горько зноен ветер жадный.** (Е.Л. Таубер, Сквозная южная сосна...); **Ветер прерывистый, ветер чуть слышный Горестно** шепчет прощальную речь. (В.Я. Брюсов, У гроба дня); **Вдруг нежный ветер горестно** затих... (В.Я. Брюсов, На пляже); **Иль ветер, горестно рыдающий, Не мне твердит: «Умри! умри!»** (А.И. Тиняков, Самоубийца (Из «Morituri»)); **Горестно** носятся в далях просторных **ветра глухие рыданья...** (Эллис (Л.Л. Кобылинский), Перед боем (Из «Ave Maria»)).

3) *Тоска ветров* (2) – *тоски ветров* – *ветрах тоски* – *ветер тоскою* – *ветер тоской* (2) – *ветер в тоске* (2) – *ветер с тоской* – *ветер струею тоски* – *печаль ветром* (2) – *ветре печали* – *ветром печали* – *ветер печалью* (2) – *ветренная грусть* – *грусть ветерком* – *грустью ветер* – *скорбь ветр* – *ветра стон скорбью* – *горе ветер* – *горе ветром* – *ветер горя* – *ветер горем* – *ветер с горя* – *горести ветр* (28):

Тоска ветров, и раскаленный сплин. (В.Я. Брюсов, Скала к скале; безмолвие пустыни...); *Тоска ветров и мокрый плен аллеи...* (В.А. Комаровский, То летний жар, то солнца глаз пурпурный...); *Вся ночь наполнена тем голосом тревоги, Тем голосом любви, тоски, скитальческих ветров.* (В.А. Луговской, Подкова счастья); *И всех скорбей развернутое знамя В ветрах тоски уныло шелестит.* (М.А. Волошин, В нас тлеет боль внежизненных обид...); *Вот он – ветер, Звенящий тоскою острожной...* (А.А. Блок, Вот он – ветер...); *И ветер, пылая Вечной тоской, Звал меня, пролетая Над моею рекой.* (Ф.К. Сологуб, Я спал от печали...); *Нынче в березняк ветер полохнул тоской...* (Н. Лепок, Хлябью хлипко день целый...); *Слышал ли ты, как плачет ветер юга О рощах пальм, забытых вдалеке, Когда от мук смертельного недуга И злится он, и мечется в тоске?* (М.А. Лохвицкая, Песнь разлуки); *Осенний ветер выл и лаял В самоубийственной тоске...* (И.В. Одоевцева, К луне протягивая руки...); *Дул сырой, морской Ветер с такой тоской.* (М.О. Цетлин (Амари), Бегство); *Пахнул ей льдистый ветер на мгновенье Струею смутной страха и тоски.* (Л.Ф. Бартольд, На охоте); *В деревнях печаль ветром носится, Сердце рвет у всех, зубы скоркают.* (Н.П. Огарев, Гой, ребята, люди русские!..); *Гляделось, а печаль, уныла, Осенним ветром в поле выла...* (В.И. Иванов, Римский дневник 1944 года); *Что их жалкие ангелы плача В черном ветре печали покинули узкий карниз...* (Б.Ю. Поплавский, Виктору Мамченко...); *Мы под страшным ветром печали Так любили до утра простаивать...* (Б.Ю. Поплавский, Отрицать мир с четырех сторон...); *Ветер печалью желанья томим, Долго целует седые туманы.* (И.М. Зданевич, Сбор винограда); *Но ветер нежности, печалью вея И так успокоительно звеня, Твердит, что мне пригрезилась Психея, Во сне поцеловавшая меня.* (Г.В. Иванов, Еще горячих губ прикосновенье...); *Звериная и ветренная грусть. Шесть, чтоб создать, а сколько, чтоб додумать?* (И.Г. Эренбург, Звериная и ветренная грусть...); *Свеж и груб ее запах. И грусть Ветерком полыхнет надо мною.* (Л.А. Алексеева, Белый камень горяч и покат...); *Средневековой грустью Ветер шипит в деревьях...* (Л.А. Лавров, НОБУЖ); *Но скорбь и горести, как легкий ветр, пройдут.* (В.Ф. Раевский, Элегия 1); *Ловлю и говор волн, и ночью ветра стон, И отдаюсь всему, что скорбью в них звучало.* (Б.К. Лившиц, Нисходит жизнь моя...); *Налетит, как ветер, горе, Сердце юное – чуть тронет...* (К.М. Фофанов, Ветер ласковый при встрече...); *Или ветром по полю умчалось без края Неизносное горе мое?* (А.Н. Толстой, Трава); *Миг спустя объявят, мать уже диктует директору набор примет, а ветер горя дует, дует, идет решительный момент.* (Б.А. Слуцкий, Наглядная судьба); *Ветер все безнадежнее стонет: Точно горем грозит неизведанным мне...*

(А.М. Федоров, Страх); *Я соль моих слез укрыла, Чтоб ветер их не присвоил И с горя не обескрылил.* (В.В. Ильина, Луну образком нательным...); *Но скорбь и горести, как легкий ветер, пройдут.* (В.Ф. Раевский, Элегия 1).

4) *Тоска с порывом – тоской порыва – порыв тоски* (5) – *порыве тоски* (2) – *порывы тоски – порывов тоски – в порыве печаль – порыве печали – порывах печали – грусть порывом – порыве грусти – порывы грусти – порывом скорби* (2) – *порыве скорби* (2) – *порыв скорбей – порывы скорби – порыве горести – порывам горести – порывы горя* (26):

Но вдруг мятежная тоска С порывом новым в душу льется. (И.И. Козлов, Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая); *И этот жест полушутливый, Из глаз ушедший через миг, Тоской безмолвного порыва* Мне в сердце самое проник. (А.Т. Твардовский, За далью – даль); *Приветом заглушу порыв тоски* глубокой... (Н.В. Кукольник, Завтра я приду к заветному порогу...); *Читая вас, я не умею Сдержатъ порыв* моей тоски. (Н.П. Греков, Письма); *Вы гордо шли вперед, минувшее забыв, И после, может быть, сурово осмеяли Страданий и тоски* утихнувший порыв. (С.Я. Надсон, За что?); *То порыв* безнадежной тоски, то опять, *Встрепенувшись, вдруг я оживаю...* (С.Я. Надсон, То порыв безнадежной тоски, то опять...); *Ломая порыв тоски, Отпущенный в зимней мерке. Кормлю голубей с руки В окне, из-за жардиньерки.* (А.С. Головина, Голуби); *И возмущенный страданием измученного теснотою жизни человека, полный обиды за него, он, в порыве* злой тоски, *густым и громким голосом зарычал...* (М. Горький, Фома Гордеев); *Сердце! зачем с ожиданьем биться в порыве тоски?* (В.Я. Брюсов, Ночью у реки); *И порывы* любовной тоски Нам смешны, как несбывшийся сон... (И.С. Тургенев, Ах, давно ли гулял я с тобой!..); *Лебедей здесь когда-то кормили с руки, Дней лицейских беспечная пряжа* Здесь рвалась от порывов орлиной тоски *В мертвом царстве команд и плюмажа.* (Вс.А. Рождественский, Если не пил ты в детстве студеной воды...); *В заметке порыв, В порыве печаль, а в печали – надрыв.* (Е.О. Венский, Марь Иванна д'Арк); *В порыве* гнева и печали Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей, *Разбил ли ты свои скрижали?* (А.С. Пушкин, Гнедичу); *В порывах* гнева, мести и печали, *Как день грозы, была бы хороша Ее душа...* (В.Я. Брюсов, В альбом Н.); *О, если б эта грусть могла пройти порывом, Как в теплую весну пролетная гроза...* (А.К. Толстой, О, если б ты могла хоть на единый миг...); *В порыве* грусти день усталый Прижал свой лоб к сырой земле. (М.А. Волошин, Закат сиял улыбкой алой...); *Он осушил стакан воды, Порывы грусти* тише стали... (Н.А. Некрасов, Современники); *Иль отряхнув видения земли Порывом скорби* животворной, *Ее предел завидя недали, Цветущий берег за мглою черной...* (Е.А. Баратынский, Осень); *«Там – бог!» – подумал Ромашов, и вдруг, с наивным порывом скорби, обиды и жалости к самому себе, он заговорил страстным и горьким шепотом...* (А.И. Куприн, Поединок); *В порыве* скорби и отваги Тебя, о мощный Дух Земли, Мы, как неопытные маги, *Неосторожно заклиали.* (В.Я. Брюсов, Дух земли); *В порыве* скорби непокорной ты погасил бы тайный свет. (В.В. Набоков, Молчи, не вспенивай души...); *В ней было много влаги жгучей, Что как фонтан из сердца бьет, Когда порыв*

скорбей могучий Его (сердце. – Н.И.) на части разорвет. (Д.Л. Михайловский, Кубок жизни); Аркадия в особенности поразила последняя часть сонаты, та часть, в которой, посреди пленительной веселости беспечного напева, внезапно возникают **порывы** такой горестной, почти трагической **скорби**... (И.С. Тургенев, Отцы и дети); Лицо склонившего к цветку молочному **в порыве горести**... (И. Северянин, В шалэ березовом); Среди веселых лиц печальна и мрачна, **Порывам горести** предамся я свободно... (Е.П. Ростопчина, Мечта); Потом утихла боль, прошли **порывы горя**, И я безгласен, недвижим Лежал на дне неведомого моря. (А.Н. Апухтин, Как на старинного, покинутого друга...).

5) Ветер тоскует (2) – ветер тоскуя (2) – ветер грустить – ветер грустит – ветер сучает – ветры скорбят – ветер ноет (2) – ветер ныл (3) – ветер изнывая (14):

И только **ветер** в дни метели, Врываясь в трубы или щели, **Тоскует** жалобно, один, Безлюдных комнат властелин. (Н.П. Огарев, Зимний путь); **Ветер тоскует** – горы режут, Травы бормочут... (А.П. Платонов, Ночь на дворе стоит сиротой...); Лишь **ветер** налетит и жжет, немного пряный, И временами, снова злей, Он всюду закрутит, **тоскуя** окаянно Среди расчищенных аллей. (В.А. Комаровский, Мы, любопытствуя, прошли дворец и своды...); **Ветер** лапою ошкуча Снова бросится, **тоскуя**... (В.В. Хлебников, Море); Верю, **ветер** любит не о чем **Грустить** неучем, После петь путь... (В.В. Хлебников, Лесная тоска); Я слышу: **ветер** шелестит, О бедной Дженни он **грустит**. (Л.Н. Трефолов, Две сестры); А **ветер** в дебрях облачных **сучает**: Ему стремленье тишины милей. (С.М. Городецкий, Лето); И **ветры** огромной России **скорбят** и ликуют в трубе. (Я.В. Смеляков, Пряжа); Отчего так **ветру** скучно? Плачет, **ноет он** докучно... (К.Д. Бальмонт, Грусть); А **ветер**, летящий по хвоем косым, В чапыжнике **ноет** пчелиной трубою... (Э.Г. Багрицкий, Всеволоду); **Ветер ныл**, ветер выл, на фонарном сгорая огне. (Д.Д. Бурлюк, Из домов и в дома выходили, входили фигуры...); Был **ветер** въедлив, липок, лжив, зудел и **ныл** со злости... (Н.Н. Асеев, Концовка); **Ныл ветер** легкий, зов щемящий. (А.С. Гингер, Тишина); О, как безумно за окном Бушует **ветер, изнывая!** (А.А. Блок, О, как безумно за окном...).

б) Бури тоски (2) – тоску буря – бури печали – бури с печалью – печали бурей – печали бурной – буря скорби – скорби бурь – горе бурей – нитье бурь (11):

Опять посетит меня радость Без **бури тоски** и веселья... (А.А. Фет, Опять я затеплю лампаду...); О нем облако слезы роняет, Про **тоску** его **буря** поет. (И.С. Никитин, Нищий); Сколько бы ранней **тоски** и **печали** Вечные **бури** твои ни нагнали. (Н.А. Некрасов, Саша); И нежные повеют **бури** В нагих ветвах, в пустых полях, В овинах, кровлях и крестах С таким влюбленным умилением, С такой **печалью** и томленьем, Что будем плакать и любить... (С.В. Шервинский, Еще ли жизнь не хороша...); Как подносят винну чашу Юноши прекрасны мне, То **печали** улетают С сильной **бурей** от меня. (Н.А. Львов, Ода ХLI. На пиршество); И иногда в **печали бурной** Пророк, не признанный у нас, Подъемлет к небу взор лазурный Своих лучистых, ясных глаз. (Н.С. Гумилев, Пророки); Неужели в старом сердце Вместо помыслов о

гробе *Есть такая буря скорби*, Сумасшедшей страсти взмыв? (Г.А. Шенгели, Белый дом, большой и ровный...); *Сердцем не чаёт скорби пустынной Будущих бурь*. (А.К. Герцык, На берегу); *Налетало горе вихрем-бурею*, Ворочало горе дубы с корнем вон! (А.К. Толстой, Не Божиим громом горе ударило...); *Здесь их слушали Пушкин, Аксаковы*, В этом **нытье** снеговых бурь... (И.Л. Сельвинский, Улялаевщина).

Средняя степень концентрации на основе **метафор бури, метели, порыва** (7-5):

1) *Печальных бурь* (2) – печальном завываньи бурь – грустный след бури – бури заунывной – унылую жалобу бури (6):

Я возмужал среди печальных бурь, И дней моих поток, так долго мутный, Теперь утих... (А.С. Пушкин, Я возмужал среди **печальных бурь**...); *Мы не боимся бурь холодных и печальных*... (С.А. Сафонов, Еще земля была засыпана снегами...); *В печальном завываньи бурь и ветра*... Она одна, царица бытия! (А.В. Кольцов, Царство мысли); *Но я в саду моем ходил*, И **грустный след** полночной бури, Насколько можно, удалил. (К.К. Случевский, Песни из уголка); *Степей безлюдье и простор*, **Напевы бури заунывной**... (И.С. Никитин, Жизнь); *Рано я слушать любил унылую жалобу бури*. (В.К. Кюхельбекер, Отчизна).

2) *Метель тоскливо* – грустно метель – метели скорбно – метель уныло (2) (5):

Метель тоскливо песнь заводит... (Н.П. Огарев, Матвей Радаев); *Снится мне: воеет грустно метель и снега Заметают деревню*... (В.П. Буренин, Главы из «Благонамеренной поэмы»); *Родной страны суровые метели Рыдают скорбно* в сумраке ночном... (К.Д. Бальмонт, Памяти И.С. Тургенева); *Метель протяжно и уныло* Сперва над степью голосила – И на сугробах улеглась. (А.М. Жемчужников, Сны); *Уныло рыдала метель на дворе*, Я сетовал горько, я плакал... (К.М. Фофанов, **Уныло** рыдала метель на дворе...).

3) *Порыв тоскливый* – тоскливые порывы – печальные порывы – скорбном порыве – горькому порыву (5):

Как грудь безжалостно сжимал порыв тоскливый... (Эллис (Л.Л. Кобылинский), К Сильвии); *Что в сердцах у первобытных Дикарей трепещут тоже И желанья, и стремленья, И тоскливые порывы К не постигнутому Благу*... (Д.Л. Михайловский, Песня о Гайавате); *Мои печальные порывы*, Мои бесплодные мечты Тебя настроили тоскливо... (А.А. Блок, Мои **печальные порывы**...); *Калевала: Песнь железа и камня о скорбном порыве Титана*. (О.Э. Мандельштам, О, красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...); *Поддаваясь горькому порыву*, Вижу: с белым шарфиком на шее Женщина проносится к обрыву... (И.Л. Сельвинский, Трижды женщина его бросала...).

Низкая степень концентрации на основе **метафор вьюги, метели** (4-3):

1) *Вьюга печально* (2) – вьюга грустно – вьюга горько (4):

Был вечер тяжелый и душный... и **вьюга** в окно Стучала печально... (А.А. Григорьев, То летняя ночь, июньская ночь то была...); *Под окнами*

печально воеет вьюга... (П.Ф. Якубович, И вспомнил дом он, старый барский дом...); *Вьюга в сумраке шумела, Грустно с колоколом пела...* (И.А. Бунин, Эпиталама); *То не вьюга горько плачет: То народ себя хоронит.* (С.С. Бехтеев, Конец русской быliny).

2) *Тоскливым напевам метели – унылый свист метели – жалобой унылой метель* (3):

Пришлец, северянин, – еще с колыбели Привыкнув в отчизне моей К тоскливым напевам декабрьской метели И шуму осенних дождей... (С.Я. Надсон, На могиле А.И. Герцена); *Пред нагоревшей сальной свечой Красавицы раздумавшись сидели, И заставлял их вздрагивать порой Унылый свист играющей метели.* (М.Ю. Лермонтов, Сашка); *С какою жалобой унылой, Как мать над детскою могилой, Метель рыдает в час ночной.* (С.М. Соловьев, Послание епископу Трифону).

Таким образом, выделенные синонимические ряды на основе метафор видов воздушных масс представляют степени продуктивности образ-репрезентантов эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в диапазоне от частотного до менее проявляемого. Высокую степень концентрации демонстрируют метафоры ветра – 70-14, порыва – 26, бури – 11. К средней степени концентрации относятся метафоры бури – 6, метели – 5 и порыва – 5. Низкую степень концентрации показывают метафоры вьюги – 4 и метели – 3. По количеству строк с эмотивом «тоска» наиболее поэтическими у русских авторов являются «ветер» – 158, «порыв» – 31, далее в порядке убывания следуют «буря» – 17, «метель» – 8, «вьюга» – 4. Родовое понятие «воздушная масса» содержит меньшее количество признаков – 2, но общих для большего количества видовых понятий.

В таблице 12 показаны метафорические образы-репрезентанты эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», «уныние», «скорбь», «горесть», «скука», их ассоциативно-смысловые признаки неживой природы – стихия воздуха.

Таблица 12 – Синонимический ряд эмотива «тоска» с метафорой видов воздушных масс

Признаки	Отраженная метафорическая синонимия								Итого
	тоска	грусть	печаль	горе	уныние	скорбь	горесть	скука	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
‘Виды воздушных масс’:	39	20	33	28	67	13	13	7	220
‘Воздушная масса’:	1	-	1	-	-	-	-	-	2
‘Буря’	3	1	7	1	3	2	-	-	17
‘Ветер’	20	14	19	24	60	3	11	7	158
‘Вьюга’	-	1	2	1	-	-	-	-	4
‘Метель’	2	1	-	-	4	1	-	-	8
‘Порыв’	13	3	4	2	-	7	2	-	31

Эмотив тоски с метафорой видов воздушных масс разнообразен по временной протяженности. Так, если авторы XIX века чаще обращались к эмотивам уныния – 31, тоски – 19 и печали – 13, исключая эмотив горя, то в XX веке внимание русских поэтов направлено на эмотивы уныния – 30, горя – 23, тоски – 20 и печали – 19. В совокупности частотными для авторов выступают эмотивы уныния – 67, тоски – 39, печали – 33 и горя – 28.

Таблица 13 – Временная репрезентация синонимического ряда эмотива «тоска» с метафорой видов воздушных масс в художественных произведениях

Репрезентация	Век			Итого
	XVIII	XIX	XX	
1	2	3	4	5
тоска		19	20	39
грусть		9	11	20
печаль	1	13	19	33
горе		5	23	28
уныние	6	31	30	67
скорбь		5	8	13
горесть		3	10	13
скука		2	5	7
Итого	7	87	126	220

Рассматривая частеречную репрезентацию синонимических рядов эмотива «тоска» с метафорой видов воздушных масс в художественных произведениях, наблюдается высокое употребление имени прилагательного – 84 и имени существительного – 67, далее в порядке убывания наречия – 55 и глагола – 14.

Таблица 14 – Частеречная репрезентация синонимического ряда эмотива «тоска» с метафорой видов воздушных масс в художественных произведениях

Репрезентация	Часть речи				Итого
	существительное	прилагательное	глагол	наречие	
1	2	3	4	5	6
тоска	26	7	4	2	39
грусть	6	7	2	5	20
печаль	14	14		5	33
горе	7	17		4	28
уныние	1	29	6	31	67
скорбь	10	1	1	1	13
горесть	3	6		4	13
скука		3	1	3	7
Итого	67	84	14	55	220

3.2.5 Концептуальные метафоры неживой природы: стихия земли

Стихия земли репрезентируется отраженной метафорической синонимией концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» через родо-видовые различия ландшафтов, представляя разновидность отношений включения [373, с. 34-40].

Ландшафт – метафорическая детерминанта, образ-репрезентант эмоциональных концептов. Синонимический ряд на основе **метафоры ландшафта** демонстрирует высокую степень концентрации:

Тоскливый ландшафт – тоскливей ландшафты – печальный ландшафт – грустного ландшафта – унылый ландшафт (2) – унылые ландшафты – скучный ландшафт (8):

Эта мозаика лишайников оживляет тоскливый ландшафт, придавая ему своеобразный, сказочный колорит. (Г.Н. Боч, Экскурсия на Север); Тоскливей, чем душа, ландшафты, карандаша Господня ложь! (С.В. Петров, Тоскливей, чем душа, ландшафты...); Печальный ландшафт сменили кадры бурной городской жизни. (С.Г. Жемайтис, Большая лагуна); Наконец борьба чувств моих утихла, я опять села прямо и, занявшись рассматриванием грустного осеннего ландшафта, поклялась в душе никогда не позволять воспоминаниям ослаблять дух мой... (Н.А. Дурова, Кавалерист-девица); Унылый ландшафт наводил невыразимую тоску. (А.В. Никитенко, Моя повесть о самом себе); Жителям пустыни естественным и вечным кажется унылый окружающий ландшафт... (Л.М. Леонов, Русский лес); Изредка щурясь сквозь окно вагона на унылые ландшафты «с березками», кривые станции, скирды в поле, трусцой плетущиеся куда-то телеги – он вспоминал вдруг, что это и есть Россия, его страна. (Г.В. Иванов, Третий Рим); Весь этот, такой знакомый, скучный горный ландшафт чудесно исчез вдруг с Олеговых глаз. (Б.Ю. Поплавский, Домой с небес).

Образами-репрезентантами эмоциональных концептов выступают разновидности ландшафтов: бор – гора – лес – луг – поле – пустыня – равнина – роща – сад – степь – холм.

Синонимические ряды на основе метафор видов ландшафтов распределяются по степеням продуктивности:

Высокая степень концентрации на основе **метафор поля, леса, степи, пустыни, сада, холма, равнины (33-8):**

1) *Поле тоски – поле в тоске – поля в тоске – поля дрожью тоски – тоска в поле – тоска полей – тоска в полях (2) – тоске полей – тоску полей – тоску с полей – тоской полей – тоской с полей – тоскою полей – поля в печали – вид полей печалью – печаль полей (2) – печаль в полях – печали полей – грусть с поля – грусть полей (4) – поле в унынье – уныние в поле – унынье полей – полем скорби – поля скорби – полями скорбей – скука в полях – горесть полей (33):*

Поле зрачка – полем тоски Ставшее. (М.И. Цветаева, Красный бычок); Стынет поле в тоске волоокой, Телеграфными столбами давясь. (С.А. Есенин, Мир таинственный, мир мой древний...); Простерлися пустынные поля, В тоске безвыходной немея. (Ф.К. Сологуб, Безумием окована земля...); И не отзываются дрожью Банальной и сладкой тоски Поля с колосающейся

рожьёю... (Г.В. Иванов, Мне больше не страшно. Мне томно...); *И, взлетая от песка, Им колчаны позамкнула В поле лютая тоска.* (А.А. Прокофьев, Плач Ярославны); *Над головой твоей понурой Тоска вечерняя полей.* (Я.М. Тисленко, Сегодня день какой-то хмурый...); *Тоска разлучная в полях: Связали пожени друг друга, – Как жены с милыми в боях.* (В.И. Нарбут, Отъезд); *В полях скрипучие воротца, И запах хлеба, и тоска.* (А.А. Ахматова, Ты знаешь, я томлюсь в неволе...); *Руки зарубцованы землей, ночи в путях Млечного пути, ветер отсыревшего петлей рвется по тоске полей вести.* (Л.Л. Аронзон, За гряды гористых облаков...); *Положу в котомку сухарей И пойду от раскаленной печи В беспредельную тоску полей.* (Н.Г. Полетаев, Переवेशу сапоги на плечи...); *Я дождем смету тоску с полей, Чтоб победней, веселей, напевней Засмеялся, зазвенел ручей.* (Н.Г. Полетаев, Переवेशу сапоги на плечи...); *Мы сами Томим себя – тоской иных полей, Иных пустынь...* (И.А. Бунин, Собака); *И вдруг такой повеяло с полей Тоской любви, тоской свиданий кратких!* (Н.М. Рубцов, Отплытие); *Я Север люблю, я сроднился с тоскою Его миловидных полей и озер.* (И. Северянин, Тяга на юг...); *Ах, поля мои, борозды милые, Хороши вы в печали своей!* (С.А. Есенин, Русь); *Безмерный вид полей, как будто в первый раз, Мне душу поразил своей печалью строгой.* (Е.Н. Рачинская, На дороге к кладбищу); *Далекий звон седых колоколов негромкой песенкой печаль полей ласкает.* (А.В. Фотинский, Осенняя Русь); *Во мгле лежит печаль полей, Чуть видно солнце золотое...* (Б.Ю. Поплавский, Во мгле лежит печаль полей...); *Угрюмо бродит Русская Печаль В пустых полях, поросших лебедою.* (С. Черный, Докторша); *К печали молкнущих полей, К тоске и плачу журавлей.* (Ю.К. Балтрушайтис, Из тени в свет); *Ладаном полынным Льется с поля грусть.* (Б.К. Семенов, Осенняя); *Грусть затаенную В говоре темных лесов да полей.* (А.Н. Иволгин, Ночная песня); *И грусть полей, и тьма желаний Зажгутся светлами.* (А.К. Герцык, Мерцает осень лилово-мглистая...); *Чуть розоватыми снегами в дали Уходит грусть полей.* (К.А. Большаков, Поэма событий); *Что для меня уже ушло в былое – Родных полей и грусть, и ширь, и тишь.* (Ю.Н. Верховский, Да, я тебе отвечу поскорей...); *И так углубился он в мысли свои, Что поле в унынье запахло полынью.* (Б.Л. Пастернак, Чудо); *Зачем уныние – в поблекшем поле, в шуме Осенних непогод, и в тучах, и во всем?..* (Д.С. Мережковский, Семейная идиллия); *Люблю уныние северных полей И бледную природу городскую...* (Д.С. Мережковский, Старинные октавы); *Отверзлись небеса над полем скорби, крови, И счастье мирное украсило его.* (А.Ф. Мерзляков, Мячковский курган); *Поля моей скудной земли Вон там преисполнены скорби.* (А. Белый, Русь); *Юный голос летел над полями скорбей и потерь: «Милый брат, не забудь!..»* (А.Е. Адалис, В человеческой памяти); *А там, в полях, земная скука Влачится хитрою змеей.* (Ф.К. Сологуб, Истомный зной, но мне отрадна...); *Родных полей глухая горесть – Полынь и мак.* (В.Т. Шаламов, Опять сквозь лиственницы поросль...).

2) Поля тоскливо-скудные – полях тоскливых – поле печальней – поля печальные (2) – поля печальны – поляны печальные – полей печальных (2) – полями печальными – печальную душу полей – поле грустнее – полем

грустным – поля грустные (2) – полями грустными (2) – грустным видом полей – поля унылые (2) – поля унылы – полях унылых (2) – поля горестного – полях горестных (25):

Леса, холмы, болота, тина, Тоскливо-скудные поля. (К.Д. Бальмонт, Равнина); *Снега нет в полях тоскливых, И опять, уйдя с полей, Память роется в архивах Пожелтевших тополей.* (И.П. Уткин, Память); *Наступала ночь, в поле стало еще угрюмей и печальней.* (И.А. Бунин, Жизнь Арсеньева); *И только будто зов несмелый Таят печальные поля...* (А.Т. Твардовский, Минское шоссе); *Осень простирала Свои печальные поля.* (Д.С. Самойлов, Дневник); *Поля темны, унылы и печальны Нет никого живого на земле?!* (Д.Д. Бурлюк, Экспресс России); *Сквозь волнистые туманы Пробирается луна, На печальные поляны Льет печально свет она.* (А.С. Пушкин, Зимняя дорога); *Ветром, что ли, поддуло С тех печальных полей...* (А.Т. Твардовский, Ветром, что ли, поддуло...); *Зачем ты его обнимала, Махала с печальных полей, Как будто туман разгоняла?..* (Ю.П. Кузнецов, Прощальный жест); *Я печальными еду полями, Повторяю печальный напев.* (А.А. Блок, Еще бледные зори на небе...); *Пой, тоска, про печальную душу полей.* (В.А. Ковалевский, Ты, безвременье дней, возврати мою душу...); *Завтра рождество, большой веселый праздник, и от этого еще грустнее кажутся непогожие сумерки, бесконечная глухая дорога и поле, утопающее во мгле поземки.* (И.А. Бунин, В поле); *Над полем грустным и победным Простерт червлёный щит зари.* (Е.И. Дмитриева, Поля победы); *О березы, даль немая, Грустные поля...* (Д.С. Мережковский, Возвращение); *Не наши грустные поля, Не наше сумрачное горе: Здесь дышит щедростью земля...* (И. Яссен, И снова день встает из тьмы...); *Над грустными полями Небес глубина, Над грустными полями, Над горем людей, Над горестным безумьем Отчизны моей?* (М.О. Цетлин (Амари), Предутренняя свежесть...); *Говорит увядшими цветами, Грустным видом выжатых полей...* (Ю.В. Жадовская, Тихо я бреду одна по саду...); *Я вспомнил тихие унылые поля И с белой церковью убогое селенье...* (Д.С. Мережковский, Конец века); *Эти бледные березы, И дождя ночные слезы, И унылые поля...* (Д.С. Мережковский, Чужбина-родина); *Поля темны, унылы и печальны Нет никого живого на земле?!* (Д.Д. Бурлюк, Экспресс России); *Снега, снега в полях унылых, На небе мерзлая луна.* (И.Г. Эренбург, Снега, снега в полях унылых...); *Цела ли связка писем милых, Так долго недоступных мне, – Что мой отец в полях унылых Писал беременной жене.* (В.И. Иванов, Младенчество); *И только чувствую острее Пустынность горестного поля.* (Н.Д. Бурлюк, Я мальчик маленький – не боле...); *Порою думаешь о ней, Руси покинутой и нищей, О горестных ее полях...* (С.М. Рафальский, Отечество).

3) *Лес печальный (3) – лес печальнее – лес печален – в лесах печальных – привет леса печальный – трепет леса печальный – шум леса печальный – лес с печально-кротким шумом – сень лесов с печальным шумом – лес грустен – лес унылой – лес унылый (2) – лес уныл – леса унылые – леса унылы (2) – лесов унылых (2) – в лесах унылых (22):*

Плакучих ив печальный лес Над урной мраморной шумит. (А.А. Дельвиг, На теплых крыльях летней тьмы...); *И ветер жалобно завыл И прочь рванулся что есть сил, И закачался лес печальный.* (Н.П. Огарев, Прометей); *Говорят, что лес печальный. Говорят, что лес прозрачный. Это верно.* (В.П. Катаев, Осень); *Но лес однообразнее и печальнее моря, особенно сосновый лес...* (И.С. Тургенев, Поездка в Полесье); *Печальны лес и дол завялый, Проглянет день – и уж темно...* (А.С. Пушкин, Как быстро в поле, вокруг открытом...); *До заката одиноко Он бродил в лесах печальных...* (И.А. Бунин, Песня о Гайавате. XX. Голод); *Она, волшебница, явилась на свет, И принял лес ее опавшею листвою, И тихо шелестил печальный свой привет.* (В.С. Соловьев, Родина русской поэзии); *О печальный трепет леса, Переполненного тьмой!* (С. Черный, Родной пейзаж); *Смогу ли осенью хрустальной, Следя невучий твой родник, Услышать леса шум печальный И чибиса унылый крик.* (С.П. Бобров, Моему ручью); *И лес в ответ, с печально-кротким шумом Мой путь дождем колючим осыпал.* (П.Ф. Якубович, На родном рубеже); *Лесов таинственная сень С печальным шумом обнажалась...* (А.С. Пушкин, Евгений Онегин); *Белый свет душе постыл, Грустен лес, поток уныл...* (А.С. Пушкин, Блаженство); *Вот лес, скажу, унылой, Где вдруг ты стала зла...* (И.А. Крылов, Мой отъезд); *И в недрах неприступных стен Молчание могилы; Окрест их, мглою покровен, Сидит лес унылый.* (В.А. Жуковский, Громобой (Из повести «Двенадцать спящих дев»)); *Лес молчаливый и унылый И скорбной песни красота Полны неотразимой силы!* (И.А. Бунин, Вирь); *И лес казался мне могилу угрюмой: Так был тогда он мрачен и уныл!* (А.Н. Апухтин, Год в монастыре); *Унылые, поблекшие Леса полураздетые Жить начинали вновь...* (Н.А. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо); *«Здесь скучно: все леса унылы, И колоколен нет».* (К.Н. Батюшков, Филомела и Прогна: Из Лафонтена); *Поля без стад, леса унылы, Ни скудных листьев, ни травы.* (А.А. Фет, Еще вчера, на солнце млея...); *Вернуться снова Им суждено в свою тюрьму От хвойных стен лесов унылых, От грустных северных картин...* (А.А. Коринфский, В вагоне); *Среди лесов, унылых и заброшенных, Пусть остается хлеб в полях нескошенным!* (О.Э. Мандельштам, Среди лесов, унылых и заброшенных...); *В лесах унылых и дремучих Бывает краше анемон...* (Н.М. Карамзин, Послание к Александру Алексеевичу Плещееву).

4) *Степи тоскливые – степь печальная (2) – степью печальной – степи печальной (2) – степи печальней – степи вид печален – степи грустные – степи вид грустный – степи скучной – степи скучные – степь унылая (3) – степью унылою – степи унылой (5) – степях унылых (22):*

За Доном опять степи, безрадостные, тоскливые степи. (В.П. Некрасов, В окопах Сталинграда); *Предо мной лежит Степь печальная.* (М.Л. Михайлов, На пути); *Но молчит кругом Степь печальная.* (М.Л. Михайлов, На пути); *Из Индии дальней На Русь прилетев, Со степью печальной Их свыкся напев.* (А.К. Толстой, Цыганские песни); *В степи мирской, печальной и безбрежной, Таинственно пробилась три ключа...* (А.С. Пушкин, В степи мирской, печальной и безбрежной...); *И я, как вы, осуждена Не покидать степи печальной.* (Е.П. Ростопчина, Осенние листья);

Здесь пешеходы умирали в песках *И степи* выглядывали *печальней*. (М.П. Юрин, Контрасты); *Печален степи вид*, где без препон, Волнуя лишь серебряный ковыль, Скитается летучий аквилон... (М.Ю. Лермонтов, 1831-го июня 11 дня); *Ты водила поэта в поля, В наши грустные, русские степи*. (Д.Д. Минаев, Муза); *Он обводит тусклым взором Степи снежной грустный вид*. (К.П. Прутков, Путник); *Я выбрал лучшую дорогу На скучной степи бытия*. (Н.М. Языков, Слава Богу); *Мертвые, скучные степи В вечном молчаньи лежат*. (А.И. Тиняков, Видится край мне далекий...); *Но степь унылая кругом, Дремучий лес вблизи чернеет...* (М.П. Загорский, Илья Муромец); *О степь унылая, простор твой необъятный*. (А.Н. Плещеев, В степи); *И тогда, подруга милая, Оживится степь унылая*. (Л.Н. Трефолев, Путеводная звезда); *Степью* иду я *унылою*, Нет ни цветочка на ней. (А.Н. Плещеев, *Степью* иду я *унылою*...); *Так пальма юная одна в степи унылой, Росистую к земле вершину приклони, Прохладну стелет тень над тихую могилкой*. (В.Н. Олин, Стансы к Элизе); *С рассветом дня мы снова в путь Помчались по степи унылой*. (К.Ф. Рылеев, Войнаровский); «*Посмотри, в степи унылой Я цвету, больной и хилый...*» (А.Н. Плещеев, Цветок); *Сверкай, огонечком мигая В широкой унылой степи!* (Л.Н. Трефолев, К России); *Пусть неопетая могила В степи, ненастной и унылой, Сокроет ненаглядный лик!* (Н.А. Клюев, Погорельщина); *Очнувшись вдруг в возке на лошадях, В унылых севастопольских степях*. (Д.С. Мережковский, Вера).

5) *Тоска леса – лес в тоске – лес от тоски – лесную тоску – лесной тоске – печаль лесов – лес печалью – лес печали – лес в печали – лесной печали* (2) – *грусть лесов – лес грустью – лес от скорби – леса скорбь – лес от скуки – лес уныния – горе леса – лес горя – леса от горя – горесть леса* (21):

Тоска в лугах, тоска *среди леса*; *Нигде покойных нет минут*. (И.И. Дмитриев, Романс); *Если по степи проносятся вьюги, Дико и буйно в ней ветер поет, Лес в это время в тоске и испуге Страшно шумит и мне спать не дает!* (М. Горький, Диалоги феи и чабана); *Пусть невнятно бормочет укоры от тоски пожелтевший лес*. (А.В. Фотинский, Пусть невнятно бормочет укоры...); *Как бы то ни было, это жадное ожидание в глухой лесной деревушке отголосков отдаленного мира – очень поэтично и характерно, и я невольно вспомнил его теперь, когда сам испытывал тяжелую лесную тоску...* (В.Г. Короленко, В пустынных местах); *И быть как зверь, как дикая волчица, неутоляемой в своей тоске лесной, когда придет пора отвоплотиться и стать опять отдельной и одной*. (М.М. Шкапская, О, тяготы блаженной искушенья...); *Звезды, небо, холодная, синяя даль И лесов и пустыни немая печаль...* (Д.С. Мережковский, И хочу, но не в силах любить я людей...); *В осенний вечер дышит лес Невыразимую печалью...* (К.Н. Льдов, В осенний вечер дышит лес...); *И преклонялся лес, исполненный печали, На жалобы мои*. (А.А. Крылов, Разлука); *Все, верно, осенью встречали Такие дни: светло кругом, Но лес в багрянце и печали...* (К.М. Фофанов, Как много в жизни скучной прозы...); *И было в них много печали, Больной, сиротливой, лесной...* (Ф.К. Сологуб, Какие-то светлые девы...); *В глубине лесной печали шел я мерзлую тропой*. (С.И. Липкин, По Эдгару По); *Грусть* *затаенную* *В* *говоре*

темных лесов да полей. (А.Н. Иволгин, Ночная песня); *Что, дремучий лес, Призадумался, Грустью темною Затуманился?* (А.В. Кольцов, Лес); *И от скорби затрясся Весь лес.* (Л.Н. Мартынов, Деревья); *Их звезды бледные, как блеск моих очей, Их темные леса, как скорбь души моей...* (К.М. Фофанов, Нет, не зови меня! Нет, друг мой не зови...); *...лес рычит поднявши руки, лес волнуется от скуки...* (А.И. Введенский, Значенье моря); *Явился – и с тобой расцвел сей дикий лес, Чертог уныния, отчаянья и слез.* (К.Н. Батюшков, Отрывок из XVIII песни «Освобожденного Иерусалима»); *Взоры вспыхнут, и сердце мятежное Просит бури безумных страстей, Точно горе его неизбежное – Горе леса, небес и морей...* (К.М. Фофанов, Не мигают зарницы вечерние...); *Лес, полный горя, голода и бед, Стоит вдали, как огненный сосед.* (Н.А. Заболоцкий, Безумный волк); *Шумят леса густые, От горя наклонясь...* (Д.Б. Кедрин, Князь Василько Ростовский); *Только в лиственном багрянце Горесть леса угадать.* (С.М. Городецкий, Осенний вихрь).

6) *Пустыня печальная* (3) – *пустыне печальной* – *пустыней печальной* – *пустыни печальные* – *пустыне грустной* – *пустыня скучная* – *пустыне скучной* (2) – *пустыней скучной* – *пустынею скучной* – *пустыни скучные* – *пустыне унылой* – *пустынях унылых* – *пустыне горестной* – *пустыне горестну* (17):

В моей изменчивой судьбе, Твоя печальная пустыня, Последний звук твоих речей... (А.С. Пушкин, Полтава); *Твоя печальная пустыня, Твои сожженные поля!* (Д.С. Мережковский, Парфенон); *Ее к себе зовет еще одна богиня, И без нее ей мир – печальная пустыня.* (Т.Л. Щепкина-Куперник, Semper excelsior); *Роптаньем струн не пробудив Любви в пустыне сей печальной, Где сном покрыто лоно нив...* (А.С. Грибоедов, Телешовой); *Все стало без него печальною пустыней!..* (В.А. Жуковский, Элегия); *И превратил огонь в печальные пустыни Богатство сел твоих, и нив, и городов!* (А.И. Полежаев, Кориолан); *Где ты, так рано во мраке пропавшая, Ясной звездой нам тихо сиявшая В грустной пустыне мирской?..* (Т.Л. Щепкина-Куперник, На смерть В.Ф. Комиссаржевской); *Объятая безмолвием и ленью, Кругом пустыня скучная лежит...* (А.М. Жемчужников, Уже давно иду я, утомленный...); *Не разгоняй сей рой сияющий и звучный Веселий резвых, легких снов, Которых общества желал бы философ В своей пустыне скучной.* (М.Н. Муравьев, Сила гения); *Кто создает в пустыне скучной Мираж волшебной красоты.* (Н.М. Минский, Пред алтарем я слезы лил...); *Пустыней скучной, без волненья Нам жизнь покажется...* (А.Н. Апухтин, Когда любовь охватит нас...); *Казалась жизни сумрачная даль Пустынею холодной, мертвой, скучной.* (Д.С. Мережковский, Вера); *Чертоги царские, церковные святыни Подобно сетуют как скучные пустыни.* (М.В. Ломоносов, Петр Великий); *Взор мой бродит везде по немой, по унылой пустыне.* (В.К. Кюхельбекер, Зима); *Вместо того чтоб зевать В наших пустынях унылых – Впредь до крушенья – считать Будут кресты на могилах!* (Н.А. Некрасов, Современники); *И не в горестной пустыне Потекут твои струи: Будет образ тут отныне Постоянства и любви.* (П.Г. Гагарин, Немень); *Оставь восторги*

мне, оставленну от всех, В пустыне горестну, лишенному утех. (Я.Б. Княжнин, Письмо графа Комменжа к матери его).

7) Сад печальный (2) – сад печальней – сад печален – садом печальным – саду печальном – сады печальные (2) – сады печально-грустны – сад грустный – сад грустен – шелест сада грустно-знакомый – сад скорбной мглою – сад унылый – садов унылых – сады унылы (16):

...видел брата Николая, черноглазую десятилетнюю Олю, нашу с ней заветную ель перед окнами зала и пустой, обнаженный, по-осеннему **печальный сад**, буйный ветер и вечеряющее солнце в нем... (И.А. Бунин, Жизнь Арсеньева); Но сад другой, уже с другой судьбою, без тишины стволов и воздуха ветвей, меня зовет своей животной болью **печальный сад**, собрание зверей. (Л.Л. Аронзон, Зоосад); Я с нею встретился в картинном запустеньи Сгоревшего дворца – где нежное цветенье Бежит по мрамору разбитых ступеней, Где в полдень старый **сад печальней и темней**... (И.Ф. Анненский, Ореанда); От тучи **сад печален**, а ты, моя Людмила? (И.А. Бунин, Людмила); Нам не казался мир **печальным садом** При скудном свете городской луны. (А.П. Ладинский, Нас не было, мы на земле не жили...); Ветки устало качаются В мокром, **печальном саду**... (Ю.К. Терапиано, Ветки устало качаются...); Он первый увидел под дымкою разврата Манящие к себе, **печальные сады**... (А.И. Тиняков, Онану); **Сады печальные**, пустыня юных лет, не ваши ли причуды воплощали далеких стран чужие времена, когда нас плавно, на рессорах, мчал скопленье чаяний и сна? (А.Н. Николев (Егунов), В уединеннейшей прогулке...); И сады так **печально-грустны** Без цветов. (Т.Л. Щепкина-Куперник, Без луны); Выйти вечерней порой В **грустный безлиственный сад**... (А.К. Герцык, Тебе); **Соседский сад** сквозится по скатам за рекою, Еще пустой, весенний, он **грустен**, как всегда. (И.А. Бунин, Людмила); **Шелест сада грустно-знакомый** Неотступно шепчет: «Усни»... (Г.В. Иванов, Вечерние строфы); Кругом пустыня – не взрастет могила, Где **скорбной мглою** дышит тихий **сад**. (А.К. Герцык, Разлука); Неужели все это была мечта – и этот **сад, унылый**, заброшенный и дикий, с дорожками, заросшими мхом, уединенный, угрюмый... (Ф.М. Достоевский, Белые ночи); Но люблю я садик скромный: Он душе моей милей **Городских садов унылых** С тенью правильных аллей. (А.Н. Плещеев, Мой садик); Белеет мост, по сторонам **сады** Под инеем пушистым спят **унылы**. (М.Ю. Лермонтов, Сашка).

8) Тоску степей – тоской степей – тоска степная – тоски степной – тоской степной – печаль степь (3) – печаль по степи – печаль в степи – грусть в степных просторах – скуки степной – скорбей степных – горе степь (2) – горе в степях (16):

Он их вел через мертвые кости, Через большую **тоску степей**. (П.Н. Васильев, Соляной бунт); ...и вы тревожьте их воображение **тоской степей** и холодом высот, а мозг детей – веселое брожение их в странствия, волнуясь, поведет. (Л.Л. Аронзон, Зоосад); И взвилась, всем близка, Древняя, **степная, Азиатская тоска**. (Л.Ф. Бартольд, Был автобус битком...); И мнится: там, за той юдолью, Где дух в цепях **степной тоски**, Идут за перекопской солью Украинские чумаки. (И.Н. Голенищев-Кутузов, Бежит

ковыль, трепещут травы...); *Знай, что дышишь ты силой моею, Моей давней степной тоской.* (А.А. Баркова, Ощетинилась степь полудикая...); *Уноси мою душу в ту синюю даль, Где степь золотая легла на просторе – Широка, как моя роковая печаль, Как мое безысходное горе.* (С.Г. Фруг, Уноси мою душу в ту синюю даль...); *И мертва моя печаль, Словно выжженная степь.* (Д.С. Мережковский, Тишь и мрак – в душе моей...); *Такими глазами смотрит сама печаль земли, Бесконечная, как время Или как степь.* (С.И. Липкин, Техник-интендант); *Ее Украина золотую Мне снилась: вечереет даль, Колдует по степи печаль...* (В.И. Иванов, Младенчество); *Первая печаль в степи дорожной Васильком далеким расцвела.* (А.С. Головина, Первая печаль в степи дорожной...); *Пустыня, грусть в степных просторах. Синюют тучи.* (И.А. Бунин, Пустыня, грусть в степных просторах...); *Разумеется, всем это среди скуки степной, зимней, ужасъ как интересно, и все мы хотя немножко этой ужаси боимся, а рады посмотреть: что такое от этого индийского бога будет; чем он, каким чудом проявится?* (Н.С. Лесков, Очарованный странник); *Где легче слова водрузится Суровый знак степных скорбей?* (Б.К. Лившиц, Степной знак); *Уноси мою душу в ту синюю даль, Где степь золотая легла на просторе – Широка, как моя роковая печаль, Как мое безысходное горе.* (С.Г. Фруг, Уноси мою душу в ту синюю даль...); *Горе большое, как степь, как ширь Солнце сжигает твердь.* (О.Я. Тельтофт, Верить хочу ли в победу твою...); *Большое горе Наледью синей легло в степях.* (П.Н. Васильев, Джут).

9) *Тоской пустынь* (3) – в тоске просторы пустыни – тоска пустынная (2) – тоски пустынной – тоске пустынной – тоскою пустынной – печаль пустыни (2) – грусти пустынной – скорбь пустыни – скорбь пустынь – скорби пустынной (15):

И вой собак звучит тоской пустынь Под византийской ветхой базиликой. (И.А. Бунин, Стамбул); *Мы сами Томим себя – тоской иных полей, Иных пустынь...* (И.А. Бунин, Собака); *Тоской пустынь и тишиной души Мир стережет дорогу звезд и путь судьбы.* (А.П. Платонов, Резцом эпох и молотом времен...); *Просторы серые пустыни бесконечной, Неумолимые, застывшие в тоске.* (Б.А. Садовской, Испортил ты себе загробную карьеру...); *Кругом нашей лодки стояла тихая, глубокая, пустынная тоска.* (В.Г. Короленко, В пустынных местах); *Да изредка в ночи пустынная тоска Роясь, заискрится в твоём прекрасном взоре.* (Д.Л. Андреев, Над зыбью стольких лет незыблемо одна...); *Своей тоски – навеки одинокой, Как зыбь морей, пустынной и широкой, – Он не отдаст.* (М.А. Волошин, Тому в любви не радость встреч дана...); *Не ужиться с веснянкой-комарницей Эскимосской пустынной тоске.* (Н.А. Клюев, Октябрьские рассветки и сумерки...); *Бессонной пустынной тоскою Изныла душная грудь.* (Ю.Н. Верховский, И тени уносятся, тая...); *Звезды, небо, холодная, синяя даль И лесов и пустыни немая печаль...* (Д.С. Мережковский, И хочу, но не в силах любить я людей...); *Печаль и сон пустыни городской.* (Д. Кнут, Ночь); *И в долгие часы пустынной грусти Томительно просилась отдохнуть У вашего святого пепелища Моя душа – там мир.* (А.С. Пушкин, Еще одной высокой, важной песни...); *И – путь безумья*

всех надежд, Неотвратимый путь гордыни; В нем – пламя огненных одежд И скорбь отвергнутой пустыни... (Е.И. Дмитриева, Наш герб); И был таков твой сон и скорбь твоих пустынь, Где веет кротко Смерть, под миром крыл лелея Мерцающую Жизнь, как бледный огонь ел. (В.И. Иванов, La pineta); Сердцем не чаёт скорби пустынной Будущих бурь. (А.К. Герцык, На берегу).

10) Тоска в саду – тоске сада – тоскою из сада – печаль в саду – печаль в садах – печали в садах – сад печали (2) – сад в печали – сад печалей – сады от печали – грустью ширь садов – унылость сада – скорбью садов – горем сад (15):

Закостенел мой сад. В моем саду тоска. (И. Северянин, Ведь только ты одна!); Так дышал перрон, напоминающий базары столпотвореньем, говором, и старый коричневый, потрескавшийся сад, исполненный в наброске, лип к фасаду вокзала, и, казалось, нет предела его тоске. (Л.Л. Аронзон, Вещи); И тянет тоскою из щелей окна, Из сада, где дождь и промозглая слякоть. (И.В. Одоевцева, Последнее траурное новоселье...); Печаль, печаль в моем саду, Пришла тропой лесною... (С.А. Клычков, Печаль, печаль в моем саду...); В моих садах – цветы, в твоих – печаль. (Н.С. Гумилев, В моих садах – цветы, в твоих – печаль...); А в садах раскрывались печали Белыми и голубыми И головками качали, Плавая в звездном дыме. (В.М. Лебедев, Оптовая торговля розами); Зачем глядит, исполненный печали, Поблекший сад к нам в тусклое окно? (В.С. Соловьев, Мудрый осенью); Ой ли сад любви, печали, А в нем ветки до земли – Да они весной почали, По весне цвели... (С.А. Клычков, Сад); Так расстаётся с листвою в безоружной печали сад сокровенный, далекий, незримый, всевышний. (И.Ф. Жданов, Плыли и мы в берегах, на которых стояли...); И шли в венках живые в сад печалей – На дерн и мрамор сеять роз первины. (В.И. Иванов, Розалии); И от озлобленной печали, От ледяной ее струи, Вдруг покачнулись и увяли И звезды, и сады мои. (И.А. Савин, Был взгляд ее тоской и скукой...); И грустью странною вся ширь садов объята... (П.Д. Бутурлин, Май); Вчерашнего сада унылость... (Г.С. Семенов, Деревья); И наполнится сердце усталостью нежной, Гефсиманскою скорбью садов госпитальных. (Е.Г. Полонская, Госпитальные сады); Под поздний, долгий ветра плач Глядим на сад, цветущий горем. (Х.П. Кроткова, Осень).

11) Холмам печальным (2) – холмами печальными – холм грустный – холм унылый (2) – холмам унылым – холмы скучные – пейзаж холмов скучный (9):

Ты стоишь, к холмам печальным Кротко очи опустья. (А.Н. Майков, В тихой думе, на кладбище...); К каким-то иным берегам, К печальным и лунным холмам, Но счастье мое и не там. (А.П. Ладинский, Еще мы не знаем, не смеем...); Кто, Благостный, вверху ее возжег Прозрачными и тихими руками Над смертными распутьями дорог, Над этими печальными холмами? (В.М. Лебедев, Кто, Благостный, вверху ее возжег...); Могильный, грустный холм ея Близ юрты сей насыпал я. (К.Ф. Рылеев, Войнаровский); Здесь возвышался холм унылый, Здесь сын Аммона горделивый, Свершая тризну, пировал. (И.И. Козлов, Абидосская невеста); В долине той есть холм унылый, Одет муравчатым ковром, И роза белая на нем Одна над тихою могилой... (И.И. Козлов, Абидосская невеста); В их дремучие леса, К их холмам унылым!

(В.К. Кюхельбекер, Адо); **Скучные-нескучные**, как халва, **холмы**, Эти судоходные марки и открытки, На которых носимся и несемся мы. (О.Э. Мандельштам, Там, где купальни, бумагопрядильни...); *И вид из окошка привычный На поле, на рощу дубов, На **скучный** и меланхоличный **Пейзаж европейских холмов***. (А.П. Ладинский, Ты думала только о хлебе...).

12) *Тоска равнина – тоска равнин – тоска в равнинах – равнина в печали – грусть равнин – скукою равнин – уныние равнин – унылостью равнин* (8):

*И будут снова стыть в витринах сухие лавры на висках и, как широкая **равнина**, заиндевшая **тоска***. (Э.К. Чегринцева, Рисует белые узоры...); *Неуютная жидкая лунность **И тоска** бесконечных **равнин**...* (С.А. Есенин, Неуютная жидкая лунность...); *О, какая **тоска** была на этой пустынной бесконечной дороге, в этих бледных **равнинах** за нею, в этот молчаливый степной вечер!* (И.А. Бунин, Захар Воробьев); *Вся **равнина** в снах глубоких **И в печали** не случайной*. (Ф.К. Сологуб, Звездная даль); *О, белых **равнин** глубочайшая **грусть!***.. (Л.Н. Мартынов, Страна-холодырь); *Кроткий отрок, грозный властелин, Красотой сияя нерастленной, Над дремотной **скукою равнин***. (Ф.К. Сологуб, Обнаженный царь страны блаженной...); *Гудит, гудит **уныние равнин**, и каждый столб ложится длинной тенью, и путь далек, и ты один...* (В.В. Набоков, Телеграфные столбы); *Над **унылостью равнин** Тучи медленны и хмуры...* (В.Я. Брюсов, В лугах).

13) *Равнины печальные – равнина печальна – равниной грустной – равниной грустною – равнине унылой – равниной унылой – равнины унылые – простор равнин унылый* (8):

*Печальные, убогие **равнины!*** (Н.А. Некрасов, Уныние); *Для глаз **печальна та равнина**, Где нет ни рощей, ни холмов*. (Н.М. Карамзин, На торжественное коронование Его Императорского Величества Александра I, самодержца всероссийского); *Над **грустной равниной** песка, Черняв, и кудряв, и высок, Запел паровозный гудок*. (М.А. Светлов, Время); *Над **грустною равниной** из-за моря Воспрянет солнце горячей*. (Б.К. Лившиц, Март); *И по этой **унылой равнине** Шаг за шагом идет караван С седоками в промерзлой овчине*. (Н.А. Некрасов, Балет); *Словно как мать над сыновней могилой, Стонет кулик над **равниной унылой***. (Н.А. Некрасов, Саша); *И стелются кругом **унылые равнины**, Небозримы...* (А.Н. Апухтин, Из поэмы «Село Колотовка»); *Поезд то вступает в лес, темнящий его своими чащами, то опять выходит на **унылый простор** снежных **равнин**...* (И.А. Бунин, Жизнь Арсеньева).

Средняя степень концентрации на основе **метафор горы, луга, бора, леса, рощи** (7-5):

1) *Тоска гора – тоски гор – печаль гор – горя гору* (2) – *горя горы – горестей горы* (7):

Тоска, мрача мой век постылый, Падет на сердце, как гора. (Н.И. Гнедич, Скоротечность юности); *И вдруг из-за мглы туч, Да из-за **тоски гор** – Как будто бы кто ключ Повернул на простор – Такой золотой дождь*. (В.А. Меркурьева, Такая сизая мгла... (Из цикла «Листики»); *И **гор** согласных*

ток крылата Голуботускляя **печаль**. (В.И. Иванов, Осень (Из цикла «Руны прибоья»); **Гору горя** своего народа Ста пятидесяти (Госиздат) Миллионного... – В котором роде Своего, когда который год: «Ничего-де своего в заводе!» Всех народов **горя гору** – вот. (М.И. Цветаева, В сапогах, подкованных железом...); Как же в двери пройдешь, чтобы скрыться от бури под крышу, На загорбке своем **горы горя** людского таская? (А.Е. Адалис, Человеческой воли крылатой просторы я вижу... (Из «Неизвестного»); **Горестей моих горы**, Радости ни на грош. (Ю.В. Крузенштерн-Петерец, Часто на Бога сетую...).

2) Луг печальный – лугом печальным – луга печальные – луга печальнее – лугами печальными – лугом унылым – луга унылы (7):

... путник, старец то, забредший Случайно на **печальный луг**; Забрел – увидел храм он вдруг. (Г.П. Каменев, К П.С.Л.Р.); Лебедь, уплывая, над **печальным лугом** Оставляет белое перо... (М. Вега, Лебедь); Князь Рурик и его вожди Спокойно ждуют, когда весна Свое дыханье и дожди Пошлет на белые снега, Когда **печальные луга** Покроют пестрые цветы. (М.Ю. Лермонтов, Последний сын вольности); Увы, **печальнее** кладбища **Луга**, и нивы, и жилища... (А.И. Подолинский, Смерть Пери); Над **печальными лугами** Мы встречаемся с Тобой. (А.А. Блок, За туманом, за лесами...); Сия земля была **унылым** Божьим лугом... (С.В. Петров, Вал); Бесконечно **унылы** и жалки Эти пастбища, нивы, **луга**... (Н.А. Некрасов, Утро).

3) Бор печальный – бор печален – бор печально-строгим шумом – бор скорбен – бор уныл – бор горький (6):

Озер стеклянные заливы И **бор печальный** и глухой, Как милы вы, как вы счастливы Своею дикой красотой... (М.Ю. Лермонтов, Два брата); **Печален** снеговой простор, И снеговой сосновый **бор**... (А. Белый, Весна); И старый **бор печально-строгим шумом** В глухую ночь невольню усыпит. (Н.А. Клюев, Холодное, как смерть, равниной бездыханной...); Дремуч и **скорбен бор** ресниц, Не счесть ударов от сулиц, От копий на рязанской свите. (Н.А. Клюев, Преподобие отче Елиазаре, моли Бога о нас!..); **Уныл** и гол холодный **бор**. (Н.П. Огарев, Зимний путь); Холодеет **горький бор** не от ливня, но ответа. (О.Ф. Берггольц, Спор).

4) Лес тоскуя – лес печалел – лес грустит – лес загрустил – лес унывает – леса горюют (6):

Ветром тронутый, **тоскуя** Запоет ли темный лес... (П.А. Вяземский, Из «Поминок»); Сосны качеля, белесо ночело. **Лес печалел** в белосне. (И. Северянин, Эскизетка); Обвеян вещею дремотой, Полураздетый **лес грустит**... (Ф.И. Тютчев, Обвеян вещею дремотой...); **Лес** и небо ль **загрустили**, Уходя в ночную даль. (С. Черный, На лыжах); **Лес** зеленый **унывает**; Все печально без тебя! (М.Л. Магницкий, Все печально без тебя); Зубчатые **леса горюют** молча, И коршун делает последний круг. (В.А. Луговской, Сказка о дедовой шубе).

5) Лес грустно (2) – леса уныло (2) – лес скучно (5):

И осветился зарею **Грустно** нахмуренный лес. (С.Д. Дрожжин, Звезды одна за другою...); Что **грустно** так поют суровым хором И темный лес, и

стаи журавлей... (Н.М. Рубцов, Последний пароход); **Уныло** зашумят леса И, в хороводах звезд прекрасных, В одеждах бледно-желтых, ясных, Взойдет луна на небеса. (И.А. Крылов, Отъезд из деревни); **И все уныло** вокруг – леса, долины, горы! (Н.И. Гнедич, Осень); **О чем-то скучно** и лениво Досказывает мокрый лес. (И.Г. Эренбург, Осенью).

б) **Рощи грустней** – **рощ скорбных** – **рощах унылых** – **рощи унылы** – **вид рощ горестен** (5):

Что может быть грустней и проще Обобранной ветрами **рощи...** (М.С. Петровых, Болдинская осень); *Наш путь ведет к божницам Персефоны, К глухим ключам, под сени скорбных рощ* Раин и ив, где папоротник, хвощ. (М.А. Волошин, Одиссей в Киммерии); *И лето протекло, цветов нигде уж нет, – Но горестных картин и ужасов осенних* В **унылых рощах**, где валится желтый лист На желтую траву, где слышен ветров свист Между сухих дерев. (Н.М. Карамзин, Протей, или Несогласия стихотворца); *Везде туман и мрак, покрыты реки льдом; Унылы рощи и долины.* (В.Л. Пушкин, К любимцам муз); **Горестен вид** этих маленьких сел, **рощ** изведенных, **церквей** убиенных. (Б.А. Ахмадулина, Радость в Тарусе).

Низкая степень концентрации на основе **метафор равнины, степи, рощи, сада, холма** (4-3):

1) **Равнина тоскливо** – **равнина печально** – **равнина грустно** – **равнины грустно** (4):

И недалекая равнина, Глаза раскрыв, Глядит тоскливо и ревниво... (В.Т. Шаламов, Деревья зажжены, как свечи...); *А предо мной во тьме ночной Равнина тянется печально...* (Н.П. Огарев, Юмор. Часть вторая); *Кругом равнина грустно спит; Лишь в свежий дерн могилы новой Конь, андалузский конь стучит Серебряной подковой.* (Н.В. Кукольник, Романс); **Грустно равнины** холодные ранней весной темнели, Где наливался ячмень и кустился цветущий картофель... (Б.А. Садовской, Князь Итальянский).

2) **Гладь степей тосковала** – **степи грустят** – **степи грустили** – **степь занывает** (4):

Люди юрт, где по лемеху Тосковала гладь степей. (Л.Н. Мартынов, Сколько ты ни шевелись там...); *И грустят удивленные степи, Не поняв: зачем и куда?* (Е. Феррари, Эшелоны); *Она была в злофейном крэпе... В ее глазах грустили степи...* (И. Северянин, Virela I); **Занывает степь** Ковылем-тоской. (А.К. Герцык, По ветру).

3) **Роща печалью** – **рощи с грустью** – **в уныньи рощ** (3):

Раннею весной роща так тиха, Веет в ней печалью, смутною кручиною. (К.М. Фофанов, В роще); *И только рощи в поздний час Все с той же грустью полудикой Глядят с окрестностей на нас.* (Н.А. Заболоцкий, Подмосковные рощи); *Иду в широком поле, В уныньи темных рощ...* (Ф.К. Сологуб, О, жизнь моя без хлеба...).

4) **Сад загрустит** – **сад грустил** – **сад скучает** (3):

Зеленый сад, что ветви пышно свесил, По осени в тумане загрустит. (И.И. Доронин, Ответ); *Лил дождь осенний. Сад грустил о лете.* (С.П. Щипачев, Лил дождь осенний. Сад грустил о лете...); **Заглохший сад,**

желтея, умирает. И он, как мы, скучает о былом... (К.М. Фофанов, Все грустно, все! Наш тихий разговор...).

5) *Тоску холмов – печали холмов – грусти холмов (3):*

Как я люблю тоску свободы, Тоску долов, тоску холмов... (И.И. Коневской, Затишье); Очертанья холмов за тумана фатой, В них так много живой, но суровой печали, Колыбельных напевов и грусти родной. (Н.А. Клюев, В разлуке).

Таким образом, выделенные синонимические ряды на основе метафор видов ландшафтов демонстрируют степени продуктивности образов-репрезентантов эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в диапазоне от частотного до менее проявляемого. Высокую степень концентрации представляют метафоры поля – 33-25, леса – 22-21, степи – 22-16, пустыни – 17-15, сада – 16-15, холма – 9, равнины – 8. Среднюю степень концентрации имеют метафоры горы – 7, луга – 7, бора – 6, леса – 6-5 и рощи – 5. К низкой степени концентрации относятся метафоры равнины – 4, степи – 4, рощи – 3, сада – 3, холма – 3. По количеству строк с эмотивом «тоска» наиболее поэтическими у русских авторов выступают ‘поле’ – 58, ‘лес’ – 54, ‘степь’ – 42, ‘сад’ – 34, ‘пустыня’ – 32, далее в порядке убывания следуют ‘равнина’ – 20, ‘холм’ – 12, ‘роща’ – 8, ‘гора’ – 7, ‘луг’ – 7 и ‘бор’ – 6. Родовое понятие ‘ландшафт’ содержит меньшее количество признаков – 8, но общих для большего количества видовых понятий.

В таблице 15 зафиксированы метафорические образы-репрезентанты эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», «уныние», «скука», «скорбь», «горесть», их ассоциативно-смысловые признаки неживой природы – стихия земли.

Таблица 15 – Синонимический ряд эмотива «тоска» с метафорой видов ландшафтов

Признаки	Отраженная метафорическая синонимия								Итого
	тоска	грусть	печаль	горе	уныние	скука	скорбь	горесть	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
‘Виды ландшафтов’:	50	42	89	12	57	17	13	8	288
‘Ландшафт’:	2	1	1	-	3	1	-	-	8
‘Бор’	-	-	3	1	1	-	1	-	6
‘Гора’	2	-	1	3	-	-	-	1	7
‘Лес’	6	7	18	4	14	2	2	1	54
‘Луг’	-	-	5	-	2	-	-	-	7
‘Поле’	16	12	15	-	8	1	3	3	58
‘Пустыня’	9	2	8	-	2	6	3	2	32
‘Равнина’	4	5	4	-	6	1	-	-	20
‘Роща’	-	2	1	-	3	-	1	1	8
‘Сад’	3	6	17	1	4	1	2	-	34
‘Степь’	7	5	12	3	11	3	1	-	42
‘Холм’	1	2	4	-	3	2	-	-	12

Эмотив тоски с метафорой видов ландшафтов разнообразен по временной протяженности. Так, если авторы XIX века чаще обращались к эмотивам уныния – 39, печали – 37 и грусти – 17, практически исключая эмотивы тоски и горя, то в XX веке внимание русских поэтов направлено на эмотивы печали – 51, тоски – 42, грусти – 25, уныния – 15 и горя – 10. В совокупности частотными для авторов выступают эмотивы печали – 89, уныния – 57, тоски – 50 и грусти – 42.

Таблица 16 – Временная репрезентация синонимического ряда эмотива «тоска» с метафорой видов ландшафтов в художественных произведениях

Репрезентация	Век			Итого
	XVIII	XIX	XX	
1	2	3	4	5
тоска	1	7	42	50
грусть		17	25	42
печаль	1	37	51	89
горе		2	10	12
уныние	3	39	15	57
скука	2	8	7	17
скорбь		2	11	13
горесть	2		6	8
Итого	9	112	167	288

Рассматривая частеречную репрезентацию синонимических рядов эмотива «тоска» с метафорой видов ландшафтов в художественных произведениях, наблюдается высокое употребление имени прилагательного – 145 и имени существительного – 121, далее в порядке убывания глагола – 13 и наречия – 9.

Таблица 17 – Частеречная репрезентация синонимического ряда эмотива «тоска» с метафорой видов ландшафтов в художественных произведениях

Репрезентация	Часть речи				Итого
	существительное	прилагательное	глагол	наречие	
1	2	3	4	5	6
тоска	42	5	2	1	50
грусть	13	19	6	4	42
печаль	31	56	1	1	89
горе	10	1	1		12
уныние	8	45	2	2	57
скука	4	11	1	1	17
скорбь	10	3			13
горесть	3	5			8
Итого	121	145	13	9	288

Выводы по 3 разделу

Семантическая вербализация эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» на материале стихотворных и прозаических произведений авторов XVIII – XX веков из Национального корпуса русского языка позволила:

1. Реконструировать художественное сознание носителей языка: выявить отраженную метафорическую синонимию, систематизировать метафорические детерминанты, образы-репрезентанты концептов в свете кодов культуры; определить ассоциативные признаки живой и неживой природы, демонстрирующие связь изучаемых концептов с другими концептами; представить синонимические ряды на основе метафор высокой, средней и низкой степени концентрации; показать динамику эмотивов тоски во временной протяженности, их частотность употребления и частеречную принадлежность.

2. Вследствие концептуального и семантического методов анализа определено 5 метафорических детерминант, образов-репрезентантов концептов, которые систематизированы в свете кодов культуры:

- 1) *дерево* – метафорическая детерминанта вегетативного кода;
- 2) *птица* – метафорическая детерминанта орнитологического кода;
- 3) *водоем* – метафорическая детерминанта стихии воды;
- 4) *воздушная масса* – метафорическая детерминанта стихии воздуха;
- 5) *ландшафт* – метафорическая детерминанта стихии земли.

3. В результате семантической реконструкции выявлены следующие ассоциативно-смысловые блоки признаков живой и неживой природы, демонстрирующие связь эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» с другими концептами:

11 ассоциативных признаков живой природы – вегетативный код: ‘береза’ – ‘верба’ – ‘дуб’ – ‘ель’ – ‘ива’ – ‘кипарис’ – ‘липа’ – ‘осина’ – ‘сосна’ – ‘тополь’ – ‘яблоня’;

13 ассоциативных признаков живой природы – орнитологический код: ‘ворона’ – ‘голубь’ – ‘журавль’ – ‘иволга’ – ‘коршун’ – ‘кукушка’ – ‘лебедь’ – ‘орел’ – ‘скворец’ – ‘сова’ – ‘соловей’ – ‘чайка’ – ‘чибис’;

6 ассоциативных признаков неживой природы – стихия воды: ‘болото’ – ‘море’ – ‘озеро’ – ‘океан’ – ‘пруд’ – ‘река’;

5 ассоциативных признаков неживой природы – стихия воздуха: ‘буря’ – ‘ветер’ – ‘вьюга’ – ‘метель’ – ‘порыв’;

11 ассоциативных признаков неживой природы – стихия земли: ‘бор’ – ‘гора’ – ‘лес’ – ‘луг’ – ‘поле’ – ‘пустыня’ – ‘равнина’ – ‘роща’ – ‘сад’ – ‘степь’ – ‘холм’.

4. Установлена частотность употребления ассоциативных признаков живой и неживой природы увязываемых за словами-репрезентантами эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе»:

– вегетативные признаки живой природы: ‘ива’ – 28, ‘береза’ – 26, ‘сосна’ – 26, далее в порядке убывающей частоты ‘ель’ – 14, ‘кипарис’ – 12, ‘осина’ – 9, ‘дуб’ – 8, ‘липа’ – 5, ‘тополь’ – 4, ‘яблоня’ – 4, ‘верба’ – 3;

– орнитологические признаки живой природы: ‘соловей’ – 36, ‘кукушка’ – 18, далее в порядке убывания следуют ‘журавль’ – 13, ‘лебедь’ – 13, ‘голубь’ – 11, ‘ворона’ – 8, ‘сова’ – 8, ‘чайка’ – 8, ‘скворец’ – 7, ‘иволга’ – 5, ‘орел’ – 5, ‘коршун’ – 4, ‘чибис’ – 4;

– признаки неживой природы – стихии воды: ‘море’ – 38, ‘река’ – 24, далее в порядке убывания следуют ‘океан’ – 11, ‘озеро’ – 9, ‘болото’ – 7, ‘пруд’ – 4;

– признаки неживой природы – стихии воздуха: ‘ветер’ – 158, ‘порыв’ – 31, далее в порядке убывания следуют ‘буря’ – 17, ‘метель’ – 8, ‘выюга’ – 4;

– признаки неживой природы – стихии земли: ‘поле’ – 58, ‘лес’ – 54, ‘степь’ – 42, ‘сад’ – 34, ‘пустыня’ – 32, далее в порядке убывания следуют ‘равнина’ – 20, ‘холм’ – 12, ‘роща’ – 8, ‘гора’ – 7, ‘луг’ – 7 и ‘бор’ – 6.

5. Разработана отраженная метафорическая синонимия системы культурных кодов, оформленная в метафорах живой и неживой природы на основе принципа аналогии в структурировании когнитивно-номинативной парадигмы. 90 синонимических рядов на основе общих метафор классифицируются по степеням продуктивности:

22 синонимических ряда на основе метафор видов деревьев, из которых 7 – высокой степени концентрации на основе метафор ивы (2), березы, дуба, кипариса, осины, сосны; 8 – средней степени концентрации на основе метафор березы (3), ели (2), сосны (2), ивы; 7 – низкой степени концентрации на основе метафор липы (2), вербы, ели, ивы, тополя, яблони;

25 синонимических рядов на основе метафор видов птиц, включающие 6 – высокой степени концентрации на основе метафор соловья (3), вороны, кукушки, лебедя; 7 – средней степени концентрации на основе метафор журавля, иволги, кукушки, лебедя, орла, скворца, соловья; 12 – низкой степени концентрации на основе метафор голубя (3), журавля (2), совы (2), чайки (2), коршуна, кукушки, чибиса;

8 синонимических рядов на основе метафор видов водоемов, в состав которых входят 4 – высокой степени концентрации на основе метафор моря, озера, океана, реки; 2 – средней степени концентрации на основе метафор болота, реки; 2 – низкой степени концентрации на основе метафор болота, пруда;

11 синонимических рядов на основе метафор видов воздушных масс, содержащие 6 – высокой степени концентрации на основе метафор ветра (4), бури, порыва; 3 – средней степени концентрации на основе метафор бури, метели, порыва; 2 – низкой степени концентрации на основе метафор выюги, метели;

24 синонимических ряда на основе метафор видов ландшафтов, включающие 13 – высокой степени концентрации на основе метафор леса (2), поля (2), пустыни (2), равнины (2), сада (2), степи (2), холма; 6 – средней степени концентрации на основе метафор леса (2), бора, горы, луга, рощи; 5 – низкой степени концентрации на основе метафор равнины, рощи, сада, степи, холма.

6. Рассмотрена динамика эмотивов тоски во временной протяженности с XVIII по XX век:

– эмотивы с метафорой видов деревьев: в XVIII – 5, XIX – 64, XX – 81; в совокупности частотными выступают эмотивы печали – 47, грусти – 33, горя – 18 и тоски – 16;

– эмотивы с метафорой видов птиц: в XVIII – 7, XIX – 68, XX – 81; в совокупности доминирующими являются эмотивы тоски – 38, печали – 35, горя – 23, грусти – 22 и уныния – 19;

– эмотивы с метафорой видов водоемов: в XVIII – 4, XIX – 22, XX – 68; в совокупности основными становятся эмотивы печали – 24, горя – 24 и тоски – 22;

– эмотивы с метафорой видов воздушных масс: в XVIII – 7, XIX – 87, XX – 126; в совокупности доминантными являются эмотивы уныния – 67, тоски – 39, печали – 33, горя – 28 и грусти – 20;

– эмотивы с метафорой видов ландшафтов: в XVIII – 9, XIX – 112, XX – 167; в совокупности преобладающими становятся эмотивы печали – 89, уныния – 57, тоски – 50 и грусти – 42.

7. Представлена частеречная принадлежность эмотивов тоски:

– эмотивы с метафорой видов деревьев репрезентируются чаще прилагательными – 72, меньше существительными – 41 и наречиями – 30, реже глаголами – 8;

– эмотивы с метафорой видов птиц выражаются в большинстве случаев существительными – 80, менее прилагательными – 42, нечасто наречиями – 19 и глаголами – 15;

– эмотивы с метафорой видов водоемов обозначаются большей частью существительными – 85, в меньшей степени прилагательными – 10;

– эмотивы с метафорой видов воздушных масс отмечаются больше всего прилагательными – 84 и существительными – 67, поменьше наречиями – 55, реже глаголами – 14;

– эмотивы с метафорой видов ландшафтов фиксируются в наибольшей степени прилагательными – 145 и существительными – 121, в наименьшей глаголами – 13 и наречиями – 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги диссертационного исследования подтвердили важность и актуальность комплексного интегративного изучения номинативного потенциала языка на примере разработки и построения 4 когнитивно-номинативных парадигм развития эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в рамках существующих в лингвистике когнитивно-номинативных и интегративных подходов к языку.

Интегративный и когнитивно-номинативный подходы к изучению эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» позволили определить высокую продуктивность фразообразования, создающего НЕ-словосочетания и НЕ-предложения; когнитивный неполный изоморфизм разных зон и НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*, а также разные концептуальные признаки, закрепленные за областями в зонах НП, которые свидетельствуют о развитии концептов. Актуальность работ по исследованию ключевых концептов культуры, когнитивных аспектов языка, в частности, когнитивной интерпретации носителей разных языков фрагментов своего внутреннего мира – эмоциональных концептов в когнитивно-семантическом аспекте, а также национальная уникальность и культурологическая значимость концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» обусловило реконструкцию художественного сознания путем выявления метафорических образов-репрезентантов концептов на материале стихотворных и прозаических произведений авторов XVIII – XX веков. Концептуальный и семантический анализ данных концептов показал, что они играют важную роль в языке и литературе, так как имеют широкий набор концептуальных и ассоциативных признаков, позволяющих выразить все многообразие эмоций человека.

В диссертационном исследовании представлена эксплицитная репрезентация эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» на основе анализа употребления НЕ, синонимических рядов, эмотивной лексики в толковых, фразеологических, семантических, словообразовательных, энциклопедических словарях, а также стихотворных и прозаических произведений авторов XVIII – XX веков из Национального корпуса русского языка. Большой фактический материал (910 языковых единиц) позволил зафиксировать многообразие концептуальных признаков, которое наблюдается в языке; учесть все способы объективации концептов в ЯКМ; описать наиболее полно развитие концептов, определив и систематизировав ассоциативные признаки метафорических образов-репрезентантов.

В работе анализируются:

– ключевые лексемы (тоска, грусть, печаль, горе), их синонимические ряды (скука, скорбь, уныние, горесть), разноуровневые языковые средства, представляющие концепты «тоска», «грусть», «печаль», «горе»;

– структура (лексическая, фразеологическая, словообразовательная, синтаксическая зоны когнитивно-номинативных парадигм, а также образно-метафорические слои концептов) и содержание концептов (концептуальные и ассоциативные признаки).

В результате когнитивной реконструкции значений НЕ, систематизированных НП, выявлены концепты-расширители, образованные по аддитивному типу, со структурой «эмоция + признак», которые участвуют в развитии концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе»:

12 концептуальных признаков фразеологической зоны: «сила (+эмоция)» – «источник (+эмоция)» – «объект (+эмоция)» – «субъект (+эмоция)» – «лицетворяющий субъект (+эмоция)» – «побудитель (+эмоция)» – «среда (+эмоция)» – «способ (+эмоция)» – «состояние (+эмоция)» – «место (+эмоция)» – «длительность (+эмоция)» – «мена обладателя: первый обладатель + лишение/передача + (эмоция) + второй обладатель»;

9 концептуальных признаков словообразовательной зоны: эмоция + *выше/ниже нормы* – эмоция-признак / отвлеченный + эмоция – субъект + эмоция-признак / предметный + эмоция – субъект + эмоция-признак / свойственный + эмоция – субъект + эмоция-признак / склонный + эмоция – субъект + эмоция-признак / отрицательный + эмоция – субъект + эмоция-признак / отсутствие + эмоция – субъект + состояние + эмоция-содержание – эмоция + *половина*;

10 концептуальных признаков первой части синтаксической зоны: «сила + степень (+эмоция)» – «неуправляемость (+эмоция)» – «длительность (+эмоция)» – «характер (+эмоция)» – «неидентифицируемость (+эмоция)» – «оценка (+эмоция)» – «источник / каузатор (+эмоция)» – «проявление (+эмоция)» – «влияние (+эмоция-субъект)» – «распространение (+эмоция)»;

9 концептуальных признаков второй части синтаксической зоны: «сила (источник)» – «(эмоция +) следствие-результат (+ условие / причина)» – «длительность (+эмоция)» – «инструмент (+эмоция)» – «место (+эмоция)» – «источник (+эмоция)» – «разрушение (+ объект: положительные эмоции/способности)» – «способ (+эмоция)» – «влияние (+эмоция-субъект)».

Установлены концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами, которые раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков или за счет пропозиции, включающей актанты-трансформы: синкретичный «субъект-объект», «субъект-инструмент», контрагент; концепты-синкреты, обозначенные НЕ-словосочетаниями, расширяющие концепт-«область» за счет 18 признаков; концепты-синкреты, представленные НЕ-предложениями, развивающие концепт-«область» за счет 33 признаков.

Вследствие концептуального и семантического методов анализа зафиксированы 4 вида метафорических образов-репрезентантов концептов, отмеченные НЕ-словосочетаниями: 1) «цвет (источник)»; 2) «животные / птицы / материалы (типы носителей)»; 3) «место как источник»; 4) «ритуал как источник»; определены 6 случаев концептуальной интеграции внеязыковых концептов, происходящей на основе оппозиции-энантиосемии, отражаемые НЕ-словосочетаниями, а также языковые концепты, маркируемые метаязыком, в количестве 13 НЕ-словосочетаний и 46 НЕ-предложений.

На основании сравнительно-сопоставительного анализа концептуальных признаков в структурах когнитивно-номинативных парадигм изучаемых концептов установлено, что внутренний признак «сила» является

доминирующим в развитии концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», так как порождает бóльшую часть концептов в зонах, представляя параметры эмоций носителей языка. Изоморфизм пронизывает не только зоны, но и НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*. Совпадающие области отмечаются в разных зонах НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*: «сила (+эмоция)», «источник (+эмоция)», «длительность (+эмоция)» во фразеологической и синтаксической зонах. Данные области отражают присутствие когнитивного неполного изоморфизма в НП слов *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*.

Разные смысловые оттенки, закрепленные за областями, участвующие в развитии концептов, выявлены:

– во фразеологической зоне НП слова *грусть*: «способ (+эмоция)»; НП слова *горе*: «объект (+эмоция)», «олицетворяющий субъект (+эмоция)», «побудитель (+эмоция)», «среда (+эмоция)», «способ (+эмоция)», «состояние (+эмоция)»;

– в словообразовательной зоне НП слова *тоска*: *тоска* + *выше нормы*; НП слова *грусть*: *грусть* + *ниже нормы*; НП слова *печаль*: субъект + *печаль-признак* / отсутствие + *печаль*; НП слова *горе*: *горе* + *ниже нормы*, *горе-признак* / отвлеченный + *горе*, субъект + *горе-признак* / предметный + *горе*, субъект + *горе-признак* / свойственный + *горе*, субъект + *горе-признак* / отрицательный + *горе*, *горе* + *половина*;

– во второй части синтаксической зоны НП слова *тоска*: «(эмоция + следствие-результат (+ условие/ причина)», «место (+эмоция)», «источник (+эмоция)», «разрушение (+ объект: положительные эмоции/способности)», категоризация; НП слова *грусть*: «причина (+эмоция)», «длительность (+эмоция)», «влияние (+эмоция-субъект)»; НП слова *печаль*: «длительность (+эмоция)», «место (+эмоция)», «источник / каузатор (+эмоция)», категоризация; НП слова *горе*: «причина (+эмоция)», «длительность (+эмоция)», «место (+эмоция)», «источник (+эмоция)», «разрушение (+ объект: положительные эмоции/способности)», «способ (+эмоция)», категоризация.

В процессе реконструкции художественного сознания носителей языка на материале стихотворных и прозаических произведений авторов XVIII – XX веков из Национального корпуса русского языка определено 5 метафорических детерминант, образов-репрезентантов концептов, которые систематизированы в свете кодов культуры: 1) *дерево* – метафорическая детерминанта вегетативного кода; 2) *птица* – метафорическая детерминанта орнитологического кода; 3) *водоем* – метафорическая детерминанта стихии воды; 4) *воздушная масса* – метафорическая детерминанта стихии воздуха; 5) *ландшафт* – метафорическая детерминанта стихии земли.

В результате семантической реконструкции выделены ассоциативно-смысловые блоки признаков живой и неживой природы, демонстрирующие связь эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» с другими концептами:

11 ассоциативных признаков живой природы – вегетативный код: ‘береза’ – ‘верба’ – ‘дуб’ – ‘ель’ – ‘ива’ – ‘кипарис’ – ‘липа’ – ‘осина’ – ‘сосна’ – ‘тополь’ – ‘яблоня»;

13 ассоциативных признаков живой природы – орнитологический код: ‘ворона’ – ‘голубь’ – ‘журавль’ – ‘иволга’ – ‘коршун’ – ‘кукушка’ – ‘лебедь’ – ‘орел’ – ‘скворец’ – ‘сова’ – ‘соловей’ – ‘чайка’ – ‘чибис’;

6 ассоциативных признаков неживой природы – стихия воды: ‘болото’ – ‘море’ – ‘озеро’ – ‘океан’ – ‘пруд’ – ‘река’;

5 ассоциативных признаков неживой природы – стихия воздуха: ‘буря’ – ‘ветер’ – ‘вьюга’ – ‘метель’ – ‘порыв’;

11 ассоциативных признаков неживой природы – стихия земли: ‘бор’ – ‘гора’ – ‘лес’ – ‘луг’ – ‘поле’ – ‘пустыня’ – ‘равнина’ – ‘роща’ – ‘сад’ – ‘степь’ – ‘холм’.

Установлена частотность употребления данных ассоциативных признаков живой и неживой природы увязываемых за словами-репрезентантами эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе». Наибольшую частоту имеют вегетативные признаки: ‘ива’ – 28, ‘береза’ – 26, ‘сосна’ – 26; орнитологические признаки: ‘соловей’ – 36, ‘кукушка’ – 18; признаки стихии воды: ‘море’ – 38, ‘река’ – 24; признаки стихии воздуха: ‘ветер’ – 158, ‘порыв’ – 31; признаки стихии земли: ‘поле’ – 58, ‘лес’ – 54, ‘степь’ – 42, ‘сад’ – 34, ‘пустыня’ – 32. Наименьшую частоту показывают вегетативные признаки: ‘липа’ – 5, ‘тополь’ – 4, ‘яблоня’ – 4, ‘верба’ – 3; орнитологические признаки: ‘иволга’ – 5, ‘орел’ – 5, ‘коршун’ – 4, ‘чибис’ – 4; признаки стихии воды: ‘пруд’ – 4; признаки стихии воздуха: ‘вьюга’ – 4.

Разработана отраженная метафорическая синонимия системы культурных кодов, оформленная в метафорах живой и неживой природы на основе принципа аналогии в структурировании когнитивно-номинативной парадигмы. 90 синонимических рядов на основе общих метафор классифицируются по степеням продуктивности:

22 синонимических ряда на основе метафор видов деревьев, из которых 7 – высокой, 8 – средней, 7 – низкой степени концентрации;

25 синонимических рядов на основе метафор видов птиц, включающие 6 – высокой, 7 – средней, 12 – низкой степени концентрации;

8 синонимических рядов на основе метафор видов водоемов, в состав которых входят 4 – высокой, 2 – средней, 2 – низкой степени концентрации;

11 синонимических рядов на основе метафор видов воздушных масс, содержащие 6 – высокой, 3 – средней, 2 – низкой степени концентрации;

24 синонимических ряда на основе метафор видов ландшафтов, включающие 13 – высокой, 6 – средней, 5 – низкой степени концентрации.

Рассмотрена динамика эмотивов тоски на основе общих метафор во временной протяженности с XVIII по XX век, из которых в XX веке наблюдается наибольшее количество употреблений – 523. В совокупности доминирующими являются эмотивы печали – 228, тоски – 165, уныния – 159, грусти – 123 и горя – 105. Эмотивы на основе общих метафор выражаются большей частью существительными – 394 и прилагательными – 353, меньшей частью наречиями – 113 и глаголами – 50.

Таким образом, когнитивно-номинативная парадигматизация развития эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» представляет

синхронный срез филогенетического номинативного и когнитивного развертывания производящего слова и его когнитивного аналога – категории-концепта в союзе с эволюцией познания, которая прослеживается посредством реконструкции значений номинативных единиц, систематизированных номинативными парадигмами.

Перспективы исследования. Описанный в диссертации опыт изучения номинативного потенциала языка на примере разработки и построения 4 когнитивно-номинативных парадигм развития эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» и полученные результаты дают возможность следующим образом определить перспективные направления дальнейшего исследования.

1. Создание когнитивно-номинативной макропарадигмы класса психических (духовных) концептов на основе построения конкретных когнитивно-номинативных парадигм развития эмоциональных, ментальных концептов, концептов характера, что позволит раскрыть внутренний мир человека, отразить мировоззрение и мировосприятие народа.

2. Изучение описанных видов образов-репрезентантов концептов может быть продолжено с точки зрения выявления символических признаков, выражающих мифологические, религиозные или иные культурные понятия, закрепленные за словом-репрезентантом концепта, и исследования сценария.

3. Исследование и сопоставление стереотипных признаков концептов позволит определить общие и специфические особенности народных систем знаний о внутреннем мире человека в разных языках, вывести заключения о свойствах национальной ментальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Жаналина Л.К. Интегративное словообразование: Монография. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2011. – 492 с.
- 2 Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
- 3 Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
- 4 Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН. Институт языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- 5 Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-415.
- 6 Жаналина Л.К. Актуальные проблемы языкознания. Теория. Учебно-методический комплекс дисциплины. Учебное пособие. – Алматы: Print-S, 2006. – 330 с.
- 7 Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. – Минск: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
- 8 Жаналина Л.К. Номинация и словообразовательные отношения. – Алматы: АГУ им. Абая, 1993. – 180 с.
- 9 Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
- 10 Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24-32.
- 11 Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – №3. – С. 27-35.
- 12 Белая Е.Н. Концептуализация эмоции в русской языковой картине мира: некоторые аспекты // Ethnohermeneutik und Antropologie / Hrsg. von Pimenov E.A., Pimenova M.V. – Landau: Empirische Padagogik, 2004. – S. 175-183.
- 13 Белая Е.Н. Теоретические основы исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2006. – 23 с.
- 14 Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 376 с.
- 15 Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 314-384.
- 16 Пименова М.В. Метаязык описания способов категоризации эмоций в языке // Исследование познавательных процессов в языке: сборник научных трудов. – М.: ИЯ РАН, Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 177-187.
- 17 Стефанский Е.Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского,

польского и чешского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2009. – 48 с.

18 Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: URSS, 2008. – 208 с.

19 Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 232 с.

20 Балашова Е.Ю. Концепты «любовь» и «ненависть» в русском и американском языковых сознаниях: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – 262 с.

21 Белая Е.Н. Концепт «радость» в представлении русского и французского языков // Язык. Время. Личность: материалы Международной научной конференции / под ред. Л.О. Бутаковой. – Омск: ОмГУ, 2002. – С. 104-107.

22 Кирьякова О.И. Лексико-семантическая репрезентация концепта «радость» в английском и русском языках (на материале переводов художественных текстов XIX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2009. – 23 с.

23 Сергеева Д.В. Концепт «радость» в русском и английском языках (сопоставительный анализ на материале произведений Ф.М. Достоевского и Ч. Диккенса): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 207 с.

24 Валиева Р.М. Репрезентация эмоциональных концептов «радость», «горе», «страх» в русском языке (с элементами сопоставления с башкирским языком): дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003. – 211 с.

25 Будянская О.О., Мягкова Е.Ю. Сопоставление средств описания эмоций в английском и русском языках (на примере страха) // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – С. 79-87.

26 Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 188 с.

27 Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 173 с.

28 Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2002. – 214 с.

29 Кондратьева О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов «душа», «сердце», «ум»): дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 205 с.

30 Данькова Т.Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2000. – 22 с.

31 Шубина Л.В. Когниция радости и печали в поэтизмах А.С. Пушкина, Дж. Байрона, Г. Лорки // Стилистика и красноречие: межвуз. сб. науч. ст. – Пятигорск: Издательство Государственного лингвистического университета, 2000. – С. 31-44.

32 Юшкова Н.А. Концепт «ревность» в художественной прозе Ф.М. Достоевского: Лингвокультурологический анализ: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 235 с.

33 Маханова Г.Е. Лингвистические средства объективации концепта «скука» в системе русского языка (на материале текстов А.П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2016. – 23 с.

34 Сороченко Е.Н. Концепт «скука» и его лингвистическое представление в текстах романов И.А. Гончарова: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2003. – 184 с.

35 Старостина С.А. Мотивное поле концепта «тоска» в лирике М.И. Цветаевой периода эмиграции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2010. – 24 с.

36 Шмугурова К.В. Концепты «тоска» и «радость» в художественной картине мира (на материале лирики И.А. Бунина, Ф. Сологуба, И.Ф. Анненского): дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2011. – 216 с.

37 Базылев В.Н. Горе: к языковой форме концепта в русской культуре // Семантика и прагматика языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. – Уфа: БГПИ, 1999. – С. 161-171.

38 Витенкова О.В. Специфика эмоционального концепта «радость» во французской лингвокультуре // Язык и общество: Современные исследования социальной коммуникации и лингвистических тенденций. – Москва-Тула: НИИСПРАЕН, 2004. – С. 32-36.

39 Волостных И.А. Эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2007. – 137 с.

40 Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт: монография. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.

41 Василова А.Ш. Лингвокультурный концепт «сагыш» (тоска) в лексико-деривационных структурах татарского языка // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007. – №3. – С. 48-49.

42 Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 1488 с.

43 Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: монография. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

44 Красавский Н.А. Русская и немецкая концептосферы эмоций // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 113-118.

45 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

46 Стефанский Е.Е. Русская тоска на фоне аналогичных концептов польского и чешского языков // Русский язык и литература рубежа XX-XXI веков: специфика функционирования: Всероссийская научная конференция языковедов и литературоведов. – Самара: СГПУ, 2005. – С. 155-160.

- 47 Топорков А.Л. «Лежит доска, на ней тоска»: тоска в любовных заговорах // Русская речь. – 2015. – №3. – С. 114-120.
- 48 Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность: Монография. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
- 49 Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 25-36.
- 50 Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
- 51 Пименова М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 83-90.
- 52 Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
- 53 Harré R., Gillett G. The Discursive Mind. – London; Thousand Oaks: Sage, 1994. – 196 p.
- 54 Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. – Л.: Прибой, 1929. – 188 с.
- 55 Постовалова В.И. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. – М.: Наука, 1982. – 223 с.
- 56 Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – 428 с.
- 57 Якубинский Л.П. Избранное: Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – 205 с.
- 58 Ромашко С.А. Язык как деятельность и лингвистическая прагматика // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.: ИНИОН АН СССР, 1984. – С. 137-145.
- 59 Dinneen F.P. General Linguistics. – Washington D.C.: Georgetown University Press, 1995. – 645 p.
- 60 Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 390 с.
- 61 Schegloff E.A. Between Micro and Macro: Contexts and other connections // The Micro-Macro Link. – Berkeley, 1987. – P. 207-234.
- 62 Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: Учебное пособие. – Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Ком Книга, 2006. – 224 с.
- 63 Потехня А.А. Мысль и язык. – 3-е изд., доп. – Харьков: Типография «Мирный труд», 1913. – 223 с.
- 64 Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 416 с.
- 65 Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 46-49.
- 66 Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Новая онтология: бытие без субстанции // Философия: справочник студента / под ред. Кириленко Г.Г., Шевцова Е.В. – М., 2003. – С. 382-393.

67 Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. – М.: Наука, 1988. – С. 320-324.

68 Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН. СЛЯ. – 1994. – Т. 53. – №2. – С. 3-15.

69 Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. СЛЯ. – 2004. – Т. 63. – №3. – С. 3-12.

70 Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 183-209.

71 Екшембеева Л.В., Ихсангадиева Г.К., Мусатаева М.Ш. и др. Интегративная теория дискурса: монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2016. – 318 с.

72 Гак В.Г. Языковые преобразования: монография. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

73 Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.

74 Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 1998. – 528 с.

75 Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 326 с.

76 Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология: Монография. – Киев: Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.

77 Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

78 Мельчук И.А. Уровни представления высказываний и общее строение модели «Смысл – Текст» // Предварительные публикации Института русского языка. – М.: Наука, 1972. – Вып. 30. – С. 5-35.

79 Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

80 Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Учебное пособие. – Л.: Ленинградский университет, 1985. – 97 с.

81 Мурзин Л.Н. Основы дериватологии: Конспект лекций. – Пермь: ПГУ, 1984. – 56 с.

82 Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: ТГУ, 1989. – 252 с.

83 Зенков Г.С. Принципы организации словообразовательных элементов в систему и возможности ее описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 1993. – 49 с.

84 Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // История языкознания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. 2. – С. 361-373.

- 85 Жаналина Л.К., Килевая Л.Т., Касымова Р.Т. и др. Язык современной науки: Языковые портреты. Учимся искусству научной речи. Учебное пособие / под ред. Л.К. Жаналиной. – Алматы: Print-S, 2010. – 344 с.
- 86 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
- 87 Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – 289 с.
- 88 Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
- 89 Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – 157 с.
- 90 Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М.: МГУ, 1980. – 296 с.
- 91 Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. – Воронеж: ВГУ, 1980. – 148 с.
- 92 Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 144-238.
- 93 Dijk T.A. van. Dialog and cognition // Cognitive constraints on communication. Representation and Process / Ed. by L. Vaina, J. Hintikka. Dordrecht etc., 1984. – P. 1-17.
- 94 Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
- 95 Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – Киев. Брама, 2004. – 336 с.
- 96 Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – 320 с.
- 97 Тарасова Е.В. Когнитивные основания системной организации речи // Вісник Харківського державного університету. – 1999. – №424. – С. 174-183.
- 98 Schank R.C. Dynamic Memory: A theory of reminding and learning in computers and people. – L.: Cambridge University Press, 1982. – 250 p.
- 99 Johnson-Laird P.N. Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness. – L.: Cambridge University Press, 1983. – 513 p.
- 100 Панкрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней. – Минск; М.: МГПИИЯ, 1992. – 112 с.
- 101 Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – С. 150-171.
- 102 Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах. – М.: Мысль, 1993. – 346 с.
- 103 Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: Человек. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

- 104 Бухбиндер В.А., Розанов Е.Д. О целостности и структуре текста // Вопросы языкознания. – 1975. – №6. – С. 73-86.
- 105 Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста: Учебное пособие. – Л.: ЛГУ, 1982. – 103 с.
- 106 Mann W.C., Matthiessen Ch.M.I.M., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory and Text Analysis // Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses of a Fund-raising Text. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. – P. 39-78.
- 107 Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров / ред. А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секерина. – М.: МГУ, 1997. – С. 276-329.
- 108 Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
- 109 Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – №6. – С. 110-122.
- 110 Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
- 111 Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
- 112 Караулов Ю.Н. Языковое сознание, языковая картина мира, менталитет // Вавилонская башня-2: Слово. Текст. Культура. Ежегодные Чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого 2002 – «Евразия на перекрестке языков и культур». – М., 2003. – С. 16-28.
- 113 Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
- 114 Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.
- 115 Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – Т. II. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 992 с.
- 116 Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин: КГУ, 1981. – С. 28-44.
- 117 Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография. – Тверь: Лилия Принт, 2005. – 204 с.
- 118 Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 139-162.
- 119 Незговорова С.Г. Ядро языкового сознания русских и англичан: содержание и структура: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 24 с.

- 120 Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартьянов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. – Т. I. От стимула к реакции. – Саратов, 2011. – 500 с.
- 121 Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартьянов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. – Т. II. От реакции к стимулу. – Ч. 1. А – Н. – Саратов, 2011. – 480 с.
- 122 Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартьянов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. – Т. II. От реакции к стимулу. – Ч. 2. О – Я. – Саратов, 2011. – 420 с.
- 123 Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 13-23.
- 124 Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мыслезыковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2004. – С. 6-17.
- 125 Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: МГУ, 1977. – 192 с.
- 126 Уфимцева Н.В., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. – М., 2004. – 792 с.
- 127 Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.
- 128 Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: МГУ, 1997. – 320 с.
- 129 Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ, 1999. – 382 с.
- 130 Андерсон Дж.Р. Когнитивная психология. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.
- 131 Grice H.P. Meaning // Readings in the Philosophy of Language. – Englewood Cliffs, 1971. – P. 436-444.
- 132 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- 133 Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
- 134 Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С., Телия В.Н. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 7-98.
- 135 Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 230-293.
- 136 Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
- 137 Жаналина Л.К. Номинация как форма речевой деятельности: дис. ... д-ра филол. наук. – Алматы, 1994. – 310 с.

- 138 Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. – М.: МГУ, 2000. – 502 с.
- 139 Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. – Львов: Свит, 1997. – 392 с.
- 140 Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16.
- 141 Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004. – 323 с.
- 142 Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 53-64.
- 143 Стернин И.А. Типология макроструктурной организации концептов // Исследования по семантике: межвуз. науч. сб. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – Вып. 24. – С. 262-269.
- 144 Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ. Монография / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2008. – 243 с.
- 145 Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
- 146 Жаналина Л.К. Номинативная парадигма // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. – Алматы, 2004. – №6 (78). – С. 86-87.
- 147 Бабина Л.В. Концептуальная деривация и ее проявление на языковом уровне // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов: ТГУ, 2005. – С. 141-149.
- 148 Куликов В.Г. Социальные и функциональные аспекты категоризации в диалектах английского языка // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / под ред. проф. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 223-239.
- 149 Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
- 150 Словарь современного русского литературного языка / под ред. Г.А. Качевской, Е.Н. Толикиной. – Т. 15. – М.; Л.: АН СССР, 1963. – 1286 с.
- 151 Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
- 152 Тихонов А.Н., Ломов А.Г., Ломова Л.А. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык. Медиа, 2007. – 334 с.
- 153 Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 3. – М.: РАН ИРЯ, 2003. – 720 с.
- 154 Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 4. – М.: РАН ИРЯ, 2007. – 952 с.

- 155 Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
- 156 Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона: ETS Publishing house, 2004. – 2208 с.
- 157 Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
- 158 Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – Т. 2: Более 145 000 слов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 941 с.
- 159 Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 789 с.
- 160 Жаналина Л.К. Фразеология: проблема границ // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Международной научной конференции / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 62-64.
- 161 Зеленин А. Аналитизм: необходимость или/и неизбежность? (проявление аналитизма в русской послереволюционной эмигрантской прессе) // Anuari de Filologia. Llengües i Literatures Modernes (Anu.Filol.Lleng.Lit.Mod.). – 2013. – №3. – С. 69-86.
- 162 Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб.: Норинт, 2002. – 224 с.
- 163 Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник В.И. Даля. – М., 1957. – 990 с.
- 164 Уваров Н.В. Энциклопедия народной мудрости: пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения, устойчивые словосочетания, встречающиеся в русском живом языке во второй половине XX – начала XXI веков: 54000 изречений. – М.: Инфра-Инженерия, 2009. – 592 с.
- 165 Словарь современного русского литературного языка / под ред. С.Г. Бархударова, В.В. Виноградова. – Т. 3. – М.; Л.: АН СССР, 1954. – 1339 с.
- 166 Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – Т. 1: Более 145 000 слов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 860 с.
- 167 Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1989. – 924 с.
- 168 Словарь современного русского литературного языка / под ред. Н.З. Котеловой, Г.А. Качевской. – Т. 9. – М.; Л.: АН СССР, 1959. – 1482 с.
- 169 Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
- 170 Словарь современного русского литературного языка / под ред. В.И. Чернышева. – Т. 1. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 767 с.
- 171 Федосов И.В., Лапицкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. – М.: ЮНВЕС, 2003. – 608 с.

- 172 Словарь современного русского литературного языка / под ред. К.А. Тимофеева, Н.М. Меделец. – Т. 10. – М.; Л.: АН СССР, 1960. – 1774 с.
- 173 Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
- 174 Гуревич А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. – М.: Наука, 1990. – 241 с.
- 175 Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.
- 176 Пименова М.В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. – Ставрополь: ПГЛУ, 2007. – Вып. 5. – С. 79-86.
- 177 Пименова М.В. Концепт «сердце»: Образ. Понятие. Символ: монография. Серия «Концептуальные исследования». – Кемерово: КемГУ, 2007. – Вып. 9. – 500 с.
- 178 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 4. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
- 179 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 3. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
- 180 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 1. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.
- 181 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 2. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
- 182 Погосова К.О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владикавказ, 2007. – 24 с.
- 183 Белобородова А.В. Репрезентация концепта «безразличие / indifference» фразеологизмами русского и английского языков: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2011. – 23 с.
- 184 Енева М.В. Лингвокогнитивные модели эмоционального концепта «восторг / delight» в художественной эссеистике (на материале эссе К.Г. Паустовского и Д.Б. Пристли): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2017. – 25 с.
- 185 Заворина А.М. Концепт «восторг» в русской языковой картине мира: категориальные признаки времени и пространства // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – Т. 2 (4). – С. 107-110.
- 186 Погожая С.Н. Вербализация концепта «восхищение» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2011. – 212 с.
- 187 Маркина М.В. Лингвокультурологическая специфика эмоционального концепта «гнев» в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2003. – 165 с.
- 188 Мельниченко Н.П. Концепт «гнев» в идиостиле Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 22 с.

189 Никишина И.Ю. Выражение концепта anger («гнев») в современной английской и американской художественной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 23 с.

190 Покровская Я.А. Метафора как средство обозначения концепта гнева // Языковая личность: Культурные концепты. – Волгоград – Архангельск, 1996. – С. 183-189.

191 Яблокова Т.Н. Выражение гнева и восторга в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 173 с.

192 Омарова П.М. Когнитивная структура базовых эмоциональных концептов гнева, страха и радости в английском и даргинском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2010. – 192 с.

193 Малахова С.А. Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» в русской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Армавир, 2009. – 253 с.

194 Мальцева Л.В. Интерпретация концепта «горе» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретаций. Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: НГПУ, 2004. – С. 260-270.

195 Мальцева Л.В. Эмотивно-событийный концепт «горе, беда, несчастье» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009. – 23 с.

196 Вежбицкая А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 503-525.

197 Стефанский Е.Е. Русский концепт «досада» и его соответствия в польской и чешской лингвокультурах // Научные традиции славистики и актуальные вопросы современного русского языка: Материалы международной научной конференции лингвистов. – Самара: СГПУ, 2006. – С. 101-109.

198 Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. – Кемерово: ИПК «Графика». Серия «Концептуальные исследования», 2004. – Вып. 3. – 386 с.

199 Мельникова В.С. Эмоциональный концепт «жалость» в русской языковой картине мира: от словаря к тексту: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2011. – 20 с.

200 Несветайлова И.В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук. – Армавир, 2010. – 215 с.

201 Стефанский Е.Е. Русские концепты «зависть» и «ревность» на фоне польской и чешской лингвокультур // Русский язык за рубежом. – 2008. – №2. – С. 49-56.

202 Крылов Ю.В. Эмотивный концепт «злость» в русской языковой картине мира: идентификация и разграничение ментальных и языковых структур: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2007. – 22 с.

203 Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997. – 24 с.

204 Кузнецова Л.Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005. – 206 с.

205 Соловьёва Т.В. Концепт «любовь» и его лингвистическая репрезентация в лингвокультурном аспекте (на материале лирических и драматических произведений К. Скворцова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2009. – 23 с.

206 Хутова Э.Р. Бинарная оппозиция «любовь / ненависть» в разносистемных языках: лингвокультурологический аспект (на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2008. – 22 с.

207 Мишина Л.Н. Вербализация концепта «мученичество» в старославянских рукописях X-XI вв. и древнерусских памятниках XI-XIV вв.: сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2008. – 203 с.

208 Бганба М.Ч. Прямые и косвенные номинации концепта «обида» в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 24 с.

209 Стефанский Е.Е. Русский концепт «обида» и его соответствия в польской и чешской лингвокультурах // Известия на Научен център «Свети Дазий Доростолски». – Силистра към Русенски университет «Ангел Кънчев». Книга 1. – Силистра: RITТ bg, 2006. – С. 149-156.

210 Егорова Е.Н. Проблема юридизации языковых средств в современной лингвистике (на примере исследования концепта «словесное оскорбление»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2010. – 26 с.

211 Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 27 с.

212 Вертелова И.Ю. Концептуализация внутреннего мира человека в русском языке: психические состояния печали: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2001. – 175 с.

213 Пименов Е.А. Исследование концепта Trauer «печаль» посредством синонимического ряда // Ethnohermeneutik und Antropologie / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. – С. 89-94.

214 Заяц И.Г. Языковая репрезентация эмоциональных концептов «радость» и «горе» в средневерхненемецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006. – 23 с.

215 Пеньковский А.Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 148-155.

216 Брагин А.М. Концепт «разочарование» в сонетах В. Шекспира: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 173 с.

217 Стефанский Е.Е. Концепты «смех» и «страх» в рассказе М. Кундеры «Эдуард и Бог» (из цикла «Смешные любви») // Смех в литературе: семантика, аксиология, полифункциональность: межвуз. сб. науч. тр. / ред.-сост. С.А. Голубков, М.А. Перепелкин. – Самара: СГПУ, 2004. – С. 108-116.

218 Валиулина С.В. Средства репрезентации эмоции «страсть» как фрагмента русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2006. – 184 с.

219 Булатова А.М. Лексико-фразеологические средства репрезентации эмоционального концепта «страх» в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2015. – 23 с.

220 Бутенко Е.Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 16 с.

221 Кириллова Н.В. Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2007. – 213 с.

222 Минибаева С.В. Текстовые представления эмоционального состояния страх (на материале малой прозы А.П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2002. – 25 с.

223 Шаюк А.Ю. Эмоциональный лингвокультурный концепт angst «страх» и способы его репрезентации в авторском идиостиле Ф. Кафки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 23 с.

224 Колиева И.Г. Имена концептов эмоций «scham / стыд», «schuld / вина», «reue / раскаяние» в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Владикавказ, 2010. – 194 с.

225 Лагаева Д.Д. Лингвокультурный концепт «счастье» в калмыцком и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Элиста, 2009. – 22 с.

226 Михайленко О.М. Лингвоэтическая картина мира: концепты «счастье» и «блаженство» как семантические дуплеты: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 167 с.

227 Зализняк А.А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 153-174.

228 Русакова И.Б. Концепты «счастье» – «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 24 с.

229 Габриелян А.А. Языковое выражение концептов «улыбка / смех» в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 212 с.

230 Ермакова О.П. Концепт «безумие» с точки зрения языка // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 2003. – С. 108-116.

231 Жевайкина Ю.В. Когнитивные аспекты идиоматики (на материале семантического поля «безумие» в современном русском языке): дис. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2004. – 215 с.

232 Селин С.В. Вербализация концепта «madness» («безумие») в английском языке: когнитивно-корпусные и лингвокультурологические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 20 с.

233 Головатина В.М. Репрезентация концепта «вдохновение» в русской литературной традиции: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 248 с.

234 Ризяпова Э.М. Активация концепта «внимание» в английской и русской глагольных лексико-фразеологических синонимических парадигмах: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 149 с.

235 Бочарова Е.Н. Функционирование единиц языка и речи со значением «глупость» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2008. – 166 с.

236 Полищук Т.И. Концепт «глупость» в языковой картине мира (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калуга, 2012. – 17 с.

237 Свиридова А.В. Вербализация концепта «знание / познание» средствами русской фразеологии в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах (на материале фразеологических единиц с компонентом НЕ): дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2008. – 365 с.

238 Пименова М.В., Пименов Е.А. Сопоставительный анализ заимствованных концептов (на примере русского концепта «идея» и немецкого концепта «idee») // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Графика. Серия «Концептуальные исследования», 2005. – Вып. 6. – С. 143-177.

239 Крюков А.В. Концептуализация интеллектуальных характеристик человека (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 176 с.

240 Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 296 с.

241 Шишкина С.А. Лингвокультурная и когнитивная репрезентация концепта «интерес» в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2007. – 186 с.

242 Сергеев С.А. Особенности объективации концепта «мечта» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2005. – 164 с.

243 Горянова Л.Н. Структуры концептов «мудрость» и «wisdom» и способы объективации их признаков в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2012. – 184 с.

244 Бондарева Е.П. Актуализация концепта «мысль» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2005. – 164 с.

245 Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 239 с.

246 Федюнина И.Э. Концепт «обман» в русской, английской и немецкой языковых картинах мира, репрезентируемых фразеологизмами: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2009. – 207 с.

- 247 Григоренко Т.М. Лексико-семантические аспекты интерпретации концепта «остроумие» («wit») в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2008. – 174 с.
- 248 Шаталова О.В. Репрезентация концепта «память» в текстах русских элегий первой трети XIX века: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 250 с.
- 249 Сабадашова М.Г. Лексико-фразеологические способы выражения семантического единства «память / забвение» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2012. – 16 с.
- 250 Тугарева В.В. Лексико-семантическая представленность концепта «разум» в английском и русском языках (на материале лингвистических тестов): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 207 с.
- 251 Пименова М.В. Концептуализация рассудка и способы объективации его признаков в русской языковой картине мира // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Графика. Серия «Концептуальные исследования», 2005. – Вып. 6. – С. 121-143.
- 252 Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре: монография. – Екатеринбург, 2011. – 224 с.
- 253 Мамедова М.Д. Концепт «ум» в китайской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок): дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2015. – 245 с.
- 254 Кириллова И.В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции «ум – глупость» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 22 с.
- 255 Мишин А.А. Концепты «ум» и «глупость» в немецкой и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владимир, 2007. – 23 с.
- 256 Сергеева Н.М. Концепты «ум», «разум» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 192 с.
- 257 Конобеева М.Ю. Семантическая репрезентация ценностного компонента концепта «учение» в английской и русской фразеосистемах: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 190 с.
- 258 Никитина Л.Б. Образ-концепт «homo sapiens» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Омск, 2006. – 41 с.
- 259 Венедиктова Л.Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 180 с.
- 260 Зиатдинова Г.И. Концепт «сугыш (война)» в татарской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 23 с.
- 261 Катаева Н.М. Русский концепт «воля» (от словаря – к тексту): дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 180 с.
- 262 Красильникова Е.В. Функционирование концепта «воля» в русском и английском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2010. – 200 с.

263 Андреева О.А. Универсальные и идиоэтнические признаки концепта «время» в исчезающей лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2012. – 22 с.

264 Дударева З.М. Контрастивное исследование концептуальной сферы «время» в русской и башкирской языковых картинах мира: дис. ... д-ра филол. наук. – Стерлитамак, 2005. – 365 с.

265 Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира (лингвокультурологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 329 с.

266 Арапова О.А. Концепт «дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 25 с.

267 Хизова М.А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005. – 198 с.

268 Лунцова О.М. Градиент-концепт «дружба – мир – вражда» в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 260 с.

269 Ипанова О.А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира (лингвокультурологический и лексикографический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 225 с.

270 Дзюба Е.В. Концепты «жизнь» и «смерть» в поэзии М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 255 с.

271 Тарасенко В.В. Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и сознании разноязычных носителей (на материале фразеологизмов): дис. ... канд. филол. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2008. – 244 с.

272 Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 196 с.

273 Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Наука, 1991. – С. 21-30.

274 Максимчик О.А. Функционально-семантическое и когнитивно-прагматическое описание концепта «истина» (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2010. – 23 с.

275 Агиенко М.И. Структуры концептов «правда», «истина», «truth» в сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 220 с.

276 Земскова Н.А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 200 с.

277 Степанов Ю.С. Концепт «причина» и два подхода к концептуальному анализу языка – логический и сублогический // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Наука, 1991. – С. 3-14.

278 Калуженина Д.В. Художественный гиперконцепт «пространство» в поэзии конца XX века (на материале лирики К. Кинчева, Д. Ревякина,

Ю. Кузнецова и А. Кушнера): дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2008. – 183 с.

279 Майорова О.А. Онтологическое варьирование концепта «пространство» (информационные аспекты) на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 196 с.

280 Полякова Н.В. Особенности вербализации концепта «пространство» в селькупском языке в сопоставлении с русским: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2004. – 159 с.

281 Пупынина Е.В. Механизм формирования концепта «пространство» синонимичными существительными абстрактной семантики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2004. – 22 с.

282 Данилова Ю.Ю. Категории пространства и времени в поэтических текстах З.Н. Гиппиус: лексико-семантический, грамматический, структурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2007. – 27 с.

283 Ардашева Т.Г. Лингвокогнитивный анализ концепта «свобода» (на материале русского, английского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2012. – 21 с.

284 Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Наука, 1991. – С. 61-64.

285 Солохина А.С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 191 с.

286 Богданова А.Г. Сопоставительный анализ структур и способов вербализации концептов «вежливость» и «höflichkeit» в русской и немецкой языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2011. – 168 с.

287 Зацепина Е.А. Лексико-фразеологическая объективация концепта «вежливость» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 189 с.

288 Ларина Т.В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 495 с.

289 Савойская Н.П. Лингвокультурологические особенности концепта «вежливость» (на материале казахского, русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 186 с.

290 Лаврентьева Л.Р. Концепт «верность» в языке англосаксонской поэзии VII – XI веков (лингвоэтнический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Чита, 2006. – 192 с.

291 Саварцева Н.В. Этические концепты «верность» и «предательство» в английском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2008. – 206 с.

292 Кирияк О.А. Социокультурный концепт «воровство» в русском и английском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2009. – 230 с.

- 293 Павлова О.В. Концепт «воровство» в русской и немецкой лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 158 с.
- 294 Бушакова М.Н. Лексико-семантические и православно-культурные параметры концепта «грех» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2010. – 22 с.
- 295 Козина Н.О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех» (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц): дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2003. – 144 с.
- 296 Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая экспликация концепта «грех» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Киров, 2013. – 197 с.
- 297 Змиева И.В. Лингвокогнитивные характеристики средств вербализации концепта «добро» в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Харьков, 2006. – 227 с.
- 298 Палеха Е.С. Концепт «добро» в языке поэзии Серебряного века: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 209 с.
- 299 Богданова Е.А. Концепты «добро» и «зло» в русской и французской лингвокультурах (аксиологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2012. – 162 с.
- 300 Кириллина Н.В. Особенности оппозиции добро – зло в языке лирики А.А. Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 192 с.
- 301 Ермолова М.В. Концепт запрета в немецком языке: содержание, структура, средства репрезентации: дис. ... канд. филол. наук. – Череповец, 2011. – 212 с.
- 302 Медведева Д.И. Языковая репрезентация концепта «запрет» в общественных знаках: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2008. – 195 с.
- 303 Тихонова С.А. Концепты «зло» и «evil» в российской и американской политической картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006. – 235 с.
- 304 Рахими С.С. Концепт «измена» в русском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2016. – 293 с.
- 305 Плаксина В.А. Дискурсивная актуализация концепта «лицемерие» (когнитивно-прагматический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2018. – 180 с.
- 306 Федюнина И.Э. Лингвистическая репрезентация лицемерия как формы социального поведения (на материале русских, английских и немецких фразеологизмов) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 1: Филология. – №2. – С. 166-173.
- 307 Храмова Ю.А. Концептуальная диада «лицемерие – искренность» (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 232 с.
- 308 Грецкая С.С. Концепт «revenge / месть» в когнитивно-функциональном аспекте (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 25 с.

- 309 Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2009. – 334 с.
- 310 Жданова Л.А., Ревзина О.Г. «Культурное слово» милосердие // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Наука, 1991. – С. 56-61.
- 311 Никитина М.Ю. Концептуализация милосердия: общеязыковой и идиостилевой аспекты (речевые реализации в синхронии и диахронии): дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2014. – 205 с.
- 312 Контримович А.А. Концепт «punishment» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 150 с.
- 313 Смирнова О.М. Концепт «наказание»: лексическая объективация в русском языке и смысловой объем в национальном сознании: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2009. – 220 с.
- 314 Савельева У.А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство»: дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2008. – 211 с.
- 315 Евтушок Ю.Г. Языковая репрезентация концепта «crime» (на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 180 с.
- 316 Микаелян М.Е. Концепт «crime» в современной англоязычной картине мира: структурно-репрезентационный и когнитивно-дискурсивный подходы (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – 191 с.
- 317 Зубкова Я.В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 188 с.
- 318 Кошманова О.В. Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2007. – 272 с.
- 319 Мусаева Ш.Д. Лингвокультурологический анализ концепта «совесть» в аварской и немецкой языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2014. – 22 с.
- 320 Шахманова Б.Г. Морально-этический концепт «совесть» в кумыкской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических и паремиологических единиц): дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2008. – 170 с.
- 321 Аболин Б.И. Концепт «толерантность» в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 229 с.
- 322 Богатырева С.Н. Диахронический аспект концепта «толерантность» в разных лингвокультурах (на материале испанского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2010. – 213 с.
- 323 Растатуева С.Г. Репрезентация концепта «толерантность» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2008. – 173 с.
- 324 Сумина Е.С. Толерантность (от феномена к лингвокультурному концепту): дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 277 с.

325 Неровная Н.А. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов «толерантность», «терпимость» в русском и английском языковом сознании): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 251 с.

326 Субиркина Н.Ю. Эволюция концепта «честь» во французской средневековой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 188 с.

327 Терина С.В. Древнерусский концепт «честь» и его языковая репрезентация в летописи «Повесть временных лет»: дис. ... канд. филол. наук. – Тольятти, 2007. – 195 с.

328 Бадмаева Т.И. Концепт «вода» в английской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 220 с.

329 Галдин Е.В. Концепт «вода» как полевая структура и способы его выражения в русском языке (на материале поэтических текстов И.А. Бродского): дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2006. – 175 с.

330 Гришина Н.В. Концепт «вода» в языковой картине мира (на основе номинативного и метафорического полей русского языка XI – XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2002. – 210 с.

331 Костин А.В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В.И. Даля (на материале концепта «вода»): дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2002. – 208 с.

332 Фисенко О.С. Концепт «гроза» в русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 187 с.

333 Исрафилова Д.Ш. Концепт «tree / дерево / агач» как средство выражения языковой действительности в английском, русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012. – 153 с.

334 Красс Н.А. Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка (на материале мифологии, фольклора и поэзии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 20 с.

335 Тасуева С.И. Когнитивные и прагма-социолингвистические аспекты динамики концепта «tree (дерево)» (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2011. – 214 с.

336 Домбровская М.В. Концепт «дождь» как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006. – 307 с.

337 Ипполитов О.О. Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 275 с.

338 Пирогова М.Н. Концепт «звезда» в русском фольклоре и литературе (на материале текстов заговорно-заклинательной поэзии и произведений И.А. Бунина): дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2010. – 204 с.

339 Семёнов А.Е. Вербализация концепта «земля» средствами русской фразеологии и лексикологии (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2009. – 167 с.

- 340 Бутерина О.В. Представление концепта «лес» в русских и немецких лингвокультурных источниках: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2008. – 232 с.
- 341 Захарова Т.В. Фольклорно-символические ментальные образования в русском и немецком языках (на примере слов «луна» и «mond»): дис. ... канд. филол. наук. – Новокузнецк, 2016. – 204 с.
- 342 Сидорова Н.П. Сопоставительный анализ структур и способов актуализации русского и английского концептов «луна» и «moon»: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2010. – 231 с.
- 343 Ильина Е.В. Концепт «Белое море» в языковом сознании поморов: дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2014. – 472 с.
- 344 Потапова О.Е. Лексико-семантическое поле «море» как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2012. – 198 с.
- 345 Шмелёва Е.Е. Лингвокультурологические особенности морской лексики в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 185 с.
- 346 Демидова Е.Е. Структуры и способы актуализации признаков концептов «небо» и «heaven» в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2010. – 229 с.
- 347 Подвигина С.М. Национальная специфика лексико-фразеологической вербализации концептов «небо» и «небесные тела» (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 171 с.
- 348 Федорова Н.И. Концепт «небо» в народных приметах русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2011. – 209 с.
- 349 Кривалёва О.В. Концепты «небо» и «земля» в русской и немецкой языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2008. – 213 с.
- 350 Котова Ю.А. Концептуализация огня в языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 26 с.
- 351 Трофимова А.В. Концепт «огонь» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 212 с.
- 352 Хайруллина Д.Д. Бинарные концепты «огонь» и «вода» как фрагмент языковой картины мира (на материале английского и татарского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 237 с.
- 353 Богданова Н.В. Лексическая экспликация концепта «природа» в раннем творчестве И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2007. – 219 с.
- 354 Максимовских А.Г. Концепт «природа» в лирике поэта Зауралья А.М. Виноградова (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Шадринск, 2011. – 197 с.
- 355 Пустовалова А.А. Концепт «природа» в системе языковой образности поэзии Н. Рубцова: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2009. – 180 с.
- 356 Москаленко А.В. Концепт «птица» в английской фразеологической картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2015. – 230 с.
- 357 Григорьева Т.В. Семантическая интерпретация концептов «свет» и «тьма» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 253 с.

- 358 Гуревич А.Г. Концепт света и тьмы в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2005. – 168 с.
- 359 Садыкова М.А. Лингвокультурный анализ мифологизированных концептов «свет / light» и «тьма / darkness» в текстах священного писания: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2007. – 159 с.
- 360 Пирманова Н.И. Культурные коннотации фразеологизмов с компонентами свет – небо – земля: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 219 с.
- 361 Панасова Е.П. Концепт «солнце» в русском языке и речи: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 194 с.
- 362 Трынков Д.С. Семантические механизмы стереотипизации образов Солнца и Луны в немецкой языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 157 с.
- 363 Молоткова А.И. Концепт «цветок» в языке и поэтической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 21 с.
- 364 Котова Н.С. Лингвокультурологический анализ концептосферы «цветы»: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007. – 168 с.
- 365 Пименова М.В. Языковая картина мира: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово: КемГУКИ. Серия «Славянский мир», 2011. – Вып. 7. – 106 с.
- 366 Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие / отв. ред. М.В. Пименова. – 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово: КемГУКИ. Серия «Концептуальные исследования», 2011. – Вып. 14. – 136 с.
- 367 Национальный корпус русского языка (онлайн-версия) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 20.08.2019).
- 368 Тихонов А.Н., Пардаев А.С. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики: Отраженная синонимия. Отраженная омонимия. Отраженная антонимия. – Ташкент: ФАН, 1989. – 141 с.
- 369 Котлярова И.В. Лексические репрезентации концепта «тоска» через признаки растения (статья первая) // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. – Алматы, 2015. – №2 (154). – С. 174-180.
- 370 Котлярова И.В. Лексические репрезентации концепта «тоска» через признаки птиц // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. – Алматы, 2014. – №3 (149). – С. 115-119.
- 371 Котлярова И.В. Лексические репрезентации концепта «тоска» через признаки воды // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. – Алматы, 2013. – №4 (144). – С. 29-35.
- 372 Котлярова И.В. Лексические репрезентации концепта «тоска» через признаки воздуха // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. – Алматы, 2014. – №4-5 (150-151). – С. 105-111.
- 373 Котлярова И.В. Лексические репрезентации концепта «тоска» через признаки земли // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. – Алматы, 2013. – №5-6 (145-146). – С. 34-40.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список использованных словарей

- 1 Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 1488 с.
- 2 Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
- 3 Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартьянов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. – Т. I. От стимула к реакции. – Саратов, 2011. – 500 с.
- 4 Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартьянов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. – Т. II. От реакции к стимулу. – Ч. 1. А – Н. – Саратов, 2011. – 480 с.
- 5 Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартьянов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. – Т. II. От реакции к стимулу. – Ч. 2. О – Я. – Саратов, 2011. – 420 с.
- 6 Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб.: Норинт, 2002. – 224 с.
- 7 Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.
- 8 Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – Т. II. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 992 с.
- 9 Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
- 10 Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: МГУ, 1977. – 192 с.
- 11 Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона: ETS Publishing house, 2004. – 2208 с.
- 12 Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
- 13 Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1989. – 924 с.
- 14 Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 3. – М.: РАН ИРЯ, 2003. – 720 с.
- 15 Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 4. – М.: РАН ИРЯ, 2007. – 952 с.

- 16 Словарь современного русского литературного языка / под ред. В.И. Чернышева. – Т. 1. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 767 с.
- 17 Словарь современного русского литературного языка / под ред. С.Г. Бархударова, В.В. Виноградова. – Т. 3. – М.; Л.: АН СССР, 1954. – 1339 с.
- 18 Словарь современного русского литературного языка / под ред. Н.З. Котеловой, Г.А. Качевской. – Т. 9. – М.; Л.: АН СССР, 1959. – 1482 с.
- 19 Словарь современного русского литературного языка / под ред. К.А. Тимофеева, Н.М. Меделец. – Т. 10. – М.; Л.: АН СССР, 1960. – 1774 с.
- 20 Словарь современного русского литературного языка / под ред. Г.А. Качевской, Е.Н. Толикиной. – Т. 15. – М.; Л.: АН СССР, 1963. – 1286 с.
- 21 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
- 22 Тихонов А.Н., Ломов А.Г., Ломова Л.А. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык. Медиа, 2007. – 334 с.
- 23 Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – Т. 1: Более 145 000 слов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 860 с.
- 24 Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – Т. 2: Более 145 000 слов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 941 с.
- 25 Уваров Н.В. Энциклопедия народной мудрости: пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения, устойчивые словосочетания, встречающиеся в русском живом языке во второй половине XX – начала XXI веков: 54000 изречений. – М.: Инфра-Инженерия, 2009. – 592 с.
- 26 Уфимцева Н.В., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. – М., 2004. – 792 с.
- 27 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 1. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.
- 28 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 2. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
- 29 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 3. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
- 30 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 4. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
- 31 Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
- 32 Федосов И.В., Лапицкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. – М.: ЮНВЕС, 2003. – 608 с.